

47 ОТГОЛОСКОВ ТЪМЫ

*Сборник рассказов
лауреатов конкурса памяти
писателя Вячеслава Первушина*

18+

Виталий Вавикин

47 отголосков тьмы (сборник)

«Автор»

2015

Вавикин В. Н.

47 отголосков тьмы (сборник) / В. Н. Вавикин — «Автор», 2015

«47 отголосков тьмы» – это 47 точек зрения, 47 фантазий, 47 маленьких миров от пока не самых знаменитых, но определённо перспективных отечественных авторов хоррора. Это почти полсотни занимательных, увлекательных – и поистине кошмарных, в том или ином смысле и той или иной степени, историй. Какое-то время назад на известном портале, посвящённом ужасам, мистике и триллерам, Horrorzone.ru, при поддержке российского фантаста Виталия Вавикина и его семьи, а также под руководством составителя сборника, литератора Владимира Чакина, проходил конкурс имени писателя Вячеслава Первушина. Известный, наверное, только в узких кругах любителей подобной литературы, он, тем не менее, успел оставить яркий след как автор пугающих произведений. Рассказы победителей конкурса, согласно правилам, были сразу взяты в сборник; их дополнили лучшие из текстов, присланные теми же авторами и отобранные редакцией. Книга не имеет ничего общего с нашумевшим порно-произведением, как можно подумать из-за названия, разве что здесь на первый план тоже выходит страх – только страх этот истинный. Не созданный искусственно людьми для людей, а тот, в котором все мы вынуждены жить, независимо от расы, вероисповедания и мировоззрения, то есть страх экзистенциальный, вселенский. Убийства и убийцы, сверхъестественные создания и фантасмагоричные существа, ужасные сцены из обыденности и совершенно невозможные ситуации... Что ещё осталось сказать? Читайте, пугайтесь, удивляйтесь! Находите! И узнавайте!..

© Вавикин В. Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Предисловие	6
Виталий Вавикин	7
Звонкие ручьи грядущего	9
Богиня	19
Море	25
Вакуум	27
Клоун	29
Комната под зимним садом	33
Шрамы	42
Не божья тварь	46
Чужая кожа	51
Маленькая ложь	55
Слуги чужого бога	60
Дочери Евы	65
Джей Арс	70
Два в одном	71
Конец ознакомительного фрагмента.	94

47 отголосков тьмы

Сборник рассказов лауреатов конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина

Предисловие

Этот сборник рассказов необычен, во-первых, тем, что посвящен памяти интересного, талантливого человека – писателя Вячеслава Первушина, который творил в девяностые годы прошлого века и трагически погиб в самом начале века нынешнего, не дожив до сорока.

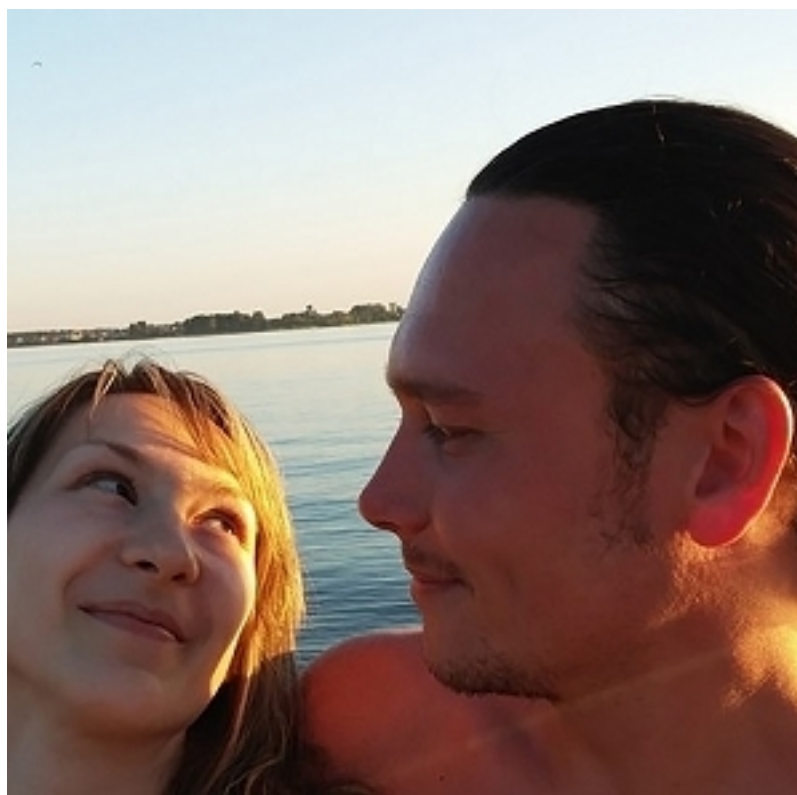
Во-вторых, необычность сборника состоит в том, что его авторам в течение года пришлось пройти сито отбора, где единственным критерием служил читательский интерес, то есть количество прочтений конкретного произведения. Не было ни жюри, ни экспертизы признанных авторитетов литературного жанра хоррор. Учитывалось только мнение читателей «Библиотеки Зоны Ужасов» сайта horrorzone.ru.

Каждый месяц по количеству прочтений определялась десятка лучших из выложенных произведений, а в конце года – тройка авторов-призеров, произведения которых вызвали наибольший читательский интерес в течение года. Безоговорочным победителем конкурса стал Виталий Вавикин (Vavikin), второе-третье места с одинаковыми показателями разделили Джей Арс (DjeuArs) и Дмитрий Якименко (dmitrykepler). Далее для сборника автоматически отбирались рассказы, занявшие наивысшие места в ежемесячных топ-10.

Всего за 2014 год в «Библиотеку Зоны Ужасов» выложили 224 произведения 37 авторов (выступавших, как правило, под псевдонимами). На стадии формирования сборника было решено отсеять крупные формы, отдельные главы, отрывки, стихотворения и сказки, то есть оставить только рассказы. В итоге в сборник вошли 47 рассказов 14 авторов. В конце сборника мы разместили интервью победителя конкурса, ответившего на вопросы главного организатора Владимира Чакина.

В заключение выражаем благодарность всем авторам, участвовавшим в конкурсе, и персонально Михаилу Парфенову, владельцу сайта horrorzone.ru, благосклонно отнесшемуся к факту проведения Литературного конкурса памяти писателя Вячеслава Первушина в формате «Библиотеки Зоны Ужасов». Также хотим поблагодарить Елену Вавикину, нарисовавшую обложку книги, Веру Дашкову, замечательного корректора, и Марию Соседко – редактора из издательства «Союз писателей».

Виталий Вавикин

Писатель мистики, хоррора и научной фантастики. 1982 г.р. (г. Кашин Тверской области).

Увлекается психологией, занимается переводами (в настоящее время работает над переводом книги С. Дэйвиса «Джим Моррисон: Жизнь, Смерть, Легенда»).

«Первый рассказ написал в 8 лет. Хотя начало было положено еще в 4 года, когда увидел в фильме по книге Жюль Верна «Вокруг света», как писатель создает книгу, как выведенные на бумаге строки преобразуются в образы, судьбы и захватывающие сюжеты. Сам процесс просто заворожил, и я как сумасшедший начал носиться по всему дому в поисках чистых листов и исписывал их подобием строчек, так как писать тогда еще не умел.

Также очень сильно на меня повлияли фильмы, просмотренные в детстве: «Семнадцать мгновений весны», «Гостья из будущего» и «Твин Пикс». А на творчество в большей степени повлияли такие писатели, как Стивен Кинг, Клайв Баркер, Филип Дик и др.

Все, что пишу, можно смело отнести к жанру экзистенциальной фантастики. Стараюсь создавать мир, который сможет отвлечь читателя от повседневности, дав ему возможность отдохнуть. Я хочу, чтобы это стало для него увлекательным путешествием. Словно подъем на Эверест: он может никогда не совершить его в действительности, но, став одним из героев, почувствует себя на мгновение альпинистом.

В разные годы произведения автора выходили в сборниках «Horror World 5», «АЭЛИТА/008»; в журналах и альманахах: «Полдень XXI век», «Фантаскоп», «Уральский следопыт», «Русская линия», «Фанданго», «Магия ПК», «SFL (Science, Fiction & Literature)», «Слон» издательства «ОЛМА МЕДИА ГРУПП», «Сумрачный гений», «Три желания». Озвуч-

чены десятки аудиокниг проектами «Послесловие» и «СВиД». В 2012 году вышли книги «Идеальное вторжение» (фантастика) и «Суккубус» (мистика/ужасы).

В 2013-м в издательстве «АЭЛИТА» опубликован сборник повестей «Старый новый мир» (фантастика), в который вошли «Головокружение», «И нет ничего нового под солнцем» и «Старый новый мир», в 2014-м – книга «Эта короткая счастливая жизнь» (мистика).

В издательстве «Литературный Совет» в 2014-м вышли: «Суккубус»; трилогия «Вендари» (книга первая, книга вторая, книга третья); «Пятая планета»; «КвазаРазмерность» (книга первая, книга вторая); «Кара за хебрис»; «Лунный блюз»; «Шарманщик»; «Другое племя»; «Потерянный мир»; «Лики звезд»; «Третий источник (Шаги в темноте)»; «Обратная сторона» (том 1 и 2); «Дети ночных цветов» (том 1 и 2).

В 2015-м: «Две жизни для одной мечты»; «Отель «Голубой горизонт»; «Мир, где приносят в жертву планеты».

Официальный сайт: <http://vavikin-horror.ru>

Звонкие ручьи грядущего

Весеннее солнце растопило выпавший за зиму снег, обнажило серые бескрайние поля, в которые, казалось, превратился весь мир. Война осталась в прошлом, но ее эхо еще гремело над землей: раскатистое, болезненное. От него вздрагивало сердце, ожидая новых ударов с воздуха, новых выстрелов, новых жертв...

– Думаешь, здесь еще остались мины? – спросил Артема его друг Скотти Палмер. Друг, который появился у Артема этой зимой.

Высокий чернокожий атлет пришел с севера, сказав, что жизнь за горизонтом такая же пустынная, как и в любой другой точке земного шара. Война забрала все, что было создано.

– Но война закончилась, – сказала Светлана, когда ее муж Андрей и его друг Артем хотели повесить Палмера на старом тополе, засохшем еще до начала войны и теперь медленно догнивающим изнутри.

Андрей отмахнулся от нее, но с линчеванием чужака решил подождать.

– Может быть, кто-то подаст нам сигнал? Скажет, что делать? – он вглядывался в горизонт, откуда пришел Скотти Палмер. Радиоприемники молчали. Ни одного сигнала, словно весь мир действительно вымер. Или затаился. – Откуда ты знаешь наш язык? – спросил Андрей чужака. – Признайся, тебя послали наши враги?

– А кто ваш враг? – спросил Скотти Палмер.

Андрей замолчал, смутился, снова начал вглядываться в горизонт. Последние бои закончились больше года назад. Бои между своими и чужими, но мирное население было слишком напугано, чтобы выбраться из своих укрытий и узнать, кто же все-таки воюет. А радио и телевидение молчало. Как и сейчас.

– Все не могли погибнуть, – сказал Андрей, вглядываясь в черные глаза чужака. – Ты же здесь. Ты же живой.

– И ты тоже живой, – сказал ему Скотти, затем посмотрел на жену Андрея, на ее живот. – Вам скоро рожать? – спросил он. Она кивнула, нахмурилась. – А врач у вас есть?

– Врача нет, – ответил за жену Андрей. Артем тронул его за руку.

– Его рюкзак, – он протянул ему вещи Скотти. – Кажется, там бинты и инструменты врача.

– Вот как? – Андрей взял рюкзак, высыпал содержимое на землю, закурил, небрежно вороша ногой кипу таблеток и ампул с пенициллином. – Так ты, значит, врач? – спросил он чужака и снова посмотрел на приготовленную ему петлю. Ветер раскачивал старый тополь, и веревка раскачивалась вместе с умирающим деревом. – И где же тогда твои шприцы и все остальное?

– Где-то в рюкзаке, если, конечно, вы их не разбили. – Скотти спросил разрешения закурить и начал рассказывать о землях, откуда пришел. О мертвых землях. – Вы первые, кого я встретил за последние месяцы, – закончил он.

– Понятно, – протянул Андрей и сплюнул себе под ноги.

– Хороший врач нам бы не помешал, – осторожно сказала Светлана.

– Верно, – согласился Андрей, посмотрел на чужака. – Ты хороший врач?

– Как и все другие врачи.

– Ты должен быть хорошим врачом, потому что у нас многим нужна помощь.

– Многим? – удивился Скотти Палмер и неожиданно заплакал. Крупные слезы покатились по черным щекам. Губы затряслись.

– Что с тобой? – растерялся Андрей.

– Наверное, просто долго был один, – сказала Светлана, дождалась, когда чужак кивнет, и предложила отвести его в дом и накормить.

Это было в начале зимы. Снег еще только начинал падать... Этот редкий, безразличный снег.

– Может быть, придут и другие? – сказал Андрей, наблюдая, как жена ведет чужака в уцелевший кирпичный дом, над залатанной крышей которого клубился белый дым коптящей печи. – Может быть, это только начало?

Он снова устремил взгляд к горизонту, откуда пришел чужак, позвал Артема и велел присматривать за незнакомцем.

– Думаешь, от него можно ждать неприятностей?

– Не знаю. – Андрей закурил еще одну сигарету и плотнее запахнул зимнюю куртку.

В эту ночь ему приснилось теплое довоенное лето. Был солнечный день, и они с женой шли по улице родного города. В огородах частных домов суетились люди. Играла музыка, только Андрей никак не мог разобрать мотив. Не мог он и понять, откуда доносится музыка, пока не заметил старые рупоры, закрепленные на фонарных столбах.

«Наверное, это военный марш», – подумал Андрей и тут же услышал взрывы и автоматные очереди. Звуки долетели издалека, но он знал, что война идет в этот край, катит к нему, стуча гусеницами танков по асфальту. И никто не спасется. Никто.

Он закричал и проснулся. Светлана лежала рядом и смотрела на него большими напуганными глазами. За окном падал снег. Дрова в печи прогорели, и холод начинал пробираться в комнату. «Когда родится ребенок, будет еще холоднее», – подумал Андрей. Их первый ребенок этого послевоенного мира. Ребенок, которому поможет появиться на свет чужак, незнакомец.

– Скотти Палмер, – тихо произнес он.

Появившиеся в голове сомнения заставили с первыми лучами солнца подняться и, отыскав чужака, отправиться с ним в ближайший уцелевший лес, чтобы набрать дров. Тележка, на которую они грузили вязанки, была старой и скрипучей. Скотти молчал, работая за двоих. Андрей отослал Артема домой и долго приглядывался к чужаку.

– Не очень-то ты похож на врача, – подметил он, наблюдая, как Скотти справляется с тележкой.

– Что это значит?

– Мне кажется, ты слишком сильный для врача.

– Мы все слишком сильные, если смогли выжить. – Палмер выдержал его взгляд, спросил сигарету.

Когда вернулся Артем, топоры стучали в разных частях леса.

– Узнал, что хотел? – спросил Артем Андрея, не получив ответа, отыскал чужака. – Вы что, поссорились?

– Я не знаю. Он лишь сказал, что я слишком сильный для врача. – Палмер закончил рубить старое дерево, дождался, когда оно упадет, примяв под собой молодую поросль. – Кем работал твой друг до войны?

– Слесарем.

– Откуда тогда он знает, каким должен быть врач?

– Может быть, он просто переживает, что ты будешь принимать роды у его жены?

– Почему?

– А ты бы на его месте не переживал?

– У меня нет жены.

– А ты представь, что есть и что роды у нее принимает Андрей. Скажи, разве ты бы не переживал?

– Переживал.

– Вот видишь!

– Но он ведь слесарь, а не врач.

– Тоже верно! – Артем рассмеялся, затем предложил чужаку сигарету. Они сели на поваленную сосну, достали приготовленный Светланой обед.

– Здесь раньше были красивые места, – сказал Артем. – До войны. Тихие, чистые. А как было там, откуда ты пришел?

– До войны?

– Конечно.

– Людно.

– Понятно. – Артем помрачнел, спросил чужака о семье.

– Зачем тебе знать об этом?

– Не знаю. У нас так принято, понимаешь? Мы так знакомимся.

– Я же говорил, что никто не уцелел.

– У меня тоже все погибли.

– А та девушка с пневмонией, которой я делаю уколы?

– Мы с ней друзья.

– Мне кажется, ты ей нравишься.

– Правда? – Артем задумался.

– Знаешь, она, может, и не красавица, но сейчас выбирать не приходится.

– Мы с ней встречались еще до войны.

– Тогда тем более.

– Что тем более?! Это было еще в школе, да и сейчас все изменилось. Нас здесь всего пятеро, и если верить тебе, то вокруг больше никого нет. О каких отношениях можно говорить?!

Артем выбросил недокуренную сигарету и принялся за обед, однако уже вечером, вернувшись в поселение, зашел к Светлане и спросил, не пошла ли Лена на поправку.

– Может, сам спросишь? – предложила она.

Артем помялся и сказал, что зайдет как-нибудь в другой раз.

– Ей будет приятно увидеть тебя! – крикнула ему вдогонку Светлана.

Артем вышел на улицу и долго стоял на крыльце, наблюдая, как ветер гоняет по пустому двору бумажный пакет. Небо было темным и беспокойным. В покосившемся сарае хлопала незакрытая дверь, за которой была темная, густая тьма. Артем вздрогнул, увидев мелькнувшую в темноте сарая тень.

– Кто там? – крикнул он, спустился с крыльца.

Подхваченный новым порывом ветра бумажный пакет пролетел перед лицом. Артем отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Дверь в сарай замерла. На пороге застыла темная тень.

– Скотти? – недоверчиво спросил Артем. – Что ты там делаешь, черт возьми? – он подошел ближе, не веря своим глазам. – Ищешь туалет? Он есть в доме, где ты поселился. – Артем замер, разглядев блестящие слезы на черном лице чужака. – Тебе плохо? Я могу помочь?

– Мне никто не может помочь. – Палмер отступил во мрак сарая, вытер слезы, надеясь, что их не успел заметить новый знакомый.

Артем притворился, что не заметил, помолчал несколько минут, затем сказал, что у него в доме есть бутылка хорошей водки.

– Или водка тоже не поможет?

– Обычно не помогает, – сказал Палмер, однако от выпивки не отказался.

Они дошли до дома Артема. Он поставил на стол стаканы, открыл бутылку.

– Скажешь, когда хватит, – предупредил Артем, однако Палмер молчал, пока он не наполнил его стакан до краев. – Еды собрать?

– Я так. – Палмер выпил, сморщился, закрыл глаза.

– Ого! – Артем налил себе, посмотрел на пустой стакан Палмера, который тот поставил на стол. – Еще налить?

– Как хочешь.

– Да я не жадный, вот только поесть бы надо, а то опьянеем быстро... – он замолчал, увидев, что Палмер снова взял стакан, тяжело вздохнул и взял свой.

Они снова выпили. Артем положил на стол пачку сигарет. Палмер достал одну, неловко попытался прикурить, продолжая сжимать в левой руке измятую фотографию.

– Можно посмотреть? – осторожно спросил Артем.

Палмер смутился, словно забыл, что держит фотографию, затем пожал плечами, передал снимок новому другу.

– Это твоя жена? – спросил Артем, разглядывая женщину на фотографии. – Красивая.

– Это Каталина.

– Понятно. – Артем кивнул, посмотрел на пустые стаканы, помолчал. – И все-таки я сделаю поесть.

Он ушел на кухню, поджарил хлеб и яйца.

– Пахнет вкусно, – монотонно подметил Палмер. – Кажется, что не ел ничего подобного целую жизнь.

– Это все жена Андрея. Не знаю, как она научилась печь хлеб, но выходит очень неплохо. А вот куриц у нас почти не осталось. Наверное, в эту зиму доедим последних.

– Почему тогда не пойдете дальше?

– Дальше? – Артем принес сковороду, поставил на стол, бросил в нее пару вилок. – А куда идти? Здесь вокруг минное поле.

– Ну я же пришел.

– Считай, что тебе повезло. – Артем разделил вилкой яичницу в сковороде на две равные части. – Ты ешь давай. – Он дружелюбно улыбнулся. Палмер кивнул, спрятал фотографию. – А знаешь что, – сказал Артем с набитым ртом, – если хочешь, то можешь оставаться у меня. Комнат здесь много, на дровах сэкономим, да и веселее так.

– А твоя семья?

– А не было у меня семьи.

– Совсем?

– Умерли, когда я был ребенком.

– Сожалею.

– Я привык, да и давно это было. – Артем снова закурил. Водка согрела желудок, прогнала тревоги. – Ну, а ты как потерял свою Каталину?

– В первый раз или во второй?

– А ты терял ее дважды?!

– Сначала изменил ей и она ушла. А потом началась война... – Палмер взял свой стакан.

– Да. За это, пожалуй, можно и выпить, – согласился Артем.

– Она была моим единственным другом, – сказал Палмер, морщась от выпитого.

– Другом? – Артем задумался. – С женщинами такое редко бывает.

– А ты с той девчонкой?

– С Леной?

– Да.

– Не знаю.

– Она тебе нравится?

– Наверно.

– Тогда хорошо. – Палмер взялся за вилку, доел яичницу, закурил.

Артем заговорил об Андрее, затем перешел к его жене, к предстоящим родам, оживился, спросил, были ли у Палмера дети.

– Двое.
– Они тоже...
– Да.
– Черт! – Артем покосился на бутылку. Палмер кивнул. Они выпили молча. – Если бы знать, кто начал эту войну!
– Это уже ничего не изменит.
– По крайней мере, будем знать, кого винить во всем, что случилось.
– Я виню себя.
– За то, что тебя не было с семьей, когда они погибли?
– И это тоже.
– И что бы ты сделал? Как бы ты их защитил?
– Может быть, если бы они были рядом со мной, то бы выжили, как и я?
– Может быть. А может быть, останься ты с ними, то был бы сейчас таким же мертвым. – Артем встретился взглядом с Палмером и сказал, что им стоит выпить еще. – Иначе мы точно подеремся.

– Почему?
– С Андреем у нас всегда так. Он не согласен со мной. Я с ним... Мы всегда сначала спорим, потом ненавидим друг друга.
– Я не чувствую к тебе ненависти.
– Но не согласен со мной.
– Почему?
– Ну не знаю. Это ведь была твоя семья и все такое... – Артем нахмурился, пожал плечами, разлил по стаканам остатки водки. – Думаешь, мы выживем?
– Мы уже выжили.
– Я имею в виду вообще. Завтра, через год... Что если кроме нас никто не уцелел?
– Тогда война больше не вернется.
– Тоже верно. – Артем снова нахмурился, выпил. – И все-таки было бы лучше, если бы кто-нибудь выжил еще. – Он поднялся на ноги, достал из шкафа постельное белье, бросил его на диван, сказал, где туалет, где стоит вода. – И свечи не забудь задуть, когда будешь ложиться.
– Не забуду, – пообещал Палмер, прикурив от одной из свечей сигарету и задул остальные раньше, чем Артем ушел в свою комнату.

Дрова в неловко сложенной печке горели, и Палмер долго наблюдал за игрой теней на дощатом полу, затем снял ботинки, лег на кровать. Выпитое почти не пьянило. Головокружения не было, но Палмер видел, как медленно вздрагивают темные стены, словно ветер сна-ружи колышет их, как флаги. Эти монолитные кирпичные стены. И стены дрожат, меняются. И кажется, что вместе с ними меняется весь дом.

Палмер зажмурился. Стены надвинулись на него, сдавили, словно тиски. Он закричал, но сил уже не было. Невозможно было даже дышать. Лишь открыть глаза и смотреть. Весь мир вокруг хотел, чтобы Палмер открыл глаза и смотрел, как все меняется, возвращая его в прошлое, в жизнь, которой больше никогда не будет.

Ожившие воспоминания перенесли Палмера в уничтоженную войной квартиру, где жили они с Каталиной, вернули запахи, звуки, потянули Палмера в спальню, где на кровати лежала женщина, которую он любил. Но кровать была пуста. Лишь простыни хранили след женского тела – едва заметную тень, подтверждая, что здесь кто-то недавно лежал. Палмер вздрогнул, увидев, как ожил этот силуэт. Бесформенная масса поднялась с кровати, обрела жизнь, протянула к Палмеру руки. Ему захотелось закричать, но он не смог этого сделать. Бесформенный силуэт обнял его за шею. Холодные губы прижались к его губам. Палмер почувствовал, как дыхание силуэта заполняет его рот, проникает в легкие. Дыхание такое же холодное, как и губы, дарящие поцелуй. И этот взгляд силуэта без глаз! Взгляд из темноты.

– Зачем ты убил меня, Скотти? Зачем ты убил меня? – услышал Палмер голос Каталины, проникавший прямо в мозг, причиняя боль. – Зачем ты убил меня? Зачем? Зачем? Зачем?

– Хватит! – закричал Палмер, упал на колени, закрыл голову руками, сжался, заплакал.

– Эй, с тобой все в порядке? – спросил Артем. Палмер не ответил. Артем наклонился к нему, тронул за плечо. – Эй, что случилось?

– Я не знаю. – Палмер осторожно открыл глаза.

Он лежал на грязном полу. За окнами начиналось утро. Палмер поднялся на ноги, надел ботинки, взял сигарету и вышел на улицу.

Выпавший за ночь снег окрасил черную землю грязно-белым цветом. Тощая собака в конуре несколько раз тявкнула, увидев Палмера, замолчала, начала вилять хвостом. Кто-то открыл калитку. Палмер прищурился, пытаясь разглядеть вошедшего во двор человека.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Андрей, погладил тощую собаку. – Артем в доме?

– Да.

– Хорошо. – Андрей поднялся на крыльцо, постоял несколько минут, не решаясь открыть дверь, затем вошел.

Артем брлся на кухне, увидел Андрея, улыбнулся.

– Завтракать будешь с нами?

– Лена умерла.

– Что?

– Сегодня ночью.

– Но как... – Артем уронил бритвенный станок в раковину, пошел в комнату, чтобы закурить, вернулся, вытер намыленное лицо. – С ней же вчера все было в порядке.

– Жена тоже сказала, что все было нормально, а утром... – Андрей обернулся, желая убедиться, что Палмера нет в доме. – Чужак делал ей какие-то уколы...

– Это же был просто пенициллин, – затряс головой Артем.

– А если нет?

– Что нет? Там на коробке было написано!

– Написать можно что угодно. – Андрей достал из кармана ампулы из рюкзака Палмера, коробку со шприцами, положил на стол.

Артем закурил, долго смотрел за окно.

– Что-то случилось? – спросил Палмер, заходя в дом. Никто ему не ответил. Палмер увидел коробку со шприцами, ампулы пенициллина. – Зачем это здесь?

– Зачем? – Андрей обернулся.

Глаза его были налиты кровью. Он хотел сказать так много, но в итоге не мог сказать совсем ничего. Лишь сделать. Коробка со шприцами упала на пол. Андрей неуклюже надломил ампулу пенициллина, набрал раствор в шприц, заставил Палмера сделать себе укол, затем почти час сидел напротив него и ждал, что чужак умрет. Артем стоял у окна и нервно курил.

– Ну хватит! – потерял он терпение. – Не думаю, что Палмер имеет к этому отношение. Скорее всего, виной всему просто случайность! – он подошел к Андрею, тронул его за плечо. – Пойдем, нам нужно сделать гроб.

– А что делать мне? – спросил Палмер.

– Можешь пойти с нами, – сказал Артем, услышал, как Андрей скрипнул зубами, но притворился, что ничего не заметил.

Они вышли на улицу. Морозный воздух трезвил и помогал собраться с мыслями. Ветра не было. На голубом небе застыла пара белых облаков.

– У меня в сарае есть несколько хороших досок, – сказал Андрей.

Он зашел в дом и вынес ящик с инструментами. Молотки стучали до обеда: медленно, неспешно. Несколько раз на улицу выходила Светлана, видела Палмера, спешно уходила обратно в дом.

– Не думал я, что все будет так. – Андрей прикрыл пустой гроб крышкой, вынес из сарая две лопаты, сказал, что копать могилу пойдут только он и Палмер.

Артем долго смотрел им вслед. Они шли по длинной улице на окраину крохотного города, где находилось кладбище. Палмер молчал. Андрей выбрал место на возвышенности возле молодой сосны.

– Думаю, здесь будет хорошо, – сказал он, воткнул в замерзшую землю лопату, закурил, наблюдая, как Палмер начинает копать. – Промерз только верхний слой. Дальше будет легче, – говорил он, затягиваясь сигаретой.

Палмер не слушал. Воспоминания снова оживали: могилы, Каталина, дети... Приступ эпилепсии вернулся как-то внезапно. Палмер упал на холодную землю, забился в припадке. Андрей продолжал курить, наблюдая за ним. Продолжал до тех пор, пока сигарета не сгорела до фильтра, затем поднялся на ноги, взял лопату. Сомнений не было.

– Какого черта ты делаешь?! – заорал на него Артем. Андрей узнал его по голосу, но обобщиваться не стал. – Стой!

– Этот чужак убил Лену!

– Откуда ты знаешь?!

– Мы сделали ему укол утром. Сейчас у него припадок. Значит, у Лены тоже был ночью припадок. Не знаю, что в тех ампулах, но что не пенициллин – точно.

– У Палмера уже был припадок утром! До укола!

– Это ничего не меняет.

– Может быть, Лену уже никто не мог спасти?

– Плевать! – Андрей пнул чужака ногой, заставляя перевернуться на спину.

Приступ отступал, и Палмер медленно приходил в сознание. Где-то далеко раздавался голос Андрея, а еще дальше голос нового друга – Артема. Холодные лучи солнца блеснули, отразившись от острия лопаты.

– Не надо! – закричал Артем.

– На кой черт ты вообще пришел сюда?! – заорал на него Андрей, снова ударил Палмера несколько раз ногой, снова замахнулся.

– Он не убийца, и ты тоже! – Артем увидел, как опустилась лопата Андрея. Еще раз и еще.

Сталь рассекла Палмеру плечо, левую щеку, выбила пару зубов. Боль обожгла сознание, вернула трезвость мысли.

– Стой! – Артем побежал вперед, надеясь, что успеет остановить Андрея, увидел, как сверкнула острием еще одна лопата. Испачканная в земле сталь воткнулась Андрею точно в горло. Он захрипел, упал на колени, медленно завалился на бок. Палмер разжал пальцы, выронил лопату. Артем подошел, увидел покрытую первым снегом землю, на которую текла теплая кровь, попятился, сел. Андрей и Палмер не двигались, и Артем думал, что они оба мертвы.

Он достал пачку сигарет и закурил. Голова кружилась, и когда он услышал тихий стон Палмера, то убедил себя, что это ему показалось. Но стон повторился. Чужак захрипел и попытался подняться, упал, снова начал подниматься. Артем не двигался. В какой-то момент ему показалось, что сейчас поднимется и Андрей. Он посмотрел на друга. Из рассеченного горла текла кровь.

– Наверное, мне лучше уйти от вас, – донесся откуда-то издалека голос Палмера. Артем поднял голову, посмотрел на него. – Я не хотел убивать твоего друга. Извини.

Опираясь на лопату, чужак заковылял прочь. Или же не чужак. Артем вспомнил оставшуюся Светлану. Вспомнил о предстоящих родах.

– Подожди! – крикнул он Палмеру, догнал его. – Куда ты пойдешь? Здесь вокруг мины!

– Но ведь как-то я сюда пришел.

– Повезло. – Артем осмотрел его раны, сказал, что нужно сделать перевязку, отвел Палмера в свой дом, неуклюже наложил несколько швов, вернулся на кладбище, похоронил Андрея.

– А где мой муж? – спросила Светлана, когда он забирал из ее дома тело Лены.

Он не ответил. Закоченевшая рука Лены зацепилась за дверной проем.

– Подожди, помогу, – сказала Светлана, вышла следом за Артемом на улицу.

Он опустил тело Лены в гроб, положил его на старую тележку, с которой они еще вчера ездили за дровами.

– Пойду с тобой, – сказала Светлана.

Артем встретился с ней взглядом и не смог отказать.

До кладбища они шли молча. Потом молчали, когда Артем копал могилу. Светлана взяла у него сигарету. Хотела спросить о муже, но так и не смогла. Все было каким-то холодным, как начинавшаяся зима. Холод в воздухе, холод в сердце. Словно не осталось совсем никаких чувств.

– Андрея убил чужак, да? – тихо спросила Светлана. – Убил так же, как убил Лену?

– Нет.

– Нет? – Светлана заглянула последнему другу в глаза и, неожиданно даже для себя, кивнула. Они вернулись в дом. Она достала спрятанную Андреем бутылку водки, поставила на стол. – Вот. Он ждал, когда родится ребенок, но сейчас... – Светлана заплакала, отвернувшись. Артем налил себе.

– Ты будешь?

– Нет, но ты пей. – Она разогрела ужин, поставила тарелку на стол, отошла к окну и долго смотрела, как Артем ест. – И не стесняйся. Если хочешь, то у меня есть еще.

– Я уже сыт. – Он выкурил сигарету, выпил еще, заснул.

Светлана сняла ему ботинки, укрыла одеялом, долго сидела у окна, наблюдая оттуда, как спит Артем, затем тоже легла.

Ей приснилась темная комната без дверей и окон. Лишь где-то высоко вверху горела крохотная лампа. Светлана смотрела на нее и больше всего боялась, что когда-нибудь эта лампа погаснет и она останется в кромешной тьме. Ее тихий плач разбудил Артема. Он подошел к ее кровати, взял за руку. Светлана улыбнулась сквозь сон.

– Все будет хорошо, – сказал Артем, погладил по голове, дождался, когда она снова крепко заснет, и только после этого ушел.

Ночь была звездной и темной. Лишь изредка блестел, словно проплешины, снег. Артем шел домой медленно, неспешно. Длинная улица терялась в темноте и казалась бесконечной. Он еще был пьян, но холод быстро трезвил мысли, оживлял воспоминания. Андрей, Лена, родные, соседи...

– Я думал, ты больше не придешь, – сказал Палмер.

– Почему? – Артем закрыл входную дверь, снял теплую куртку. – Это ведь мой дом. Верно?

– Здесь много домов. – Чужак лежал на диване, закинув на спинку длинные ноги. Свет не горел. Лишь трещали дрова в печи.

– Если хочешь уйти, то уходи. – Артем поставил на печь чайник.

– А ты хочешь, чтобы я ушел?

– Я не знаю. Наверное, нет. Нас и так здесь трое осталось.

– А жена Андрея? Она знает о том, что случилось с мужем?

– Думаю, будет лучше, если ты постарайся держаться от нее подальше какое-то время.

– А как же роды?

– Не знаю. – Артем заварил себе чай, предложил Палмеру.

– Сейчас бы водки.

– Хочешь напиться и обо всем забыть? Не получится.

– Хочу раны промыть, а то гноиться начинают.

– А... – Артем выкурил сигарету, лег в кровать, но так и не смог заснуть.

Лишь ближе к утру ненадолго задремал, слышал далекие взрывы и тут же проснулся, подошел к окну, долго прислушивался, снова лег, снова поднялся, бросил в остывшую печь дров, оделся, поплелся к Светлане, чтобы разжечь печь в ее доме.

Он вошел в ее дом осторожно, стараясь не разбудить ее. Она слышала шаги, открыла глаза, увидела его в блеклых лучах рассвета, вздрогнула, тихо заплакала. Артем попытался обнять ее, успокоить. Она отстранилась, повернулась к стене, закрыла глаза и лежала так до позднего вечера, пока Артем силой не заставил ее поесть.

– Если хочешь, то я теперь могу жить у тебя, – сказал он. Она посмотрела на него как-то отрешенно, качнула головой. – Тогда я буду готовить тебе дрова и следить за домом.

– Кур надо покормить.

– Покормлю.

Артем попытался взять ее за руку, но она отстранилась, подошла к окну, сказала, что хочет побыть одна.

Артем ушел, долго бродил по безлюдным улицам, надеясь найти в разрушенных домах еду или водку, вернулся злой и с пустыми руками.

– Я могу уйти, если ты хочешь, – сказал Палмер.

Раны на лице и теле воспалились, и у него был жар. Артем смерил его тяжелым взглядом, но ничего не сказал, разделся, лег спать. Заснул почти сразу, снова слышал далекие взрывы, проснулся и уже не сомкнул глаз до утра.

– Я сама могу топить печь, – сказала Светлана, когда он пришел.

– Тогда я буду оставлять дрова на пороге, – сказал Артем.

Она кивнула, дождалась, когда он уйдет, закрыла дверь.

В последующие несколько дней она не выходила из дома. Лишь забирала дрова, оставленные на крыльце. Артем дал ей время, чтобы успокоиться, – выждал чуть больше недели, затем осторожно постучал в закрытую дверь. Никто не открыл ему. Он постучал в окно. Светлана увидела его, впустила в дом, велела разуться на пороге, напоила чаем. Вокруг все буквально блестело чистотой, в которой Артем начинал чувствовать себя грязным и неуместным.

– Можно я еще как-нибудь зайду? – спросил он, оставляя пакеты с найденными в брошенных домах продуктами.

Светлана улыбнулась, но так и не ответила. Больше недели она не выходила из дома, затем Артем увидел вывешенное на веревках постельное белье. Простыни застыли на морозе. Светлана снимала их, неловко ломая и складывая в корзину. Артем предложил помощь. Она не отказалась, но и в дом не пригласила. Они снова стали чужими, как и до войны. Просто соседи.

Лишь когда в конце зимы настало время рожать, Светлана пришла к нему и попросила помощи. Она тяжело дышала, по лицу катились крупные капли пота, застывавшие ледышками на воротнике теплой куртки.

– Я сейчас позову Палмера! – сказал Артем.

– Не надо Палмера! – Светлана схватила его за руку. – Мы сами. Хорошо?

– Хорошо, – неохотно согласился он, но, когда оделся и вышел на улицу, Светлана уже вернулась в свой дом.

Она лежала на кровати и тихо стонала. Утреннее солнце светило в заиндевевшие окна.

– Что мне делать? – спросил Артем.

– Пока просто посиди со мной, – попросила она.

Он кивнул, подвинул к кровати стул.

– Я приготовила обед, так что ты потом сходи на кухню и поешь, – сказала Светлана.

– Ты думаешь, все будет так долго?

– Я не знаю. – Она встретилась с ним взглядом и улыбнулась. Артем улыбнулся в ответ.

Ближе к вечеру он осторожно предложил Светлане позвать Палмера. Она отказалась. Кричала всю ночь, утром смолкла, задремала на четверть часа, снова начала кричать, затем снова стихла.

Артем оделся, выбежал на улицу, привел Палмера. Чужак находился со Светланой до полуночи, затем укрыл ее простыней, вышел, вымыл руки и молча пошел домой.

– Какого черта? – Артем заглянул в комнату, замер, не веря, что все закончилось. – Но ты ведь врач! – закричал он Палмеру, догоняя его на улице.

Холодный ветер гонял над сугробами снег. Артем был не одет, но не замечал этого.

– Ты заболеешь, – сказал Палмер.

– К черту! – Артем схватил его за руку. – Почему она умерла?

– Ты привел меня слишком поздно.

– Но ты же врач.

– Верно. Врач, а не Бог. Ты просил от меня невозможного.

– Ты врешь! Ты врешь! – Артем хотел его ударить, но тело замерзло так сильно, что сил хватило только расплакаться, упасть на колени, сжаться, забыться.

Палмер поднял его на руки и отнес в дом, укрыл одеялами, напоил водкой и долго сидел рядом, пока Артем не уснул.

Печка в доме Светланы погасла, в комнаты пробрался холод.

Артем и Палмер дождались ранней весны и только тогда похоронили ее. Земля была промерзшей, но им некуда было торопиться.

– Не хочу больше оставаться здесь, – сказал Артем, когда теплое солнце растопило снег на полях.

Они дождались конца апреля, собрали вещи, провизию.

– Думаешь, здесь действительно остались мины? – спросил Артема Палмер, когда они оказались в поле.

– Надеюсь, что нет. Но если наступишь, то не двигайся. Они не взрываются, пока не поднимешь ногу. – Он обернулся, бросив последний взгляд на далекую окраину города, рассказал о выжившем после войны соседе, подорвавшемся на одной из мин в этом поле, вспомнил друзей, которых похоронил в эту зиму, сник.

– Все еще винишь меня в их смерти? – спросил Палмер.

– Нет, – сказал Артем, услышал щелчок сработавшего детонатора мины, замер.

– Это у меня, – сказал Палмер.

– Не двигайся!

– Да я уже понял. – Палмер нервно улыбнулся. Артем встал на колени, осмотрел мину под ногой чужака. – Ты ведь поможешь мне?

– Конечно. – Артем отошел в сторону, снова вспомнил всех, кого похоронил в эту зиму. Вспомнил даже свою собаку, издохшую в начале весны. – Ты только никуда не уходи. – Он развернулся и осторожно пошел по оставшимся следам назад в город.

Добрался до окраины поля, за которой была родная, знакомая земля, снял рюкзак и долго стоял неподвижно, дожидаясь взрыва...

Богиня

1

Затерявшаяся среди болот деревня встретила Дэйла Блоксэма и его друзей так, как подобает встречать чужаков: косые взгляды, недовольство, шепот за спиной.

– Зачем Джонни приехал сюда? – спросила Кэрис.

– Я не знаю, – Тэй обнял ее за плечи. – Может быть, ему надоели большие города?

– Да нет! Это просто отличный способ пустить себе кровь, – засмеялся Маккол, убивая очередного москита. – Интересно, а медицинские пиявки у них есть?

– Не знаю, как насчет медицинских, – Дебора смотрела на зеленую воду, покрытую трясиной, – а простых, думаю, хоть отбавляй.

Они шли по деревянному причалу к суше. Проводник, который показал им это место, развернул лодку и теперь уплывал прочь. Вышедшие им навстречу люди молчали. Пожилая женщина в льняном сарафане держала в руках несколько ломтей свежее испеченного хлеба. Она протянула их Тэю.

– Спасибо, – замялся он, принимая дар. – Мы ищем своего друга. Джонни. Не могли бы вы отвести нас к нему?

Делегация встречающих молчала. Все они смотрели на хлеб в его руках.

– Съешь его, – сказал Дэйл.

– Съесть? Да я не ем хлеб!

– Они ждут, Тэй!

– Черт! – он засунул в рот большой кусок и заставил себя проглотить. – Джонни, – повторил он. – Отведите нас к нему.

Женщина с хлебом прошла мимо него и вручила крупные ломти каждому из его друзей. Лишь после того, как все они последовали примеру своего друга, она заговорила:

– Джонни предупреждал, что вы придете. Мы ждали вас.

– Нам нужно его увидеть, – проявила нетерпение Кэрис.

– Утром, – сказала женщина. – У нас есть некоторые правила, если, конечно, вы понимаете, о чем я. Следуйте за мной.

2

Их привели в большое деревянное здание.

– Здесь живут наши гости, – пояснила женщина.

– Джонни тоже здесь? – спросила Кэрис.

– Нет. Джонни уже не гость. Он один из нас. – Женщина указала на дверь: – Здесь будет ваша комната. – Она остановила Тэя: – Не ваша. Вас мы поселим чуть дальше. Незамужним женщинам не положено спать с мужчинами.

– Но мы женаты.

– У нас свои обычаи. – Женщина наградила Кэрис недовольным взглядом. – В шкафу вы найдете более приличную одежду.

Кэрис смущенно одернула короткую юбку.

– Вас это тоже касается, – сказала женщина Деборе. – В следующий раз постарайтесь выглядеть более прилично.

– Нас это тоже касается? – спросил Тэй.

- К мужчинам у нас более терпимое отношение.
- Это радует, – засмеялся Маккол.
- Они прошли дальше по коридору.
- Мужчины – продолжатели рода, – сказала женщина. – У мужчин больше прав, нежели у женщин.
- Хотя где-то нас еще ценят. – Он ударил себя по щеке, раздавив очередного москита. – Как вы боретесь с ними?
- Ночью их будет больше.
- Черт!

3

Стемнело. Тэй лежал на кровати, спрашивая себя, зачем Кэрис притащилась сюда. Неужели брат был настолько дорог ей или же это Дэйл уговорил ее приехать?

- Ни электричества, ни водопровода, ни телефона, – Маккол встревоженно расхаживал по комнате.
- Завтра мы встретимся с Джонни и заберем его отсюда, – сказал Блоксхэм.
- А если он не захочет? Что тогда? – Маккол воззрился на Тэя. – Думаешь, Кэрис уедет без него?
- Думаю, мы сможем его убедить.
- Надеюсь, ты прав, потому что я не собираюсь задерживаться здесь ни на день больше. В дверь кто-то постучал.
- Наверное, девчонки, – улыбнулся Маккол.
- Он открыл дверь. На пороге стоял мужчина – один из тех, что встречали их у причала.

4

Он отвел их в место, напоминавшее салун из старых вестернов. Его звали Джаруд, но Блоксхэма и его друзей больше интересовало бренди, которое он снова и снова приносил за столик.

- Боюсь даже представить, как вы живете здесь, – сказал изрядно подвыпивший Маккол. – Не удивлюсь, если окажется, что ты женат на своей собственной сестре.
- У нас небольшая деревня, – Джаруд начал икать.
- По-моему, это отвратительно!
- Мак! – попытался успокоить его Блоксхэм.
- А что? Представляешь, трахать каждую ночь собственную сестру?!
- Не-е-ет, – замотал головой Джаруд. – Не каждую ночь. Только ради потомства.
- А как же... ну... секс и все такое? – Маккол тупо уставился на своего нового друга. – Или же вам здесь этого не надо? Гм!
- Были времена, когда и не надо было. Женщинам, по крайней мере, – Джаруд понизил голос. – Говорят, когда-то давно был один обычай... В общем, потом женщины годились лишь для того, чтобы работать и рожать.
- Что за обычай? – теперь Маккол начал икать.
- Им отрезали клитор.
- А ты болтун, Джаруд, – улыбнулся Блоксхэм.
- Нет, – снова затряс тот головой. – Клянусь, все было именно так, до тех пор, пока не пришла Тарлона.
- Тарлона?
- Тиш! – он прижал указательный палец к губам. – Она научила женщин править.

– Так вами правят юбки? – заржал Маккол, вспоминая то, как их встречали.
– Причем здесь клитор? – серьезно спросил Джаруда Блоксхэм.
– Тарлона подарила им себя, понимаешь?
– Нет, – теперь и Блоксхэм начал икать.
– Их наслаждение. Они обретают его там.
– Где – там? – Маккол был весел. – Вокруг вас только болота.
– Вот именно там. Они приходят к ней, когда наступает время. Когда старость бьет для них в колокол.
– Вы что, бросаете мертвецов в болота?
– Почему мертвецов?
– Это жестоко, Джаруд.
– Это их путь.
– Чей?
– Женщин.
– Значит, вы хороните в болотах только женщин?
– Их ждет там наслаждение, понимаешь? А мы, мужики, получаем это наслаждение здесь. Мы не достойны. Тарлона не любит нас! – по его щекам покатались благоговейные слезы.

5

Шатаясь, они поднимались по лестнице.
– Это что-то типа публичного дома? – спросил Джаруда Маккол.
– Лучше! – Джаруд засунул в рот большой палец, обсасывая соленую кожу.
– Бедный мужик, – шепнул Тэй Блоксхэму.
– Мне интересно другое. Что Джонни нашел в этом месте?
– Может быть, он трахает эту Тарлону?
– Да, это было бы на него похоже.
Из комнаты, возле которой остановился Джаруд, вышли два мужика, подтягивая штаны.
– Они особенные! – пропел Джаруд, открывая дверь.
Две женщины, стоя на четвереньках, обернулись, разглядывая незнакомцев. Их тела были обнажены.
– Что за... – если бы Маккол был не настолько пьян, то его бы вырвало.
– Заходите же! – поторопил Джаруд. – Здесь на всех хватит!
– Ну уж нет! – Маккол сбросил с плеча его руку.
– У них что, по два влагалища? – Тэй озадаченно чесал затылок.
– Это только у одной, – Джаруд радостно хлопнул в ладоши, пуская слюни. – У другой три сиськи!
– Это отвратительно!
– Это обещает удовольствие! – Джаруд снова попытался запихнуть друзей в комнату. – Тарлона дарит нам их, в знак благодарности за нашу работу.
– Дарит?
– Да! Она позволяет им появиться на свет такими... – Джаруд жадно проглотил скопившуюся слюну. – Аппетитными.
– Чертово кровосмешение, – подметил Маккол.
– Это точно, – согласился Тэй. – Здесь что, нет нормальных шлюх?
– Я, пожалуй, еще выпью.
– Я тоже. Дэйл, ты идешь?
– Что Джонни нашел в этом месте? – Блоксхэм продолжал разглядывать ошибки анатомии. – Джаруд, я могу остаться здесь?

- Ты что, спятил? – опешил Маккол.
- Я знаю, что делаю. Так как насчет того, чтобы мне остаться с ними одному, Джаруд?
- Одному?
- Я же гость, Джаруд. Не так ли?

6

- Ты новенький? – спросили женщины Блоксхэма.
- Да. – Он заставил себя подойти к ним ближе. – Я новенький.
- Как тебя зовут?
- Дэйл.
- Дэйл, – пропели женщины.
- Джонни.
- Так Дэйл или Джонни?
- Я ищу Джонни. Он ведь был здесь, да? Высокий, худощавый, с красивым лицом и светлыми волосами.
- Он рассказывал нам о тебе.
- Рассказывал?
- Да, он говорил, ты был отвратительным любовником.
- Где он сейчас?
- Здесь. Повсюду. – Женщины обняли ноги Блоксхэма. – Ты не должен искать его. Не ты. Тарлоне не нравится, когда ищут ее возлюбленных. – Их руки поднимались к его паху. – Мы лучше, чем Джонни, Дэйл.
- Где он?
- Покажи нам свою спину, ковбой. Она так же красива, как и спина Маккола?
- Что? Откуда вы знаете?
- Джонни рассказал нам.
- Я должен увидеть его.
- Тарлона хочет только Джонни.

7

- Блоксхэм лежал в кровати, слушая, как храпит Маккол.
- Скажи, – спросил Тэй, – ты трахнул их?
 - Нет.
 - Из-за Джонни?
 - Это ошибки анатомии, Тэй. Я просто хотел расспросить их о нем.
 - Странное место, правда?
 - Более чем.
 - Зачем ты расспрашивал Джаруда про кладбище?
 - Хочу убедиться в правдивости его слов. – Блоксхэм поднялся с кровати и открыл окно. – Думаю, я смогу отыскать кладбище и в темноте.
 - Какого черта, Дэйл? Что ты хочешь там увидеть?
 - Могилы, Тэй. Джаруд сказал, что они хоронят женщин в болотах, значит, на кладбище должны быть только могилы мужчин.
 - Это глупо.
 - Мы должны знать, что нас ожидает здесь.

8

На кладбище было грязно и воняло болотной тиной. Блоксхэм осмотрел не один десяток надгробий. Джаруд не врал. Здесь действительно были похоронены только мужчины.

– Узнал, что хотел? – спросила Блоксхэма незнакомая женщина.

– Тебя послал Джаруд?

– Меня послала Тарлона.

– Мне не нужны ваши тайны. Только Джонни.

– Тебя уже ждут.

– Джонни?

Девушка не ответила ему.

9

– Это здесь, – она указала ему на высокий сарай.

– Здесь воняет, – скривился Блоксхэм, осторожно переступая порог.

– Здесь твой возлюбленный. – Девушка закрыла за ним дверь. – Здесь много твоих возлюбленных.

Блоксхэм ничего не видел. Он был здесь не один. Он знал это. Слышал чье-то сопение вокруг.

– Джонни? – позвал он.

Десятки разбуженных свиней недовольно захрюкали. Их загонь были открыты. Они выбирались из них и шли на голос чужака. На его запах. Одна из свиней укусила его за ногу. Блоксхэм вскрикнул и пнул ее. Хлынувшая из раны кровь напомнила другим свиньям об их голоде. Теперь это был не чужак. Теперь это была их пища. Одна за другой свиньи впивались зубами в его ноги, выдирая теплые куски свежего мяса. Блоксхэм кричал, пытаясь найти выход. «Главное – не упасть», – думал он, но вскоре на его ногах не осталось плоти. Свиньи вцепились в его руки, торс, лицо. Они разрывали его на части.

10

Тэй открыл глаза. Молодая девушка смотрела на него сверху вниз.

– Ваш друг, – сказала она. – Ему нужна помощь.

– Что с ним?

– Он на причале.

– Чертов Блоксхэм! – проклинал его Тэй, поднимаясь с кровати.

Он вышел следом за девушкой на улицу.

– Он всего лишь хотел найти Джонни.

– Я знаю, – сказала она.

Они подошли к причалу. В болотах что-то булькало. Старые доски закрипели под ногами. Люди. Молчаливые жители этой деревни. Они стояли вдоль перил и смотрели на незваного гостя. Болото светилось. Казалось, что люминесцируют водоросли. Несколько мужчин с ножами преграждали Тэю дорогу. Они жадно принимались. Их глаза были закрыты... Нет, они были то ли вырезаны, то ли чем-то выжжены.

– Какого черта? – Тэй вопросительно уставился на девушку. – Где Блоксхэм?

– Тарлона не любит незнакомцев.

– К черту! – он попытался схватить ее за руку. – Завтра нас здесь уже не будет. Обещаю!

– Я знаю. Чужаки уходят быстро.

Она выскользнула из его рук. Тэй обернулся. Со спины к нему приближалась еще одна компания слепцов с ножами.

– Какого хрена?!

Услышав его голос, слепцы ускорили шаг. Они зарежут его! Искромсают на части! Взобравшись на перила, Тэй прыгнул в болото. Затхлая вода сомкнулась над его головой. Что-то тянуло его вниз. Он открыл глаза, пытаясь сориентироваться. Водоросли обвили его ноги. Внизу было илистое дно, наверху тьма. Бесформенная голая женщина плыла к нему навстречу, раскинув руки. У нее не было определенного возраста. Большие груди, вскормившие не одного ребенка, свисали к животу. Она обняла Тэя, прижимая его голову к своей груди. Он слышал, как бьется сердце. Десятки нежных рук ласкали его. Их нежность заставила сделать вдох, наполняя легкие затхлой водой. Последний вдох Тэя.

11

Маккол открыл глаза, проклиная себя за то, что вчера так сильно напился. Яркое солнце ослепило его. Он лежал на деревянном кресте лицом вниз. Его руки, ноги и шея были привязаны к кресту. Рядом с ним стоял Джаруд, щедро поливая его голову холодной водой, заставляя очнуться.

– Что происходит?! – Маккол попытался освободиться от пут.

– Успокойся, – Джаруд похлопал его по щеке. – Девочки тоже хотят поиграть.

Две женщины, две ошибки анатомии, подошли к нему.

– Твоя спина, ковбой, – сказала одна из них, разглядывая большую татуировку на его коже.

– Джонни рассказывал нам о ней, – сказала та, у которой было три груди. – Она нравилась ему. Ты знаешь?

– Какого черта! – Маккол снова попытался освободиться.

– Нам нужен только рисунок. На память. А потом, возможно, ты станешь одним из нас.

Джаруд освободил Макколу левую руку и вложил в нее нож.

– Когда боль будет невозможно терпеть, убей себя, – сказал он, приставив острие к его груди.

Маккол ничего не мог сделать. Только ждать, сжимая в мокрой ладони рукоять ножа.

– Пожалуйста, – взмолился он, пытаясь отыскать в толпе сочувствующих, но их не было. – Кэрис!

Ее взгляд был холодным. Таким же, как и глаза остальных женщин деревни. Тарлона была в каждой из них. И каждая из них была в Тарлоне. На их лицах не дрогнул ни один мускул. Мольбы Маккола не разжалобили их. Он был один. Он был чужак. Его крик утонул где-то в болотах. Дрожащая рука так и не смогла вонзить нож в собственное сердце. Даже когда с его спины срезали часть кожи, даже когда мухи отложили в его плоть личинки, а москиты принялись сосать из него кровь, – он не смог лишить себя жизни.

Несколько дней он лежал привязанный к кресту где-то среди болот и надеялся на спасение. А личинок, облюбовавших его свежую плоть, становилось все больше.

Море

1

Море. Штиль. Белый диск солнца. Человек в спасательной лодке. Жара. Белая соль на одежде. Жажда. Глаза слипаются. Мысли путаются. Невозможно вспомнить, сколько уже прошло дней с момента крушения, – время вытянулась в бесконечную прямую. Минута? Вечность? Смена суток?

Соленые воды плещутся о борт желтой резиновой лодки. Человек лежит на спине, смотрит в небо. Белое солнце обжигает глаза, выдавливает слезы – такие же соленые, как и вода за бортом.

– Ты все видишь, правда? – спрашивает человек, обращаясь к солнцу.

Белый лик молчит.

– Ты все знаешь, – продолжает человек.

Сухие растрескавшиеся губы начинают кровоточить. Он чувствует металлический привкус во рту.

– И тебе плевать, – говорит человек солнцу. – Плевать на меня, на всех!

Он улыбается, и на мгновение ему кажется, что солнце улыбается в ответ.

– Да. Я так и думал, – кивает человек.

2

Всплеск. Дельфин выбивает хвостом сноп жемчужных брызг, кружит возле лодки.

– Хочешь подружиться? – спрашивает человек.

Дельфин смотрит на него, кивает, снова выбивает сноп брызг.

– Видел? – спрашивает человек белое солнце. – Не то что ты!

Он протягивает руку, трогает дельфина, называет его другом, снова смотрит на солнце – далекое и нереальное, жаркое и раскаленное.

– Ненавижу тебя! – кричит ему человек, смотрит на дельфина. – Ты ведь понимаешь меня?

Дельфин кивает, уплывает далеко вперед, возвращается, долго плывет рядом.

– Друг, – шепчет ему человек. – Настоящий друг.

3

Дождь. Редкие капли падают с неба. Человек чувствует их на своем лице, открывает глаза, жадно ловит открытым ртом.

– Издеваешься, да? – кричит он солнцу, которое прячется от него за синими тучами. – Любишь издеваться?!

Дождь усиливается, прогоняет дельфина.

– Он вернется! – обещает солнцу человек, но солнца уже не видно.

Пунцовые тучи начинают метаться по небу. На дне лодки скапливается вода. Человек падает на колени, пытается напиться. Кричит что-то, не особенно понимая, что происходит. Воды в лодке становится больше. Человек пытается ее вычерпывать руками, проклинает небо, зовет дельфина, плачет, отчаивается, клянется в чем-то кому-то...

4

Утро. Штиль. Спасательный жилет помогает держаться на воде. Лодка утонула. Сознание ясное и чистое. Человек смотрит вдаль. Страх нет. Ничего нет. Лишь бесконечная водная гладь кругом. Все остальное осталось где-то ночью, утонуло вместе с лодкой во время шторма.

5

Плавник. Острый, черный.

– Нет. – Человек недоверчиво вглядывается в даль.

Казалось, что хуже не может быть. Казалось, что больше вообще уже ничего не будет и всю оставшуюся жизнь придется плыть и плыть, пока не придет медленная безболезненная смерть.

– Только не так! – шепчет человек, видя, как приближается к нему акула. – Только не так!

Он оглядывается, пытаясь найти выход, видит далекий корабль. Белые паруса. Киль разрезает море.

– Нет, – шепчет человек. – Так не бывает! Я просто схожу с ума. У меня видения...

Он оборачивается, надеясь, что акулы уже нет за спиной. Но акула по-прежнему плывет к нему, плывет за добычей. И плывет корабль, чтобы спасти его. Люди на борту что-то кричат ему, машут руками.

– А если это на самом деле?

Человек плывет к кораблю, оглядывается, видит акулу.

– Помогите! – кричит он людям на корабле.

Белое солнце молча наблюдает за ним с синего неба.

Акула? Корабль?

Безумие? Реальность?

– Помогите! – снова кричит человек, но уже обращаясь не только к людям на корабле, но и ко всему миру, ко всему человечеству. – Помогите, кто-нибудь!

И нет уже ничего, кроме этого крика. И можно только плыть. Плыть вперед. Плыть, пока есть силы...

Вакуум

1

Она не думала, что идет в будущее, не верила, что, когда откроет глаза, увидит крылатых ангелов, она просто шла в темноту, перешагивая через грань, за которой нет ничего. Сделанная петля как нельзя лучше сдавила шею, в ушах загудело. Ступни вытянулись в поисках опоры. Она сжала кулаки, слюна заструилась по подбородку. Темные круги застлали глаза. Тело еще раз судорожно дернулось и обмякло.

2

Она умерла. Ушла из мира, где не могла больше оставаться. Открыла дверь и вырвалась на свободу, пусть даже такой ценой... Но свобода была недолгой. Она поняла, что возвращается, вновь ощутив тяжесть век и боль в горле. Прорвавшийся сквозь ноздри воздух разорвал слипшиеся легкие. Приступ рвоты сдавил желудок. Тронутая гниением пища, поглощенная до смерти, зловонными кусками вырвалась наружу. Налитый кровью взгляд уперся в канализационный свод. Где-то далеко гудели очистительные сооружения. Где-то там фильтровались испражнения тысяч людей. Не рай и не ад. Всего лишь мир, из которого она хотела уйти.

3

Никогда прежде она не чувствовала ничего подобного. Не было ни страхов, ни сомнений. Паутина в голове говорила ей, куда идти и что делать. Кристальная прозрачность сути. Все остальное было второстепенным.

4

Редкие прохожие старались держаться подальше от странной женщины. Преследовавший ее запах мог напоминать лишь одно – смердящую вонь разлагающейся плоти. Устремив взгляд на другую сторону улицы, она смотрела на рыжеволосого гинеколога. Он улыбался. Он шел на работу, и она шла следом за ним.

5

Дверь в кабинет была открыта. Гинеколог поливал цветы на подоконнике. Он не слышал ее шагов. Сильные руки мертвеца сдавили его плечи и бросили на гинекологический стул. Месяц назад она была на его месте, и этот рыжий улыбчивый гинеколог высасывал вакуумом из ее тела ребенка. Теперь вакуум высасывал из него внутренности. Компрессор тихо работал, выплевывая в стеклянные сосуды окровавленные куски мяса. Месяц назад она видела, как в один из этих сосудов компрессор выплюнул часть ее тела. Часть того, что должно был стать ее ребенком.

– Боже мой! – шептал гинеколог. – Не надо. Не надо. Не надо.

Она тоже шептала. Тогда шептала.

6

Отец нерожденного ребенка был дома. Он мирно спал в своей кровати. Она помнила, как он улыбался, говоря, что договорился об аборте. Помнила, как дожидался ее возле больницы.

– Сама понимаешь... – говорил он.

– Да, – кивала она.

Она подошла к кровати и сдавила его горло.

– Уходи, – прошипела она его проснувшейся жене.

Женщина закивала и выбежала из дома.

– О боже! О боже! – звучал ее голос с улицы.

7

Паутина вздрогнула. Еще одна бабочка. Последняя.

8

Она пришла на городскую свалку. Здесь, среди бытового мусора и медицинских отходов, она отыскала гниющий кусок мяса, который должен был стать ее ребенком. Она обняла его и прижала к груди. Теперь ее путь был окончен.

Клоун

1

Поцелуй был настолько страстным, что фильм совершенно не запомнился.

– К тебе или ко мне? – спросила Кейт Рейлэнс, когда они вышли из кинотеатра.

– Можем в машине, – предложил Пол Грир, обнимая девушку за плечи.

– Снова в машине?

– Ты против? – он прижался лицом к ее голове, вдохнул запах ее волос.

– Мы же не дети!

– Я не говорю о детях. Я говорю о нас.

– Тогда не против. – Кейт нырнула ему под мышку, не видя ничего и никого вокруг.

Почти никого...

Клоун. Невысокий, застенчивый, с тремя воздушными шарами в левой руке. Наклонив набок голову, он наблюдал за парой, стоя чуть в стороне. Кейт встретила с ним взглядом, вздрогнула. Вздрогнул и клоун. Белые воздушные шары устремились в небо. Кейт заставила себя улыбнуться.

– Смотри, – указала она Гриру на клоуна.

– Возьмем третьим?

– Пошляк! – Кейт ткнула Грира под ребра.

Он притворился, что ему больно. Клоун повторил его движения.

– Он что, заигрывает? – попытался пошутить Грир, обнял Кейт за плечи, прижал к себе.

Клоун снова повторил его движения, обняв невидимую девушку.

– А так? – спросил Грир, поцеловав Кейт.

Клоун повторил поцелуй.

– Неплохо, вот только без языка... – Кейт подмигнула клоуну, вспомнила, о чем они говорили с Гриром минутой ранее, потянула его к машине.

Клоун пошел следом, продолжая пародировать их.

– Мы вообще-то хотели побыть вдвоем! – сказал клоуну Грир, скользнув по спине Кейт вниз.

Клоун повторил его движения. Грир тихо выругался.

– Дойдем до машины и отделаемся от него, – шепнула ему на ухо Кейт.

Клоун отстал, однако, когда Грир садился за руль, вынырнул на тротуар и начал пародировать его.

– Да, да. Очень забавно! – одобрил его на прощание Грир, включил передачу, дал задний ход, вздрогнул, почувствовав удар, остановился, вышел из машины.

Клоун лежал на асфальте, раскинув руки. Большие глаза были открыты и смотрели в небо.

2

Кровь клоуна на асфальте и руках пытавшихся спасти его людей – эти видения приходили каждый раз, стоило Кейт закрыть глаза чуть дольше, чем на секунду.

– Не нужно было тебе выходить из машины, – снова и снова говорил ей Грир.

Кейт кивала. Кейт, которая все еще находилась на парковке возле кинотеатра. Она стоит на коленях возле клоуна, а его кровь из разбитой головы течет по ее рукам.

– В этом не было нашей вины, – сказал Грир.

Кейт кивнула.

– Офицер Добински сказал, что мы можем забыть об этом, как о ночном кошмаре.

– Я знаю.

Кейт попыталась сдержать приступ рвоты, но не смогла, закрыла рукой рот, добежала до ванной.

– С тобой все в порядке? – спросил через дверь Грир.

– Я не знаю, – честно призналась Кейт.

– Помощь нужна?

– Нет. – Она закрыла крышку унитаза, спустила воду, подошла к раковине, умылась, уставилась на свое отражение. Бледные щеки, синяки под глазами, губы блестят синевой.

Кейт открыла ящик, достала пудру, попыталась привести себя в порядок, вышла из ванной, увидела, как вздрогнул Грир, когда посмотрел на нее, и невольно вздрогнула сама.

– Какого черта это значит? – растерянно спросил Грир, пытаясь за макияжем клоуна отыскать знакомые черты любимой женщины.

3

Рабочий день шел медленно, тянулся, мучил. Несколько раз Грир пытался дозвониться до Кейт, но так и не смог. К концу рабочего дня он уже начинал ненавидеть автоответчик и записанный на нем голос.

– Где ты была? – спросил он, приехав домой к Кейт, увидел коробки с купленными костюмами, разбросанные на кровати.

– Просто хотела немного отвлечься, – извиняясь, улыбнулась Кейт.

– Могла бы хоть позвонить, – недовольно проворчал Грир, прошел на кухню, закурил.

В комнате шуршал картон коробок и ткань костюмов. Грир налил себе оставшийся в кофеварке холодный кофе, услышал шаги Кейт за спиной, обернулся, увидел клоуна.

– Ну как? – спросила Кейт кривляясь, изображая застенчивость.

Грир молчал.

– Я тебе не нравлюсь? – Кейт расстегнула несколько пуговиц костюма, обнажив грудь. – А так?

– Так уже лучше, – сказал Грир, не понимая, что происходит.

– Тогда чего же ты ждешь? – Кейт поманила его к себе, попятилась к дивану. – Ты когда-нибудь хотел сделать это с клоуном?

– Нет.

– А когда был ребенком? – она встала коленями на диван, спиной к Гриру, обернулась.

– Если честно, когда я был ребенком, то до чертиков боялся клоунов, – признался Грир.

– Вот как? – Кейт рассмеялась, выбралась из белого клоунского комбинезона, словно змея из старой кожи. – А теперь? – спросила она, выгибая спину. – Теперь тебе страшно?

– Теперь нет. – Грир отчаянно пытался убедить себя, что это просто странная, не совсем здоровая игра.

4

Филип Бота позвонил Гриру в обед и с какой-то простоватой хитринкой сказал, что видел Кейт.

– Ты не говорил, что она работает клоуном, – добавил Бота.

– Клоуном?! – Грир почувствовал, как екнуло сердце. – Где ты сейчас?

– В центральном парке.

- А она?
- Здесь же.
- Никуда не уходи.
- Что? – растерянно спросил Бота, но Грир уже повесил трубку.

5

Центральный парк. Голоса детей. Белый диск солнца висит высоко в небе.

– А она у тебя молодец, – сказал Филип Бота Гриру, наблюдая, как Кейт веселит детей. Грир кивнул, закурил, не зная, что делать. Около получаса Бота находился с ним, затем ушел. Грир ждал, гадая, знает ли Кейт, что он здесь, или нет. А если знает, то...

– Какого черта ты делаешь?! – потерял он терпение, подошел к своей девушке и, взяв под руку, отвел в сторону.

Она наградила его гневным взглядом, затем моргнула как-то растерянно.

– А, это ты! – протянула она устало.

– Что это значит? Ты что, хочешь таким образом обвинить меня в смерти того клоуна? Ладно. Я понял. Признаю. За рулем сидел я, но...

– Мигель Альварес, – сказала Кейт.

– Что?

– Клоуна звали Мигель Альварес. – Она обернулась, улыбнулась паре случайных прохожих, снова уставилась на Грира гневным взглядом. – Ты убил Мигеля Альвареса, а вон там, – ее рука вытянулась, указывая на пару ребятшек с мороженым, – там его дети. Сироты. Не хочешь подойти и поговорить с ними?

– Что?

– Извиниться.

Грир тяжело вздохнул, пожал плечами, поплелся к скамейке с детьми, на ходу подбирая слова.

– Ну же! – поторопила Кейт, когда они подошли к детям.

Грир замаялся, начал бормотать что-то бессвязное. В животе появилась тяжесть. Рот заполнила желчь.

– Что здесь происходит? – строго спросил мужчина, подходя к детям.

Женщина взяла детей за руки и повела прочь.

– Это ваши дети? – опешил Грир.

– А незаметно? – скривился мужчина, сжимая перед лицом Грира тяжелый кулак.

Грир извинился, поднял руки, сделал шаг назад. Кейт рассмеялась: громко, задорно, безудержно.

6

В клинике тихо и пахнет медикаментами.

Доктор Дорфф долго осматривал Кейт, затем сделал укол, дождался, когда она уснет, предложил Гриру пройти в кабинет, выслушал историю о клоуне, рассказал случай о мальчике, который после смерти своей кошки долго считал себя кошкой.

– Я так понимаю, что будет лучше, если Кейт останется на время здесь? – пришел к выводу Грир.

Доктор Дорфф выдержал его тяжелый взгляд и кивнул.

– И как долго?

– Пока не пройдет чувство вины, – доктор Дорфф развел руками, признавая, что не все-силен.

Грир кивнул, попрощался, вышел на улицу. Какое-то время он просто бездумно шел вперед. Черная тень шла рядом. Назойливая тень, все больше и больше начинавшая напоминать встреченного на стоянке у кинотеатра клоуна, который так хорошо парадировал людей. Грир выругался, остановился. Тень остановилась. Он пошел. Тень пошла следом за ним. Пошла кривляясь, издеваясь над ним.

– Ну хватит с меня! – Грир поймал такси, добрался до центрального парка, забрал свою машину, стараясь не обращать внимания на преследовавшую его тень.

Но тень была, шла следом за ним, кралась, пряталась.

– Чего ты хочешь? – спросил Грир, когда оказался дома.

Тень затаилась, метнулась за диван, когда вспыхнуло искусственное освещение. Грир прошел в ванную, умылся, взгляделся в свое отражение.

– Чего ты хочешь? – спросил он клоуна, который пялился на него с зеркальной глади.

Клоун не ответил, лишь робко улыбнулся.

– Это была случайность, – тихо сказал клоуну Грир. – Мы не виноваты. Мы... – он замолчал, услышав звонок в дверь.

7

На пороге стоял Филип Бота. В руках у него были две почтовые коробки.

– Вот, прислали на работу, – сказал он. – Я подумал, что живем все равно рядом, поэтому...

– Что поэтому? – устало спросил Грир, пытаясь понять, что лежит в коробках.

– Что с твоим лицом, Пол? – растерянно спросил Бота.

– С лицом? – Грир провел указательным пальцем по щеке. Белый грим еще не засох.

– Ты что, тоже подрабатываешь клоуном или это у вас с Кейт такие ролевые игры? – попытался найти объяснение Бота.

– Я сейчас умоюсь. – Грир забрал у него коробки. – Никуда не уходи.

Он закрыл дверь, побежал в ванную, спешно умылся.

«Надо успокоить его, убедить, что со мной все в порядке, – думал Грир, натягивая чистый костюм. – Сходим поужинать, выпьем...»

В дверь снова позвонили.

– Я, пожалуй, пойду! – крикнул Бота, чувствуя недоброе.

Он развернулся, сделав шаг к лифту, когда открылась дверь. В нос ударил свежий запах грима.

– А вот и я! – радостно сказал Грир.

Бота медленно обернулся. На пороге стоял клоун и застенчиво улыбался ему.

Комната под зимним садом

1

Он был писателем – Джером Малкович. Так, по крайней мере, ему казалось с детства. Позже в этом его убедила пресса. Критики – и те словно сговорились хвалить его... И казалось, что так будет всегда. Всю жизнь... Но потом что-то сломалось: в голове, в жизни. Словно кто-то переключил невидимый тумблер. «Нужно просто расслабиться», – решил Малкович.

– Нужно просто немного отвлечься, – сказал он своей жене.

– Хорошо, – сказала Бриджит, выждала полтора года, поняла, что лучше не будет, и подала на развод.

На процессе Малкович в основном молчал да лишь изредка жаловался то на тяжелое похмелье, то на очередную женщину, с которой провел ночь.

– Ты понимаешь, что топишь нас? – шипела на него адвокат по разводам Эмили Уотсон.

Малкович кивал, спрашивал, какого размера у нее грудь, признавался, что еще немного пьян или под кайфом. Эмили оглядывалась, давала ему затрещину.

– Ты хуже моего ребенка! – шипела она.

Малкович соглашался, тем более что дочь адвоката ему действительно нравилась.

– Ей семь, ее зовут Джуди, и вчера она спрашивала, должна ли теперь называть меня папой, – говорил он, видел, как заливаются румянцем щеки Эмили, и самодовольно улыбался.

2

Чувства пришли как-то внезапно, хотя Малкович предпочитал, чтобы это было вдохновение или хотя бы идея на рассказ. Встреча с женой была назначена на девять утра. Был воскресный день. Малкович проснулся в семь. Эмили еще спала. От нее пахло чем-то сладким. Малкович поймал себя на мысли, что хочет не сбежать, а остаться. По крайней мере, пока не пройдет это странное чувство... Он выкурил сигарету, заставил себя подняться, оделся, поймал такси...

В баре было душно, и Бриджит опаздывала. «Впрочем, как и всегда», – подумал Малкович, заказал себе выпить, затем еще и еще. Алкоголь не пьянил. Голова настырно оставалась трезвой.

– Начал пить с утра или продолжаешь с ночи? – спросила Бриджит.

На ней была надета черная мини-юбка. Чулок не было. Черные туфли на высоком каблуке. Шаг широкий.

– У тебя трусы видно, – подметил Малкович, когда бывшая жена села за стол.

– Тебя это беспокоит?

Он пожал плечами.

– А моему новому нравится, – сказала она.

– Хорошо.

– Ты-то в последний год совсем ничего не замечал.

– Не знал, что тебя это волнует.

– Вот еще!

– Тогда хорошо.

Малкович поставил пару необходимых подписей.

– Не жалеешь, что отдал дом? – спросила Бриджит уже как-то примирительно.

- Это меньшее, что я должен тебе за те пятнадцать лет, что ты меня терпела.
- Адвокат научила так говорить?
- Адвокат еще спит.

Бриджит нахмурилась, хотела сказать что-то еще, затем махнула рукой, ушла. Малкович смотрел ей вслед и ничего не чувствовал. За соседним столом сидела пара инженеров. Какое-то время Малкович слушал их разговор, затем поднялся, прошел мимо, качнувшись к их столу, извинился, сунул в карман украденный телефон. Никто ничего не заметил. Малкович вышел на улицу, выбросил украденный телефон в урну. Ничего: ни страха, ни раскаяния, ни гордости.

3

Идея съехаться пришла так же внезапно, как и чувства.

– Мы просто попробуем, – предупредила Эмили. – И никаких разговоров о свадьбе и о том, чтобы завести общего ребенка.

– Согласен.

– Отлично! – Эмили прищурилась, смерила Малковича внимательным взглядом. – И никаких больше женщин на стороне.

– Согласен.

Малкович закурил.

Ближайшие пару недель они потратили на поиски нового дома. Эмили оживилась, похорошела. На бледных щеках появился румянец. И дом, который она выбирала...

– Ты словно собираешься остаться здесь на всю жизнь, – подметил Малкович, когда они осматривали новый, еще пахнувший краской дом за чертой мегаполиса.

Эмили не ответила, больше – притворилась, что не услышала. Она ходила по дому и строила планы.

– Тебе все еще нужен свой кабинет? – спросила она Малковича.

Он смутился, затем осторожно кивнул.

– Тогда выбирай любую комнату, – предложила Эмили.

Малкович смутился сильнее.

– Или ты собираешься пить и жалеть себя до конца своих дней? – неожиданно ошети-
нилась Эмили.

– Ты беременна? – напрямую спросил он.

Она выдержала его взгляд и сказала «да».

4

Следом за чувствами и новым домом пришла мысль, что удастся снова начать писать – впервые за последние годы и на трезвую голову.

– Если хочешь, то можешь снять для этого где-нибудь квартиру или номер в отеле, – предложила Эмили.

Малкович долго хмурился.

– Пока мы не закончим ремонт в новом доме, – добавила Эмили.

Малкович нахмурился сильнее, но уже в этот же вечер позвонил знакомому агенту и попросил подыскать что-нибудь подходящее.

– Жена вытянула все деньги? – удивился агент, думая о своих процентах.

– Просто не нужно ничего яркого, – заворчал на него Малкович. – Скорее, наоборот, для музыки.

5

Старый отель был похож на замок снаружи и на дешевую ночлежку внутри. Одно крыло было закрыто, и там ночевали бездомные. В другом крыле находился крытый зимний сад, в котором не сохранилось ни одного целого стекла, и во время дождя его затапливало так сильно, что стены соседних номеров были покрыты плесенью. Большинство комнат были смежными. Номера разделены тонкой перегородкой. Толстая пожилая женщина по имени Тайра, которая вела Малковича к лучшим номерам, бесстыже перечисляла несуществующие преимущества отеля.

– Я беру, – сказал Малкович.

– Берете? – растерялась Тайра, получила деньги наличкой за месяц вперед и не смогла сдержать радостную улыбку.

Улыбался и Малкович. Водка и сигареты помогли скоротать вечер. Постельное белье пахло пылью и плесенью, но было чистым. Малкович лежал на кровати, прислушиваясь, как засыпает отель – стихают крики и брань, голоса, смех.

Ближе к полуночи он выбрался в коридор. С собой у него была початая бутылка водки и новая пачка сигарет. Все как-то неестественно стихло. Малкович попробовал отыскать зимний сад. Под ногами трещали разбитые стекла, разваливались старые ковры. Малкович прошел вперед, попробовал открыть дверь в соседнее крыло, огляделся, убедился, что никто не наблюдает за ним, ударил ногой в замок. Подгнившая древесина хрустнула, сдалась.

Заброшенное крыло встретило его прохладой, ночной свежестью и далекими голосами. Малкович закурил.

Собравшиеся у старого камина бездомные замолчали, увидев чужака.

– У меня есть сигареты и водка, – сказал Малкович, подходя к огню, чтобы согреть руки, вытащил из кармана пару двадцаток, протянул ближайшему бездомному. – А если есть желание, то можно принести еще водки.

Парень схватил деньги, огляделся, получил согласие старших и побежал прочь. Малкович сел на его место, достал пачку сигарет, увидел протянутые грязные руки, раздал всем по сигарете. Пачка кончилась. Пришлось достать еще денег и отправить еще одного подростка за сигаретами.

6

– Богач? – спросила молодая девушка, подсаживаясь рядом.

– С чего ты взяла?

– Ну, если бы ты обокрал кого-нибудь, то вряд ли бы стал раздавать так деньги, да и костюм у тебя дорогой...

Малкович прервал ее, представился.

– А я – Милли, – сказала девушка. Рука ее была теплой, ладонь немного влажная.

– Выпьешь? – предложил Малкович, достав початую бутылку водки.

Бездомные загудели.

– Вам сейчас принесут! – напомнил им Малкович.

– Сомневаюсь, что они станут тебя слушать, – сказала Милли.

– А мне плевать. – Он выпил из бутылки, закрыл крышку.

– Кажется, ты предлагал выпить мне, – сказала девушка.

Малкович кивнул. Она забрала у него бутылку.

– А ты умеешь пить, – подметил Малкович.

Милли кивнула, перевела дыхание, вернула бутылку. Лицо у нее было смуглым. Черные волосы коротко пострижены. Глаза большие, светлые.

– Давно ты здесь? – спросил Малкович.

– Пару месяцев.

– А до этого?

– Какая разница?! – девушка поморщилась, попросила у него сигарету.

Малкович снова выпил.

– У меня кризис, – сказал он, сам не зная зачем.

– У тебя – что? – растерялась Милли.

– Я писатель, и у меня кризис.

– Ах, это... А то я уж испугалась, что это болезнь какая...

– Да. Смешно звучит.

– Я не шутила.

– Я, к сожалению, тоже.

Малкович выпил еще.

– У тебя есть семья? – спросила Милли.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – вздохнула девушка.

– Пока смотришь, вроде и есть, а отвернулся – совсем один.

Она взяла у него сигарету. Какое-то время они молчали. Вернулся бездомный, которого посылали за водкой. Ночлежка ожила, загудела. Кто-то пустил по кругу железную кружку. Когда очередь дошла до Малковича, он попытался отказаться.

– Если хочешь остаться здесь, то пей, – сказала Милли.

Он не стал спорить. Выпил один раз, другой. Огонь в камине стал ярче. Звучавшие голоса начали казаться знакомыми. Малкович запомнил пару имен, перекинулся парой дружеских фраз, затем все как-то замерло, осталось только пламя в старом камине.

7

– Придумал что-нибудь? – спросила Милли.

Она сидела рядом, прижималась к нему.

– Ты это о чем?

– Ну, ты же писатель.

– Тогда не придумал, – Малкович нахмурился.

Рука Милли ловко расстегнула ему ремень.

– Сколько тебе лет? – спросил Малкович.

– А это важно?

– Если я старше тебя вдвое, то да.

– Тогда скажи, сколько тебе.

– Тридцать семь.

– Значит, все нормально. – Ее рука скользнула ему в брюки. – Нравится?

– Я же сказал, мне тридцать семь, не семнадцать...

– Тогда пошли в кровать. – Она поднялась на ноги.

Старый матрац скрипнул. От него пахло плесенью и крысиным дерьмом.

– Хочешь быть сверху или слишком стар для этого? – спросила Милли.

– Дело не в этом.

– Тогда в чем?

– У меня нет презерватива.

– Я не заразная.

- Может быть, я, – Малкович заставил себя улынуться.
- Тогда давай по-другому. – Милли засуетилась, переворачиваясь в кровати. – Если ты, конечно, не брезгливый, – сказала она, обернувшись.
- Малкович качнул головой и начал расстегивать ей джинсы.

8

- Утро. Скрип битого стекла. Звон цепей. Далекие голоса.
- Что ты здесь делаешь? – услышал Малкович голос Милли.
 - Она соскочила с кровати, перебравшись через Малковича, словно его и не было. Перед лицом мелькнул треугольник черных волос. Зазвенела пряжка ремня.
 - Какого черта, Рик? – зарычала Милли, натягивая джинсы.
 - Я везде искал тебя, – сказал парень.
 - На вид ему было не больше двадцати. Кожаная куртка, увешанная цепями, вытертые джинсы, армейские ботинки... Малкович спешно заморгал глазами, увидев стальные шпоры на каблуках.
 - Я не вернусь, Рик. Я не могу.
 - Не можешь? – он огляделся, пытаясь найти причину, увидел Малковича. – Из-за него? – взгляд парня скользнул по расстегнутым штанам, остановился на лице. – Но ведь это же старик!
 - Он не старик! И дело не только в нем.
 - Тогда в чем?
 - Пожалуйста, уйди, Рик.
 - Значит, в нем.
 - Малкович увидел в руках Рика нож, спешно вскочил с кровати. Милли вскрикнула, попыталась встать между ними. Рик оттолкнул ее, навалился на Малковича, захрипел. Милли снова вскрикнула, схватила недопитую бутылку водки, ударила бывшего парня по голове. Бутылка разбилась. Малкович почувствовал, как на лицо ему текут водка и кровь. Рик обмяк.
 - Я убила его? – спросила Милли как-то неожиданно спокойно.
 - Я не знаю. – Малкович поднялся, проверил у парня пульс. – Кажется, да.
 - И что теперь?
 - Теперь? – Малкович огляделся.
 - Ссора, кажется, никого не разбудила.
 - Можем бросить его здесь.
 - Здесь? – Милли болезненно закусила губы.
 - У тебя есть идея получше?
 - Может быть...

9

- Комната под зимним садом. Прогнивший пол, грязь. Милли что-то говорила о вечной жизни, но Малкович не слушал ее, считая, что у нее шок. Он просто помогал ей избавиться от тела. Становился соучастником убийства.
- Это не убийство, – сказала Милли, копая руками могилу для бывшего парня в мокрой земле. Серые крысы сидели на трубах, молча наблюдая за ее работой.
 - Я понимаю, что ты спасала меня, но...
 - Он не умер. – Милли бросила на Малковича гневный взгляд. – Еще не умер.
 - Как скажешь, но именно сейчас я помогаю тебе избавиться от трупа.
 - Дай мне два дня, и я докажу обратное.
 - Что ты докажешь?

– Это старый отель, Джером. Старая земля. Она помнит многое и умеет многое.
– Я не пишу ужастики.
– Да плевать я хотела на то, что ты пишешь, а что нет! – закричала Милли и неожиданно разревелась.
Малкович подошел к ней и помог копать.
– Останься со мной еще на одну ночь, – попросила Милли, когда с похоронами было покончено.
– Я не могу.
– Ну пожалуйста... – она молитвенно сложила на груди руки. – На этот раз мы можем купить презервативы и... – Милли увидела, как Малкович достает деньги, попыталась отказать.
– Это не тебе. Не только тебе. – Малкович вложил ей в руку всю наличку, что у него была, и ушел.

10

– Книгу, я так понимаю, ты не писал! – скривилась Эмили, открыв ему дверь.
– Не будь моей женой, – проворчал Малкович, направляясь напрямик в душ.
– Она, кстати, звонила.
– Хочет еще денег?
– Нет, сказала, что ты выглядел подавленным, когда вы встречались в последний раз.
– Скажи ей, что я всегда подавлен, когда она рядом!
Малкович разделся. Горячая вода обожгла тело, но ему нравилась эта боль.
– Одежду в стирку или выбросить? – спросила Эмили.
– Выбросить, – решил Малкович.
Он сделал воду горячее, закрыл глаза. В темноте мелькнули картинки подвала под зимним садом. Рик. Милли. Проведенная с ней ночь. Подковы на каблуках ее парня. Снова подвал и снова ночь с Милли. Запах ее тела. Какой-то бездомный мальчишка, который стоит возле пропахшей плесенью кровати и наблюдает за ними. Снова Рик и снова подвал.
Малкович вышел из душа. Тело было красным и болело.
– Хотел свариться заживо? – спросила Эмили, забрала у него полотенце, помогла вытереться. – Теперь ты захочешь выпить?
Малкович согласно кивнул, накинул халат. Эмили дала ему стакан с водкой. Кубики льда звякнули, ударились о зубы. Малкович прожевал их, вернул пустой стакан Эмили.
– Может, теперь расскажешь, что случилось? – спросила она.
– Просто неудачно выбрал дешевый отель.
– Так тебя побили? – Эмили рассмеялась, предложила налить еще выпить. – Ничего не сломано? Сотрясения нет?
– Просто дурацкий отель, – отмахнулся Малкович. – Дурацкий отель, дурацкая ночь, дурацкое утро... – он увидел вошедшую Джуди и помахал ей рукой. Она помахала рукой в ответ. – Она знала своего отца? – спросил Малкович.
Эмили качнула головой.
– А хотела узнать?
– Зачем тебе?
– Не знаю. Просто в отеле была одна девочка... – Малкович нахмурился, замолчал.
– Джуди знает, что я скоро снова стану мамой, – сказала Эмили, решив, что он уже не продолжит.
– Вот как?
– Да. И она хочет братика.

- Вот как? А ты?
- Мне все равно.

11

Милли. Малкович не думал о ней, пока не оказался с Эмили в постели. Простыни пахли кондиционером для белья. Эмили пахла весной. Ему нравилось ласкать ее и нравилось чувствовать ее ласки. Вот только вместо Эмили почему-то хотелось представлять Милли, и где-то далеко, в прошлом, скрипел старый, пропахший плесенью матрац, и рядом стоял грязный мальчишка лет двенадцати с каменным лицом, наблюдавший за происходящим...

Когда Эмили уснула, Малкович осторожно поднялся с кровати и вышел на улицу. Ночной воздух был прохладным, звездное небо низким. Пригород Нью-Джерси спал, и лишь вдалеке гудели редкие машины. Малкович закурил. Перед глазами снова мелькнуло лицо Милли. Где-то далеко скрипнул старый матрац. Звякнула цепь, затем подкова, но уже недалеко, здесь, рядом.

Рик. Малкович решил, что он либо спит, либо сошел с ума, потому что отказывался верить своим глазам. Парень Милли неспешно шел по пустынной улице. «Розыгрыш, – мелькнуло в голове Малковича, – это все, наверное, розыгрыш. Они узнали, что я богат, и решили вытянуть из меня денег». Он вздрогнул, поймав себя на мысли, что начинает думать как бывшая жена, даже суется так же, как она, но... «Но если это не розыгрыш, тогда что, черт возьми?!»

Рик поравнялся с ним, остановился, долго разглядывал Малковича.

– Не понимаю, что Милли нашла в тебе, – наконец сказал он.

Малкович не ответил.

– Она не хочет, чтобы я убивал тебя, – сказал Рик.

– Понимаю, – протянул Малкович, все еще видя, как он и Милли закапывают Рика в подвале.

– Но ты заставил меня страдать, – задумчиво протянул Рик, словно пытаюсь пародировать Малковича. – Ты унизил меня, причинил мне боль, убил меня, и теперь...

– Вообще-то формально убила тебя Милли, а я только помогал хоронить.

– Милли сама не своя последние дни.

– То есть ее ты уже прости?

– Конечно.

– Уже что-то, – Малкович натянуто улыбнулся.

– Но ты все равно будешь страдать, – пообещал Рик.

– Я понял.

– Поверь мне, есть много разных способов, чтобы заставить человека страдать. – Рик запрокинул голову и посмотрел на черные окна дома. – Очень много...

12

Малкович вернулся в дом, когда почувствовал, что дрожит. Налил себе выпить, забрался в кровать, но так и не смог заснуть.

Утром он дождался, когда Эмили уедет на работу, и отправился в старый отель. За комнату было заплачено вперед, поэтому Тайра Дуглас приветливо махнула ему рукой. Малкович заставил себя улыбнуться в ответ. Повсюду сновали люди, и ему пришлось ждать, когда начнется ночь, чтобы пробраться в заброшенное крыло. Он обошел все комнаты, но никого не нашел. Оставался лишь подвал под зимним садом, но туда Малкович не решился заглянуть.

Ближе к утру он вернулся в дом к Эмили. Она не спала, сидела бледная у телефона и ждала его.

- Где ты был? – тихо спросила она.
- В отеле.
- Кто-то убил Бриджит.

13

Суд был недолгим и показался Малковичу каким-то глянцевым и чересчур показательным. Адвокат, который вел его дело, сказал, что лучшим вариантом будет признаться и просить пожизненное.

– Лучшим вариантом будет начать работать и вытащить меня отсюда! – заорал на него Малкович.

- Но улики...
- Плевать я хотел на улики! Их подбросили...

Несколько раз во время процесса Малкович собирался рассказать о старом отеле и заброшенном крыле, о Милли, о ее парне, но сделал это лишь после того, как вынесли приговор.

Адвокат выслушал его внимательно, затем осторожно спросил, есть ли у него знакомые в психиатрических клиниках.

- Вы что, думаете, что я спятил? – опешил Малкович.
- Я ничего не думаю. Вы предлагаете, я говорю. За это мне платят. Сейчас вы предлагаете отправить вас в сумасшедший дом. Не кажется, что было бы лучше согласиться на пожизненное?

Малкович задумался на мгновение, затем послал его к черту.

14

Казнь состоялась дождливым осенним днем в среду. Эмили не пришла, да Малкович и не хотел этого. Врач ввел ему в вену иглу, извинился. Малкович кивнул. Все было каким-то призрачным, туманным. И тумана становилось все больше... Тумана, темноты, тишины.

Врач проверил пульс и зафиксировал смерть. Санитары отправили тело в морг. В газетах вышла короткая статья о казни некогда известного писателя. Но все это было уже в другом мире. В другой жизни.

15

Малкович открыл глаза, жадно заполняя слипшиеся легкие провонявшим плесенью воздухом. Темнота отступила. Тощие крысы уставились на незваного гостя. Малкович выбрался из грязи, огляделся. Он был в подвале. Был там, где они похоронили с Милли ее парня. Малкович поднялся на непослушные ноги. Была ночь. Тайра Дуглас спала, положив голову на сложенные руки. Малкович шагнул к выходу, остановился. Шепот звал его наверх, в заброшенное крыло. Станный шепот, знакомый.

- Не бойся, – сказала Милли, когда он нашел ее.

В камине горел огонь. Бездомные сидели полукругом, грея руки. Рик стоял в стороне, наблюдая за незванным гостем.

- Он не тронет тебя, – пообещала Милли Малковичу. – Ты ведь теперь один из нас.
- Один из вас?
- Мы все через это прошли. – Она показала ему свежие раны на запястьях.

– Так ты мертва?

– Как и ты. – Милли обняла его за шею, поцеловала в холодные губы и начала шептать что-то о любви...

Шрамы

1

Джек никогда не знал историю. Да что там история?! До тюрьмы он и читать-то едва умел. Но тюрьма изменила его. Добавила новых шрамов и новых знаний. В тюрьме была библиотека. Джек избегал смотреть в ее сторону до тех пор, пока не получил удар под ребра. На сломанные кости, которые не могли срастись, наложили пластины. На коже после операции остались незаживающие шрамы. Джеку пришлось ждать почти два месяца, когда в тюрьму привезут регенерационную машину и заставят плоть исцелить себя. Но и после того, как шрамы стали просто шрамами, Джек долго находился в лазарете.

Высокий негр по имени Илайджа приносил ему книги. Единственный негр на всю тюрьму. Джек предусмотрительно не разговаривал с ним, но книги брал. В основном это были скучные статьи о перенаселении, об освоении океана, о городах под водой, о победе над смертью. Читая о последнем, Джек вспоминал свою рану. Разве она не могла убить его? Могла. Тогда о каком бессмертии идет речь?

Ему вспомнилась мать – далекая, призрачная, которую он почти не помнил. Они расстались с ней полторы сотни лет назад. Кажется, она встретила кого-то и перебралась из подводного города на землю. Так, по крайней мере, думал Джек. А он... Он остался. Ему с детства нравился этот нависший над головой стеклянный купол. И за последние три сотни лет его жизни ничего не изменилось. Он любил свой город так же, как в тот день, когда родился. Воспоминаний об этом почти не осталось, лишь уверенность, что все было именно так. До приема вакцины и после. В документах стояли дата и число, когда это случилось. Джеку было двадцать, когда мать достала две вакцины бессмертия. Тогда они были счастливы. Тогда им казалось, что впереди у них вечность...

Джек перевернул очередную страницу, читая о проявившихся, спустя пять десятилетий побочных действиях приема вакцины бессмертия. Ученый-скептик писал не скрывая сарказма, что все кратковременные эксперименты были удачны, а ждать пятьдесят лет никто бы не стал. Вакцину пустили в производство. Сначала на земле, затем в подводных городах. Цены на нее падали так быстро, что в аптеки не успевали завозить все новые и новые партии. Правительство спешно выпускало законы об ограничении рождаемости, о строительстве новых подводных городов, но...

Но все эти меры оказались лишними. Природа сама позаботилась об этом. Проиграв битву за старение, она одержала победу, лишив людей способности регенерации. Шрамы не заживали, язвы не затягивались. Люди превращались в уродливые куски плоти. Никто не рожал детей – смерть. Никто не желал принимать участие в контактных видах спорта – уродство. Даже когда появились регенерационные машины, ситуация не особенно изменилась.

Мир замер, застыл. Никто не рождался. Никто не умирал. Лишь изредка в газетах писали о случаях самоубийства и о том, что правительство разрешило создать еще одного ребенка в пробирке. Все говорили об этих детях, строили планы. Один статистик попытался подсчитать, сколько потребуется лет, чтобы эти дети заменили застывший мир, вернули ему прежнюю суету – оказалось, что нужно ждать двенадцать тысяч триста сорок один год. Джек долго думал над этой цифрой, затем громко рассмеялся. Негр из библиотеки поднял на него свои глаза, но ничего не сказал.

Джек снова перечитал статью о детях из пробирки. Она была написана почти двести лет назад. Он попытался подсчитать, сколько бы сейчас уже было детей из пробирок, будь та правительственная байка правдой. Пара тысяч? Десять тысяч? Но байка осталась байкой. О детях

из пробирок писали, только когда кто-то умирал, чтобы подавить панику, связанную с вымиранием. Больше о них не было сказано ни одного слова. Лишь в желтой прессе придумывали рассказы о спецшколах, где учат детей из пробирок управлять стадом бессмертных. Но на самом деле никаких детей не было. Это был провал. Конец. И застывший мир знал это, но отказывался верить.

2

Нэтти. Она была с Джеком последние пятьдесят лет. Если не считать десятка шрамов, она была красивой. Один из шрамов прорезал ей левую щеку. Нэтти получила его, когда регенерационные машины были большой редкостью, поэтому рана долго оставалась открытой, не заживала, а когда удалось воспользоваться машиной для регенерации тканей, оказалось, что уродливый шрам сохранится на всю жизнь.

Джек старался не смотреть на левую щеку Нэтти. Не смотреть первые десять лет совместной жизни. После он привык и шрам перестал казаться ему таким уродливым, как раньше.

Еще один шрам обезобразил Нэтти правую руку. Она уже не помнила, как выглядела набросившаяся на нее собака, но плоть навечно сохранила следы острых зубов. Остальные шрамы на фоне первых двух выглядели сносно. Джек не замечал их. Да и у него этих шрамов было не меньше. У всего мира. И если не вспоминать ту жизнь, которая была прежде, то критерий красоты давно изменился. Изменились и чувства, характеры. Вечность раскинулась перед человечеством, сделала его флегматичным, неспешным. Тягучая вечность, ненужная для многих и безразличная для большинства.

Последний мужчина, с которым жила Нэтти, был хорошо образован, писал статьи в местной газете и выпускал по одной книге в год. Нэтти не знала, любит он ее или нет. Не знала, какие испытывает сама к нему чувства. Они прожили почти десять лет, пока писака не наложил на себя руки.

– Только сделай это так, чтобы я не видела, – попросила его Нэтти.

– Тогда тебе лучше уйти, – сказал он, словно надеясь, что она останется, но она ушла.

Потом, почти двадцать лет спустя, появился Джек. Нэтти выбрала его, потому что он был совершенно не похож на предыдущего писака. В его глазах не было грусти и усталости. Он хотел жить, любил эту жизнь, и Нэтти надеялась, что это желание наполнит и ее опустошенное сознание, надеялась, что в этой простоте найдется смысл... Но смысла не было, даже когда Джека отправили в тюрьму. Она не знала, виновен он или нет, но обещала ждать. «В конце концов, двадцать лет не такой большой срок», – думала она с какой-то фатальной смиренностью прежнего писака. «Хотя нет, – призналась себе Нэтти десять лет спустя, – у него не было смиренности. У него было отчаяние». Эта мысль принесла грусть.

Она попыталась найти его могилу. Не смогла. Хотела уехать из подводного города – перебраться на землю или просто в другой подводный город. Сделать хоть что-то... Но вместо этого отправилась на очередное свидание с Джеком. Он был глупым и хотел жить.

– Мне очень плохо без тебя, – призналась Нэтти.

Джек начал рассказывать о сокамерниках. Нэтти притворялась, что слушает, но перед глазами почему-то витал образ покончившего с собой писака...

Покинув тюрьму, Нэтти не знала, дождется Джека или нет. Она отвыкла и устала от него. Устала от себя, от вечности. Иногда в голову ей приходила мысль, что главным в ее жизни осталось увидеть настоящее небо, которого она никогда не видела. Но ее пугало, что будет после. Опустошение? Желание смерти? У девочки двадцати лет, с душой трехсотлетней старухи...

3

Джек не знал, почему Нэтти отказалась от последнего свидания, не ответила на звонок, на письмо. Последнее Джек писал, старательно выводя слова, желая показать Нэтти, что тюрьма пошла ему на пользу. Теперь он много знает, умеет хорошо писать. Но ответа не было. «Может быть, она нашла кого-то другого?» – подумал Джек, попытался понять, какие чувства испытывает... «В конце концов, мне остался последний год!» – решил он и начал считать дни до освобождения.

С негром из библиотеки он встречался еще несколько раз, но так и не заговорил с ним. Да и книги потеряли смысл – без Нэтти все это стало каким-то ненужным. Она была умной, она встречалась с умными, и Джеку хотелось стать умным, а так...

4

Джек вышел из тюрьмы во вторник. Не хотел ехать к Нэтти, решив, что она живет с другим, затем вспомнил, что там осталось много его вещей. Он не спешил, тратил заработанные в тюрьме деньги в барах на выпивку и шлюх. Последние были до отвращения некрасивы, но после тюрьмы Джеку было плевать. Он хотел жить...

5

Нэтти. Она лежала в кровати. Одна. По лицу катились крупные капли пота.

– На каком ты месяце? – спросил Джек.

– На девятом, – сказала она.

– От меня?

– Какая разница. – Нэтти закрыла глаза, облизала сухие губы.

Джек нахмурился, долго смотрел на вздувшийся живот, затем подошел, сел рядом.

– Ты знаешь, что это убьет тебя? – спросил он.

Нэтти кивнула.

– Тогда зачем?

– Не знаю, – она улыбнулась, не открывая глаз. – Все было таким бессмысленным...

– Как у того писаки, с которым ты жила до меня?

– Возможно.

– А сейчас?

– Я не знаю, – Нэтти поморщилась, отдышалась. – Ты останешься со мной?

– Пока ты не умрешь?

– Да.

Джек долго смотрел на нее, но так и не ответил. Забыл ответить.

6

Он очнулся, когда начались роды. Нэтти старалась не кричать.

– Что мне делать? – спросил Джек.

– А что тут сделаешь? – прохрипела она.

Джек кивнул. Глаза Нэтти закрылись. Страх не было. Только боль, да и та притупилась, после того как Джек сделал ей укол обезболивающего. Время замерло, затем неожиданно побежало вперед, как никогда прежде...

7

Джек знал, что все закончилось, но продолжал сидеть на стуле, глядя за окно. Нэтти не дышала. Джек слышал, как бьется у него в груди сердце. Смерть оставила еще один шрам, но уже не на теле, вот только Джек не мог понять, насколько глубок этот шрам и сколько потребуются лет, чтобы рана затянулась, потому что сознание, в отличие от тела, лечит себя, избавляет от страдания. Нужно лишь уметь ждать и хотеть жить. Если, конечно, этот механизм рано или поздно не сломается...

Джек открыл окно. Подводный город шумел, всасывал в себя стоявший в комнате смрад.

Джек собрал свои вещи, стараясь не смотреть на кровать, вышел, осторожно прикрыв дверь.

– Что-то случилось? – спросила соседка Нэтти.

– Не со мной, – сказал Джек, злясь на сквозившую в ее голосе заботу. – Не со мной...

Не божья тварь

1

Граница Германии и Франции. Недалеко от города Страсбург. 1943 год. Закрытый исследовательский центр «Ананербе». Проект «Сверхчеловек».

– Думаю, это не самый удачный из наших экспериментов, – заявила Мадлен Добкин, критично качая головой.

Прикованный цепями монстр уже ничем не напоминал человека. Даже его осанка стала более животной. Суставы ног изогнулись, превратив его в хищника, изготовившегося к прыжку. Брюшная полость затянута дополнительными тремя парами ребер. Горло скрывала твердая чешуя. Разорвав вытянувшуюся челюсть и выдавив передние зубы, появившиеся клыки обещали стать в бою дополнительным инструментом смерти. Сам череп изменился настолько сильно, что теперь спереди был всего один глаз. Другой, поддавшись чудовищному скручиванию, находился на затылке. Грубая, местами похожая на иголки дикобраза шерсть покрывала тело бывшего человека.

«Ганс 146». Таким было имя созданного монстра. Его отобрали из сотен других идеальных представителей арийской расы.

– Когда-то его руки ласкали женские груди, а теперь он не сможет даже нажать на курок, – сказал мужчина в белом халате, изучая пальцы монстра. Их фаланги были лишены плоти. Окаменевшие суставы превращали изогнутые внутрь кости в острые когти. – А ведь он, наверное, нравился женщинам.

– Не нужно сарказма, доктор Хирт!

– Как скажете, моя прекрасная Мадлен. Солдат!

– Слушаю, штурмбанфюрер!

– Сожгите эту неудачу!

Словно поняв, что речь идет о нем, монстр начал метаться по камере, ища выход. Его руки пытались разогнуть прутья решетки, когда пламя, вырвавшееся из огнемета, начало жечь его плоть. Кожа лопалась, мясо шипело, сворачиваясь и обнажая кости, жир капал на пол, а монстр все еще пытался разогнуть стальные прутья. Запах горелой плоти наполнил помещение.

– Сожгите все, – велел доктор Хирт солдату. – Остальное, с чем не справится огнемет, отправьте в крематорий.

– И не забудьте навести здесь порядок, – напомнила ему Мадлен.

Жир растекался по полу, подбираясь к ее туфлям. Объятый огнем монстр не проронил ни слова. Его скрюченное тело корчилось в предсмертных конвульсиях, а солдат, просунув дуло огнемета между решеток, продолжал поливать его беспощадным пламенем.

2

Мадлен вернулась в свой кабинет. Запах горелой плоти стоял в горле. Скинув одежду, она встала под холодный душ. Мыльная пена была лучшим лекарством от событий прошедшего дня.

Доктор Хирт вошел в ее кабинет, когда она сидела за рабочим столом. Перед Мадлен лежало несколько открытых папок с фотографиями.

– Скоро их будет больше тысячи, – сказал доктор Хирт, беря в руки папку с надписью «Иван 897».

Поджав губы, он без особенного интереса разглядывал черно-белые фотографии. Изображенный на них уродец когда-то был человеком. Они все были когда-то людьми.

– Мой маленький хитрый шпион. – Доктор Хирт бросил папку на стол. Черно-белые фотографии выскользнули из нее, упав на бетонный пол. – Мне следовало сделать тебя одной из них. – Он провел указательным пальцем между лопаток Мадлен. – Янки номер первый. Как тебе?

– Мы всего лишь люди.

– Не все, моя прелесть. Не все. – Он потянул ее за волосы, заставляя запрокинуть голову. – Как ты думаешь, кто бы мог получиться из нас?

– Ты хочешь попробовать?

– Почему бы мне не начать с тебя, моя Мадлен?

– Не думаю, что ты захочешь спать с монстром.

– Ты права. Я велю Ульриху сжечь тебя, а себе подыщу какую-нибудь еврейку или славянку. Завтра я отправлюсь в лагерь и лично выберу новых подопытных.

– Я единственный химик, кто сможет работать здесь.

– Незаменимых нет, моя дорогая.

– Доктор Хирт...

– Тшшш, – он приложил указательный палец к ее губам. – Просто молчи.

Потянув за волосы, он заставил женщину подняться со стула.

– Моя прекрасная Мадлен. – Его пальцы скользили по ее лицу. – Если бы я был антропологом, то счел бы за счастье иметь твой череп в своей коллекции. Твое лицо идеально.

Он неспешно расстегивал на ней халат. Мадлен молчала.

– Я любил тебя, Мадлен. Любил твоё тело. Любил твой ум. А ты... Ты разбила мне сердце.

Доктор Хирт заставил себя оторвать взгляд от обнаженной груди и отойти в сторону. Незапертая дверь в кабинет открылась.

– Ты не сделаешь этого! – Мадлен смотрела на вошедшего солдата.

– Я уже это сделал.

3

Ремни больно впивались в кожу. Мадлен не могла пошевелиться. Ей было позволено лишь смотреть и слушать. Толстые иглы протыкали ее вены. Темная жидкость, струившаяся по капельницам, отравляла кровь. Яд, который она сама же и создала. Рецепты древних, помноженные на мудрость современной науки. Чудесные теории, ставшие чудовищной практикой. Они приносили жжение и боль. Кости. Мадлен казалось, что они теряют свою твердость, становятся жидкой, бесформенной массой. Кровь. Она заполняла ее желудок. Струилась по кишечнику, словно живое существо. Ее сердце. Мадлен слышала его удары. Теперь лишь они напоминали о времени. Изменения нельзя обратить вспять. Скоро она станет одной из тех, чья плоть сгодится лишь для огня. Ее жир сотрут с пола, а кости уничтожат в крематории, превратив в золу.

– Выньте ей кляп, – велел доктор Хирт наблюдавшему за происходящим врачу. – Сделай одолжение, моя прелесть, – сказал он, безразлично разглядывая обнаженное тело Мадлен. – Расскажи, что ты сейчас чувствуешь?

Его слова были далекими и лишенными смысла.

– Сделай это, ради нашей любви.

Один из лаборантов трясущимися руками поменял сосуд с темной жидкостью. Доктор Хирт нетерпеливо посмотрел на часы.

– Наблюдайте за ней, – велел он лаборантам и врачам.

4

Он вернулся через пять часов. Короткий сон прогнал усталость. Багровые пятна, покрывавшие кожу Мадлен, рассосались. Еще три подопытных, как и Мадлен пристегнутые к железным столам, негромко рычали. Это были уже не люди. Чудовищный состав, влитый им в кровь, изменил тела, деформировал мозг, приспособив его к новому образу жизни. Жизни монстра.

– Мадлен! – прошептал доктор Хирт.

Он смотрел на ее прекрасное обнаженное тело. Его врожденная красота, казалось, стала более чарующей.

– Ты меня слышишь, Мадлен?

Она открыла голубые глаза. Один из монстров на соседнем столе тревожно задергался – почуявший самку возбужденный самец.

– Кто-нибудь, уберите отсюда этих уродов!

– Прикажете их сжечь, штурмбанфюрер?

– Нет. Заприте в камеры и наблюдайте.

Когда суэта вокруг закончилась, доктор Хирт снова обратил свой взгляд на Мадлен. Никогда прежде он не видел такой нежной кожи у взрослого человека. Она искушала желанием прикоснуться, ощутить ее бархат подушечками пальцев. Это желание было сильнее здравого смысла. Тело Мадлен вздрогнуло, отзываясь на прикосновение.

– Ты прекрасна, – прошептал Хирт, проводя пальцами по ее приоткрытым губам.

Теплое дыхание обожгло его кожу. Волнительная дрожь всколыхнула тело.

– У нас получилось, Мадлен, – прошептал Хирт, борясь с желанием прикоснуться к ней губами. – У нас получилось.

5

– Почему ты молчишь? – доктор Хирт пытливо заглядывал в голубые глаза.

Камера, куда перевели Мадлен, была небольшой. Пара солдат непрерывно наблюдала за ней сквозь железную решетку. Вместе с ними неустанно дежурил один из лаборантов, записывая все, что происходит с новой подопытной. Иногда приходили врачи и брали на анализ кровь, кожу, слюну, ногти. Они измеряли ее череп, делали слепки лица, взвешивали... Их прикосновения причиняли боль. Их грубые руки, казалось, касаются костного мозга, терзают его. Их голоса были слишком далекими, а их мысли... О! Мадлен слышала все, о чем они думают, – непрерывный поток слов и фантазий. Они боялись ее. Сравнивали с тремя монстрами, заключенными в соседних камерах. Теперь это были братья Мадлен. Иногда их мысли долетали до нее. Такие кристально чистые! Они напоминали ей морозную свежесть, клубы пара, вырвавшегося из открытого рта.

Иногда Мадлен приходила в ярость. Она срывала больничный халат, терзавший жесткой тканью ее нежную кожу, и стояла посреди камеры, наслаждаясь прохладой каменных стен. Это было все, чего она хотела, – стать паром, вырвавшимся из рта. Затем приходили лаборанты и снова облачали ее в больничные одежды. Снова брали анализы.

– Скажи, что ты помнишь меня! – шептал ей на ухо доктор Хирт.

Мадлен смотрела на него и видела лишь образ, лицо. Его плоть ничего не значила для нее. Лишь его мысли. В них он желал ее. Желал все сильнее с каждым новым днем.

6

– Останьтесь снаружи! – велел солдатам доктор Хирт.

Он провел Мадлен в свой кабинет и закрыл дверь.

– Ты помнишь это место?

Он стоял за спиной Мадлен, пытаясь уловить запах ее волос.

– Этот стол? Эти картины на стенах? Подойди. Они всегда нравились тебе.

Мадлен бессмысленно смотрела на нелепое нагромождение разноцветных мазков.

– Что ты чувствуешь, находясь здесь? Что ты чувствовала? Вспомни!

Она молчала. Доктор Хирт осторожно взял ее за плечи. Мадлен вздрогнула.

– Не бойся. – Он подвел ее к кровати. – Ты помнишь это место? Ты помнишь, чем мы занимались здесь?

Мадлен снова перестала слышать его голос. Лишь мысли. Они стучали в его голове, пульсировали на гениталиях набухшей веной. Эти мысли... Им нужна была лишь плоть. Ее плоть. Тело Мадлен вздохнуло, ощутив свободу. Больничный халат упал к ногам. Доктор Хирт осторожно уложил ее на кровать. Его тело было холодным. Он прижимался к Мадлен, наслаждаясь ее теплом. Его поцелуи причиняли боль. Небольшая щетина царапала нежную кожу. Он что-то шептал. Гладил ее волосы.

– Мадлен!

Их тела дрожали. Одно от желания. Другое от боли. Голубые глаза были закрыты. Она больше не слышала его мыслей. Лишь жар его тела. Он проникал в ее плоть. Обжигал кожу соленым потом.

– Мадлен!

Он дернулся пару раз и затих. Затихла и Мадлен, чувствуя, как внутри ее оскверненного тела начинает зарождаться жизнь.

7

Глаза Мадлен были закрыты. Доктор Хирт лежал рядом, и она слышала его мысли. Они звенели удовлетворенностью, горделиво вознося свое «я» к вершинам сознания. Ее ребенок. Она чувствовала, как он начинает развиваться в ней. Это приносило смысл в ее доселе бессмысленное существование. Выворачивало наизнанку.

Доктор Хирт. Его покой и удовлетворенность сменились болью. Его кости. Они распадались, превращались в желе. Его рука. Он видел, как она, потеряв твердость, безвольно повисла, словно флаг, лишенный порывов ветра. Грудная клетка. Ее мясо и жир, утратив костный каркас, надавили на легкие. Бедрa – их больше не существовало. Так же, как и костей ног, ребер, ключиц. Лобная кость, превратившись в жижу, растеклась под облепившей мозг кожей. Его сердце какое-то время еще билось, заставляя вздрагивать прижатую к нему плоть.

Мадлен слышала последние мысли Хирта. В них был только ужас. И ни капли опасности. Таким она даже полюбила его. Полюбила на одно мгновение – ведь он был отцом ее ребенка, а затем, когда его сердце остановилось, забыла навеки.

8

Мадлен открыла дверь и вышла из кабинета. Солдаты. Ее обнаженное тело возбуждало их. Они боялись и желали ее одновременно.

Мадлен шла по коридору, слыша, как за ее спиной тела солдат падают на пол тряпичными куклами. Камеры. Она слышала голос своих братьев. Они звали ее. Их боль была понятна ей.

Монстры. Они бежали по коридору, расчищая дорогу сестре. Их челюсти разрывали глотки, их когти крушили кость.

Плоть. Ее рваные клочья устилали дорогу идущих к свету. Новая раса. Она выходила в мир, прокладывая себе путь сквозь кровь и крики.

Новая жизнь. Мадлен несла ее в своем чреве. Несла в старый, уставший мир. Еще не окрепшая и не набравшая сил. Эта жизнь обречена на скитания. Обречена скрываться в тени деревьев и в затхлости подвалов. Размножаться и ждать свой час. Свое будущее, чтобы прийти на смену уставшему человечеству.

Чужая кожа

1

Анна вздрогнула и открыла глаза. За окном лил унылый дождь. Встряхнув головой, она попыталась прогнать остатки ночного кошмара, но он настырно витал перед глазами, как наваждение.

– Что случилось? – сонно спросил Клив.

– Я видела сон.

– И что?

– Там была кукла, и я была в ее коже.

– Какой ужас.

– И она у меня с самого рождения.

– Кто? Кукла?

– Кожа, которую я никогда не замечала, надетая на меня матерью. Представляешь, я спрашиваю ее, зачем она это сделала, а она говорит: «Ничего страшного». Мы с тобой спали, а она вошла в комнату...

– И что?

– Да ничего.

– А кожа?

– Я ее сняла и надела обратно на куклу, которая стояла у спинки кровати. Самое интересное, что это моя кукла, но я никогда ее не видела.

– И что потом?

– Потом я просто одеваюсь и мы вместе с мамой уходим.

– Куда?

– Не знаю. Мы просто идем по дороге, а под ногами бегут ручьи после дождя.

– Вот этого дождя? – Клив мотнул головой в сторону окна.

– Нет, дурачок, того, что был у меня во сне.

– Так ты сняла кожу?

– Да, и теперь я ощущаю свободу.

– Значит, это хороший сон, – Клив пожал плечами и подмял под себя горячее тело любовницы.

2

В подвале было темно и сыро. Бентли осторожно спускался по скрипучим ступеням. Затхлая вода, наполнявшая чугунную ванну в дальнем конце подвала, вздрогнула. Выбравшееся из нее существо напоминало творение скульптора, решившего вырубить из цельного куска свежего мяса фигуру в человеческий рост, с чертами, характерными для человека.

– Ты напугал мою жену, Рауль, – сказал Бентли.

– Я всего лишь хотел напомнить, что приближается время.

– Я помню об этом, Рауль.

– Не забывай, кому ты обязан.

– И об этом я тоже помню... Уговор есть уговор. Осталось совсем немного. Поверь, я хочу этого так же, как и ты.

– Анна...

- Да, Рауль?
- Она сейчас с другим. Я чувствую, как он гладит ее кожу. Чувствую его жар.
- Я исправлю это, Рауль.
- Исправь, пока не стало слишком поздно.
- Я понимаю.

Существо снова скрылось в затхлой воде. Лестница заскрипела под тяжестью тела Бентли.

3

- Ты поговорил с ним? – спросила жена, когда он прошел на кухню.
- Да, Клэр.
- Я не хочу, чтобы он разгуливал по дому.
- Не будет.
- Он так и сказал тебе?
- Это и его дом, Клэр. Без него у нас ничего бы этого не было.
- Слизняк! – она ударила Бентли по лицу. – Думаешь, я не знаю, чего он хочет?!

Ему нужна Анна, а не этот дом!

- Я знаю, Клэр.
- Так сходи и скажи ему, чтобы подождал!
- Он беспокоится за нее.
- Беспокоится?! – Клэр громко рассмеялась. – Думаешь, он знает, что такое беспокойство?!

- Он чувствует, что Анна с другим.
- Он так и сказал?
- Да.
- Я поговорю с ней.

Клэр поднялась в комнату дочери.

– Анна! Анна, где ты? – кровать заправлена. Вещи прибраны. – Глупая девчонка! – Клэр вернулась к мужу. – Похоже, она не ночевала дома!

- Значит, Рауль был прав.
- Конечно, прав! – еще одна звонкая пощечина. – Это все из-за тебя! Слабохарактерная тряпка! – взвизгнула Клэр, но тут же попыталась взять себя в руки. – Ничего. Я найду Анну и поговорю с ней.
- Думаешь, она станет тебя слушать?
- Станет, – Клэр смерила мужа презрительным взглядом. – Слава богу, в ней больше от матери, чем от отца.

4

Припав к окну, Клив пытался отыскать в хороводе гостей Анну. Это был ее праздник – восемнадцатый день рождения. Подарок был куплен. Он лежал в кармане Клива, но его никто не приглашал, чтобы он мог подарить его Анне. Вот уже три недели, как она не отвечала на его звонки, избегала с ним встреч... Наконец-то Клив увидел сквозь запотевшее стекло свою возлюбленную. Она вошла в свою комнату. Сердце Клива забилося в груди, и он уже готов был постучать в окно.

- Сегодня особенный день, – услышал он голос ее матери.
- Я знаю, мама.
- Сегодня твоя жизнь изменится. Ты понимаешь это?

– Да, мама.

– Так будет лучше, Анна. Рауль сможет позаботиться о тебе. Он много лет заботился о нас с твоим отцом, но теперь мы позволим ему заботиться о нашей дочери. С ним у тебя есть будущее. Он поможет тебе найти достойного мужа, родить здоровых детей, принесет благополучие в твой дом.

– Я понимаю, мама.

– Я рада, что ты моя дочь, и я горжусь тобой.

5

Когда гости разошлись и почти во всех окнах погас свет, Клив пробрался в дом. Он хотел отыскать Анну, вручить ей подарок и спросить, почему она избегает встреч с ним, но вместо этого встретил ее мать.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, узнав его.

Клив промолчал.

– Ты должен уйти.

– Анна?

– Она не хочет тебя видеть.

– Я принес ей подарок.

– Можешь передать через меня.

– Нет.

– Тогда уходи и подари его другой девушке.

Где-то рядом хлопнула дверь.

– Анна!

– Ты ей не нужен, – Клэр подошла так близко, что он чувствовал ее дыхание.

– Анна!

– Уйди из ее жизни и из этого дома! – повысила голос Клэр.

Клив сделал шаг назад и посмотрел на входную дверь.

– Вон! – поторопила его Клэр.

6

– Мы пришли, Рауль, – сказал Бентли, остановившись возле чугунной ванны.

Кусок мяса, лишь отдаленно напоминавший человека, поднялся из темной стухшей воды.

– Я ждал тебя, – сказал он Анне, касаясь рукой ее щеки.

Его неуклюжие пальцы забрались ей в рот, растягивая щеки. Анна закрыла глаза. Из уголков рта потекла кровь.

– Не бойся, – прошептал Рауль. – Тебе не будет больно.

– Мама говорила мне.

– Да. Она тоже через это когда-то прошла.

Его пальцы потянули сильнее, растягивая щеки Анны. Ее кожа начала отделяться от плоти, обнажая мышцы, сухожилия, хрящи. Рауль неторопливо освобождал череп Анны от ненужного покрова. Ее кожа не рвалась, она растягивалась, подобно резине. Рауль потянул вниз, обнажая шею Анны, затем плечи – одно за другим, грудь, руки.

Стоя в стороне, Бентли видел, как Анна сама начинает помогать Раулю освобождать ее от этой ненужной оболочки. Ее кожа упала к ее ногам, залил бурой слизью пол и белое праздничное платье.

– Я подарю тебе новую кожу, – сказал Рауль. – А эту... Эту ты наденешь на своих детей, чтобы, когда они вырастут, привести их ко мне. Ты ведь хочешь, чтобы они были так же счастливы, как и ты...

– Да, Рауль.

Анна перешагнула через край чугунной ванны и, обвив шею Рауля руками, прильнула к нему в безгубом поцелуе.

7

Бентли осторожно поднялся по скрипучей лестнице и закрыл за собой дверь. Рауль не любил, когда за ним наблюдают в подобные моменты.

– Анна? – Клив пораженно смотрел на окровавленные руки ее отца, которыми он незадолго до этого бережно сворачивал снятую с нее кожу, чтобы после передать родившимся у нее детям. – Где Анна? Что вы с ней сделали?

– Я велела тебе убираться! – закричала на него Клэр. И уже мужу: – Не стой как истукан! Выкини этого мальчишку из дома!

Бентли молча смотрел то на Клива, то на свои руки.

– Чертов слюняй! – Клэр попыталась сделать это сама.

– Анна! – Клив отмахнулся от рук ее матери. – Где она? – он схватил Бентли за грудки. – Она там, да? В подвале? Черт!

Лестница жалобно заскрипела под его весом. Клэр что-то кричала вдогонку, но он уже не слышал ее.

– Анна? – шепотом позвал Клив.

Он стоял возле чугунной ванны, с трудом узнавая в одном из двух вырубленных из свежего мяса существ свою возлюбленную. То, чем они занимались, не укладывалось в его сознании. Это не был секс. Не мог им быть!

– Анна? – снова позвал Клив.

Повернув голову, она посмотрела на него.

– Скажи ему, чтобы он ушел, – велел ей Рауль, продолжая фрикции.

Она молчала. Ее лишённые век глаза смотрели на своего возлюбленного. Ее рот был открыт, и за рядом белых зубов Клив видел, как извивается язык, облизывая сухое нёбо.

– Сделай это! Иначе я оставлю тебя такой, какая ты сейчас, навсегда! – закричал Рауль.

В больших глазах отразился страх.

– Анна?

– Уйди, Клив. Пожалуйста, уйди. – Она обняла Рауля, прижимая к себе. – Прости меня, – эти слова уже предназначались Раулю.

8

Клив шел по улице, зная, что никогда не сможет забыть увиденное. Может быть, подобные Раулю существа живут в каждом доме? А может быть, и нет? Теперь он будет более осторожен в своих чувствах. В мире много вещей, о которых лучше не знать, а если и знать, то хранить молчание.

Маленькая ложь

История – это басня, в которую договорились поверить.
Наполеон

1

– А зачем вам моя старая заправка? – подозрительно спросил старик, прищуривая голубые глаза. – Надеетесь снова начать торговлю? Зря. После того, как проложили новое шоссе, никто не заезжает на эту заправку...

– Я не хочу начинать торговлю, – поспешил успокоить старика Фрэнк Девлин.

– Тогда в чем дело?

– Истории...

– Истории? – старик прищурился сильнее. – Те самые истории?

– Те самые истории...

– Вот как... – старик огляделся, словно боялся стать персонажем розыгрыша. – Вот уж не думал, что смерть зрителя поможет мне сдать в аренду эту груду железа!

– Так зритель умер? Кажется, тело его не нашли.

– А кровь? – всплеснул руками старик. – Ни один человек не сможет выжить, если потеряет столько крови!

Пауза в разговоре. Девлин закурил.

– Кстати, после того случая там так и не навели порядок, – напомнил старик.

– Так даже лучше.

– Вот как... – старик огляделся и поспешил подписать необходимые бумаги, решив, что если этого не сделает, то Девлин либо проспится и сбежит, либо окончательно свихнется и попадет в сумасшедший дом.

2

Следом за арендой заправки в Неваде Девлин купил старую «Импалу» кирпичного цвета – точно такую же, как та, что принадлежала пропавшему сторожу. Купил он и бутылку виски, которую нашли в машине сторожа. Даже одежда и еда были выдержаны согласно протоколу полиции. Девлин знал, что от того, как пройдет первая ночь, будет зависеть все остальное – либо история зацепит его, либо снова придется высасывать сюжет из пальца. Особенно сейчас, когда хотелось побыстрее закончить очередной сборник страшных историй и забыться где-нибудь на Гавайях.

3

Он приехал на заправку вечером. Солнце висело в небе, пробиваясь своими лучами сквозь грязные окна. Старый замок открылся лишь с третьей попытки, и то после того, как Девлин хорошенько съездил по нему ногой. От удара тонкие стены конторы управляющего вздрогнули, звякнули стекла. Девлин толкнул дверь. Она распахнулась, ударилась о стену и медленно поползла на прежнее место. Девлин дождался, когда дверь закроется перед ним, затем снова открыл, на этот раз осторожно. Прошел внутрь. Под ногами скрипнуло разбившееся стекло. Взгляд зацепился за разломанный кассовый аппарат, разбитую витрину, где остались лишь цен-

ники продаваемых товаров. Девлин подошел к двери в комнату, где был убит сторож. По фотографиям он знал, что там есть диван, стол, старый холодильник, громоздкий шкаф и старый ковер на полу. Тот самый ковер, на котором было больше всего крови сторожа.

– Ладно, давай теперь посмотрим на это живьем, – сказал себе Девлин, открывая дверь.

Старые петли закрипели. В нос ударил резкий запах. Сквозняк поднял пыль, и теперь она кружилась в пробивавшихся сквозь грязные окна лучах заходящего солнца. Кровь высохла, потеряла цвет, сочность. Да и само место уже не пугало, не будоражило фантазию.

– Да, на фотографиях все это выглядело намного страшнее, – признался себе Девлин, однако решил не отступать от намеченного плана.

4

Он распаковал вещи и просидел за пыльным столом до поздней ночи, но в голову не пришло ни одной идеи.

«Может быть, нужно выпить?» – подумал Девлин, вышел на улицу, достал бутылку виски, попытался вспомнить, была бутылка сторожа открыта или нет, но так и не смог.

Впрочем, это уже была другая история. Его история. Он мог изменить детали, мог упустить ненужные подробности. К тому же убийство сторожа произошло более десяти лет назад и вряд ли кто-то сможет восстановить все детали. Да и кому они нужны?!

Девлин выпил, потратил пятнадцать минут на поиски идеи, выпил еще. Алкоголь подстегнул воображение, вот только фантазии направились совсем не в ту сторону, на которую рассчитывал Девлин. Фантазии бежали в аэропорт, к пляжам.

Девлин встал из-за стола, включил свет и еще раз обошел помещение. В одном из шкафов ему удалось найти старое радио, работающее от сети. Заземления не было, и железные части радио били током. Несильно, но достаточно, чтобы стать осторожным. Девлин покрутил ручку настройки. Ничего. Лишь белый шум.

– Прямо как в голове!

Девлин вышел на улицу, убеждая себя, что бросать курить накануне завершения долгой работы было не очень хорошей идеей.

«Мне нужно всего недели две-три, не больше, – говорил он себе. – Что изменится, если я буду курить еще месяц? Верно – ничего».

Девлин почти убедил себя, почти забрался в старую «Импалу» и отправился в ближайший город, когда увидел разрезавший ночь свет автомобильных фар.

5

Машина кашляла, стреляла, дергалась. Старая, крохотная. Под капотом что-то грохнуло, когда она остановилась возле Девлина. Мотор заглох.

– Ну слава богу, добралась до заправки! – сказала девушка с густыми рыжими волосами, выбираясь из «Фиесты».

Она встретилась с Девлином взглядом и широко улыбнулась.

– Я Шарлотта!

– А я...

– Неважно, кто вы! – беспечно всплеснула она руками. – Главное, что я спасена, – на мгновение в ее взгляде мелькнули сомнения. – Вы ведь почините мою машину?

– Сомневаюсь.

– Но на вас комбинезон механика!

– Это просто комбинезон.

– Какая разница?! – Шарлотта закурила.

Сигаретный дым манил, притягивал.

– Могу я спросить... – начал было Девлин, решив, что сегодня точно не станет бросать курить, но девушка уже шла прочь к пыльной «Импале» кирпичного цвета.

– Это ведь ваша машина?

– Моя.

– Тогда если вы не можете починить мою «Фиесту», отвезите меня в ближайший отель.

– Нет.

– Почему?

– Потому что... – Девлин вздрогнул, услышав включившееся радио.

Белый шум сменился звуками музыки, затем начались новости. Девлин бросил взгляд на девушку. Она курила, разглядывая «Импалу», и, казалось, не замечала больше ничего.

– Продайте мне ее! – неожиданно предложила Шарлотта, продолжая стоять спиной к Девлину. – Если не хотите везти меня в отель, то...

– Не продам, – отказал Девлин, продолжая прислушиваться к экстренному выпуску новостей по радио.

– Думаете, у меня нет денег? – Шарлотта не смотрела на него. – У меня есть деньги. Сколько вы хотите?

– Дело не в деньгах.

– Тогда в чем?

– Если я продам вам машину, то как потом сам выберусь отсюда?

– Почините мою.

– Я же сказал, что не механик.

– Что же нам тогда делать?

Шарлотта наконец-то обернулась, бросила на землю истлевшую сигарету, достала новую, подошла к Девлину.

– У вас нет зажигалки?

– Нет.

– Жаль. – Она достала свою зажигалку, прикурила и, выпустив в лицо Девлину струю синего дыма, предложила сигарету.

6

На третьей затяжке Девлину показалось, что выпитое им прежде виски как минимум удвоилось.

– Что с вами? – спросила Шарлотта.

– Не курил три дня.

– Жестоко!

– Я тоже так думаю, – Девлин невольно улыбнулся. – Хотите выпить?

– Что?

– У меня есть виски.

– Вы очень странный механик.

– Я же сказал, что я не механик.

– Тогда кто? Сторож?

– Писатель.

– Писатель? – Шарлотта на мгновение задумалась, затем неожиданно рассмеялась.

– Что смешного? – обиделся Девлин.

Шарлотта не ответила, вместо этого вспомнила, что они находятся на заправочной станции.

– Ничего страшного, что мы курим здесь? Ничего не взорвется?

– Здесь нет бензина.

– Вот как? – Шарлотта снова рассмеялась. – Что же это за заправка такая? Без механика, без бензина?

– Здесь когда-то убили человека. – Девлин увидел, как Шарлотта опешила, и поспешил сказать, что именно об этом он и пишет.

– Ах, я совсем забыла, что вы назвались писателем... – пробормотала она, словно только сейчас понимая, что самое время бояться.

– Не «назвался», а я и есть самый настоящий писатель.

– Известный?

– Достаточно.

– Почему же я вас тогда не узнаю?

– А вы знаете лица многих писателей?

– Нет, но... – она неожиданно снова улыбнулась, тряхнула головой. – Кажется, вы говорили, что у вас есть выпить?

– Виски.

– Пусть будет виски.

7

– Ну и где здесь убили человека? – спросила Шарлотта, после того как они с Девлином выпили и выкурили по сигарете.

Девлин указал на дверь в соседнюю комнату.

– И кто это был?

– Старик. Сторож.

– А убийца?

– Его не нашли. Ни убийцу, ни убитого.

– Вот как... – протянула Шарлотта, поднимаясь на ноги.

Она вышла на улицу. Девлин не окликнул ее. Достал из оставленной пачки сигарету, закурил. Музыка из динамика старого радио снова прервалась. В экстренных новостях говорили о рыжеволосой девушке на старой «Фиесте». Девлин пропустил первую часть и теперь знал лишь, что полиция разыскивает эту девушку. Девлин замер, ожидая, что экстренный выпуск новостей повторится, но вместо этого снова заиграла старая музыка.

8

Девлин осторожно подошел к окну. Шарлотты нигде не было видно. Он вышел на улицу. Старая «Фиеста» сгустилась недалеко от «Импалы».

– Шарлотта! – позвал Девлин.

Ему никто не ответил. Он вышел на дорогу, решив, что девушка ушла пешком. Висевшая в небе серебряная луна освещала серое полотно дороги, но Шарлотты не было видно. Девлин вздрогнул, увидев девушку в пустыне. Перебравшись через дорогу, она шла по высушенной солнцем земле.

«Что, черт возьми, она делает?» – подумал Девлин, снова позвал ее, не получил ответа и пошел следом.

9

Ему удалось догнать Шарлотту только после того, как она остановилась. Дорога и заправка остались далеко за спиной. Девлин не оборачивался, стараясь не воспалять воображение.

– Почему ты ушла? – спросил Девлин. Шарлотта не ответила. – Ладно. Тогда куда ты идешь?

Она указала на старую, замеченную наполовину яму в земле. Девлин подался вперед, стараясь заглянуть на дно ямы.

– Что это? – спросил он, обернулся, не увидел Шарлотты и вздрогнул.

Теперь были только он и пустыня. Да еще, возможно, яма в земле. Могила, которую когда-то давно безуспешно пытались раскопать дикие звери. Девлин не знал, откуда пришло это знание, но он уже отчетливо видел эту картину. И тело старика-сторожа на дне, и девушку, которая отвозит его сюда на своей машине, а затем мчится прочь, в неизвестность. И неважно, что большинство деталей оставались покрыты мраком. Все это придет. Нужно лишь вернуться в каморку управляющего и начать записывать то, что уже есть... Как и всегда... И пусть его снова обвиняют во лжи – неважно. Правды все равно никто никогда не узнает здесь: в этой пустыне... в этом мире...

Слуги чужого бога

Неизбежность – вот что было достойным финалом этой истории. Но вначале, как всегда, была надежда и была вера...

1

Джейк. Он родился в самый обычный день самого обычного года. Особенным было то, кем он родился. И то, кто его родил. Хотя о последнем мало кто знает. Даже сам Джейк. От воспоминаний ничего не осталось. От настоящих воспоминаний. Лишь иллюзия, вымысел. Он вырос в приемной семье, которая любила его как родного. У него были два брата и три сестры. Не по крови, а по праву нахождения в одной и той же семье. Но Джейк оставил их, как только представилась возможность. Покинул ставший родным дом и сбежал в большой город. Там ему удалось встретить девушку и стать отцом, но сны заставляли его оставить в прошлом и этот жизненный отрезок. Кровь рассказывала ему о чужом городе. О месте, где он никогда не был.

– Расскажи мне об этом, – попросила Мириам. Они сидели на краю кровати и смотрели друг другу в глаза.

– Я не могу, – признался Джейк.

– Тогда расскажи мне о своей семье.

– Все в прошлом.

– И ты не жалеешь?

– Нет, – он закрыл глаза и долго сидел, ничего не говоря.

Он видел темный берег, желтый песок которого лизали океанские волны. Видел далекую луну. Слышал бой барабанов.

– Я знаю, что ты не такой, как все, – сказала Мириам.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – Джейк вздрогнул. Женская рука коснулась его щеки.

– Покажи мне, – Мириам прижалась губами к его шее. – Покажи мне, каков ты внутри. Бой барабанов усилился. Разведенные костры жарили брюхо ночного неба.

– Не бойся, – шептала Мириам. – Я знаю, что меня ждет, – она разорвала ему рубашку и впиалась ногтями в его грудь. – Сделай же это! – прорезал тишину ее крик.

Кровь заструилась по смуглой коже. Теплая. Свежая. Джейк не двигался. Сидел на кровати и смотрел, как Мириам слизывает кровь с его тела.

– Ты сладкий, – прошептала она, улыбаясь окровавленными губами.

Теперь барабаны били для них двоих. Как и костры. Их жар проникал в самую плоть, и дикие пляски чернокожих тел сливались в дьявольский хоровод безумия и страсти.

– Позови его! – взмолилась Мириам. – Скажи, что я жду его!

– Нет.

– Тогда я сделаю это сама, – пальцы Мириам скользнули Джейку под кожу, отделили ее от мяса, словно ненужную одежду от желанного тела. – Скажи, что ты чувствуешь, – попросила женщина.

Теплая кровь струилась по ее рукам, лаская запястья. Обнаженная плоть согревала кисти рук. Жар костров и бой барабанов нарастали. Комната перестала существовать. Теперь их окружала ночь. Дикая, непроглядная ночь, сдобренная криками вышедших на охоту хищников и первородными инстинктами, которые горели в груди, разжигая животную страсть. И все уже не имело значения, меркло на фоне древних ритуалов и забытых богов. Абсолютно все...

* * *

Морг. Мириам открыла глаза, наполняя слипшиеся легкие холодным воздухом. Патологоанатом, женщина с холодными голубыми глазами и толстыми пальцами мясника, вскрикнула и тупо уставилась на ожившего мертвеца. В светловолосой голове лихорадочно роились мысли о подобных случаях. Желтая пресса, научные статьи, вуду, летаргический сон – да что угодно, лишь бы объяснить увиденное. Но объяснений не было. Лишь мысли в голове, кружащие роем всепроникающих мух. Сотни, тысячи черных точек... Женщина поняла, что теряет сознание, и подумала, что это, наверное, лучшее, что могло с ней сейчас случиться.

– Черт! – Мириам поднялась с анатомического стола.

Кровь снова начинала пульсировать, чувства возвращались. Немога проходила, сопровождая свое отступление невыносимым покалыванием во всем теле.

– Прости, но это мне сейчас нужнее, – сказала Мириам, раздевая патологоанатома.

Сиреневый свитер, черные брюки – все на пару размеров больше, но это лучше, чем всепроникающий холод, призванный замедлить процесс разложения.

* * *

Дом. Горячая ванна. Ужин. Неудачный ужин, если быть точным. Мириам вырвало, и как бы сильно после ни урчал пустой желудок, она так и не смогла больше поесть. Спасла лишь бутылка «Woodford reserve», которую принес бывший ухажер. Они выпили и занялись любовью, а после, когда опьянение прошло, Мириам велела ему проваливать.

Ночь окружила ее: тихая, одинокая. Виски оказалось дешевой подделкой, и Мириам чувствовала, как у нее начинает болеть голова. Она вспомнила Джейка. Вспомнила проведенную с ним ночь. Вернее, не ночь, а то, куда они отправились с ним в безумном хороводе животных инстинктов. Дикие леса, дьявольские пляски, барабаны, костры...

Мириам осторожно запустила руку под левую подмышку. Плоть была мягкой и теплой. Никаких уплотнений. Никакой опухоли. Словно и не было конца света. Ее конца света. Мириам отыскала в темноте телефон и позвонила матери.

– Извини, что накричала на тебя, – сказала она, прикуривая сигарету.

– Ничего, я уже привыкла, – сонно сказала мать.

– Нет. Мне правда жаль, – Мириам выпустила к потолку струю синего дыма и пообещала, что приедет на день рождения отца.

– Мне его обрадовать или пусть будет сюрприз?

– Пусть будет сюрприз, – сказала Мириам, и мать где-то далеко тяжело вздохнула.

2

Друг детства – это всегда друг детства. Особенно если он жил напротив твоего дома. Ну, собственно, с одним из таких друзей Мириам и проснулась на следующий день после юбилея отца. Она соскользнула с кровати и собрала разбросанную на полу одежду. Секс был отвратительным, и громкий храп Майка усиливал чувство разочарования. Да. Похоже, иногда действительно лучше оставаться друзьями, не переступая эту тонкую грань.

Мириам оделась и подошла к зеркалу. В тридцать два бурную ночь сложно скрыть. Она топчется на твоём лице, оставляя неизгладимые следы, которые косметикой вряд ли удастся спрятать. Мириам вышла на улицу и закурила. День обещал быть жарким. День... В памяти родилось далекое эхо барабанного боя. Два месяца назад она спасла себе жизнь.

Не Джейк, а она. Она нашла его. Она заставила его поделиться с ней силой... Жирная муха села ей на плечо.

– Пошла прочь, – отмахнулась от нее Мириам.

Муха взвила в воздух, немного покружила над растрепанной головой и снова опустилась на плечо. Мириам замерла, занесла руку и ловко прихлопнула надоедливую тварь. Кожа на плече лопнула.

– Это что еще за... – Мириам выгнула шею, пытаясь разглядеть небольшую язву на бледной коже.

Крашенный ноготь скovyрнул гнойную корку. Желтая слизь тонкой струйкой скатилась по руке. Боли не было. Мириам погрузила ноготь в рану и ничего не почувствовала.

– Боже мой! – прошептала она, отгоняя еще одну муху.

* * *

Трупные пятна начали появляться на теле Мириам спустя месяц после того, как она обнаружила на плече язву. «Чертов Джейк!» – думала она, листая журнал приемов, когда началась ее смена. Три месяца назад его привезли в больницу. Она помнила тот день. Еще бы! Как такое забудешь. Пикап переехал его, раздробив кости, и группа медиков, выехавшая на вызов, сказала, что ничего от них не зависит. Они могли только ждать. Ждать, когда за Джейком придет смерть. Но смерть не пришла. Вместо этого сломанные кости срослись, а раны затянулись. В бреду он назвал адрес прежней семьи. Девушка и ребенок. Мириам нашла их, после того как узнала, что ей осталось не больше месяца. «А что, собственно, терять?!» – решила она.

Жули, высокая и худая, как страус, встретила ее на пороге обветшавшего дома, укачивая на руках годовалого ребенка. Мириам дождалась, когда девочка заснет, и выслушала долгую историю Джейка.

– Вот возьмите, – сказала Жули, протягивая ей записи отца ребенка. – Он долгое время пытался разобраться в себе. Изучал, анализировал... А когда разобрался, то сразу ушел. Если бы я знала, что все будет так, то никогда не стала бы ему помогать, хотя, наверное, он все равно бы узнал. Узнал и ушел...

* * *

Мириам спустилась в морг, открыла холодильник и сбросила простыню с холодного тела молодой девушки. Бог Джейка не был добрым богом. Да почему Джейка? Теперь это был и ее бог. Достав нож, Мириам перерезала мертвецу яремную вену и, припав ртом к ране, попыталась высосать кровь. Ничего. Никаких барабанов, костров и буйства ночи. Открыв отстойник под анатомическим столом, Мириам сцедила скопившуюся в нем кровь. Вкус был отвратительным, и ее вырвало. Все стало только хуже. Она умирала. Разлагалась, продолжая существовать. Еще неделя. Еще месяц...

Бездомный вскрикнул, когда Мириам воткнула нож ему в сердце. На этот раз кровь была теплой. Она вырывалась толчками из раны, и Мириам жадно ловила ее открытым ртом. А после, опьяненная своим безумием, она шла, пошатываясь, по ночным улицам и пыталась сдерживать рвотные позывы переполненного желудка. Какой-то мужчина остановился и предложил вызвать неотложку.

– Нет, – сказала Мириам и, обняв его за шею, предложила поехать к нему.

Он улыбнулся, оценивая ее словно скаковую лошадь, но, заметив запекшуюся на губах кровь, спешно ретировался.

«Пожалуй, я скоро содохну, – подумала Мириам. – А если не содохну, то сгнию заживо». Она проверила пульс. В последние дни он то появлялся, то пропадал. Она не чувствовала этого. Все тело сковывала странная немота.

– Мне нужен Джейк, – шептала Мириам, идя по ночной улице. – Только Джейк сможет мне помочь. Только Джейк.

* * *

Она нашла его в приюте для бездомных, потому что в своих дневниках он часто рассказывал об этом месте. Он посмотрел на нее и сказал, что она плохо выглядит.

– Ты не представляешь насколько, – сказала Мириам.

– Я предупреждал тебя, – сказал Джейк.

– Но это лучше, чем смерть, – сказала Мириам и предложила поехать к ней.

– Я не останусь с тобой, – шептал Джейк, наполняя ее рот своей кровью.

– Я не отпущу тебя, – шептала Мириам, проглатывая его кровь.

И барабаны снова били, разрывая ночную тишину. И костры горели, поджаривая брюхо неба. И чернокожие жрецы совершали свои старинные ритуалы... А после Джейк и Мириам лежали в постели и курили, строя планы на будущее. Странное будущее...

3

Они никуда не спешили. Особенно теперь, когда тело Мириам снова дышало жизнью и свежестью. Но барабаны звали их. И костры. И ночи. И чем чаще они отправлялись в этот мир, тем сильнее было желание найти его.

– Мы должны это сделать, – сказала Мириам, когда они шли рука об руку по залитой солнечным светом улице.

– Ты ничего мне не должна, – сказал Джейк. – К тому же если я когда-то и отправлюсь туда, то сделаю это один.

– Тогда убей меня, – Мириам схватила его руку и прижала к своей груди. – Убей, иначе я не отпущу тебя. Ты нужен мне. Без тебя... – Мириам услышала жужжание мух и вздрогнула.

– Ты боишься, – улыбнулся Джейк. – Боишься, потому что без меня ты – кусок гниющего мяса.

– Да, – тихо сказала Мириам и снова вздрогнула.

* * *

Они добрались до Северной Африки спустя два месяца. Морской бриз шелестел в кронах дубов и пальм. Оливки и лавры нежились в лучах раскаленного солнца. Где-то далеко племена туарегов и берберов погоняли вычуханных верблюдов по великой пустыне в поисках подземных вод, подходящих близко к поверхности, образуя оазисы. Долина Нила была наполнена жизнью и криками торговцев. Арабская речь поставила Мириам в тупик, но на помощь пришел Джейк.

– Не знала, что ты говоришь на этом языке, – сказала Мириам.

– Да я и сам не знал, – признался Джейк.

Они остановились в Каире и долго привыкали к местным обычаям и нравам. На завтрак они ели бобы, приготовленные в оливковом масле, на обед – пшеничную кашу, заправленную рыбой и залитую острым соусом, на ужин – пресные лепешки и тушеное мясо. Ночью они занимались любовью. А утром, проснувшись, снова продолжали поиски, которые привели их из Каира в Тунис, а затем в его пригороды.

Здесь, на берегу Средиземного моря, они принесли жертву своему богу. Поклялись служить ему и окропили своей кровью землю, где некогда стоял великий город.

– Теперь пути назад не будет, – сказал Джейк, уходя в лесные чащи.

– Мне кажется, его никогда не было, – сказала Мириам, следуя за ним.

И цивилизация оставалась где-то далеко за спиной. Слуги шли к своему богу, надеясь на его щедрость, потому что им больше некуда было идти.

Дочери Евы

1

Машина неотложки. Шум дороги.

– Я одного не могу понять, Дэвид. Какого черта ты работаешь санитаром, когда мог играть квотербеком за профессиональную команду? – говорит Тони Лартер, продолжая ненавязчиво издеваться над другом, потому что сейчас середина ночи, он хочет спать, и жизнь кажется ему самым скучным, что может случиться с человеком, особенно в компании Дэвида Глена. – Ну давай, ответь мне!

– Что тебе ответить?

– Почему ты слил свою жизнь в унитаз?

– Я не сливал.

– Вот как?

– Да ты и сам здесь работаешь. Тоже считаешь, что твоя жизнь в унитазе?

– Нет. Моя жизнь и не могла стать другой.

– Моя тоже.

Машина подпрыгивает на ухабах. Слышно, как ветви стучат о кузов, мат водителя.

– Ты ведь никогда не станешь доктором, – продолжает вредничать Лартер.

– Я знаю.

– Тогда кого черта не уйдешь?

Они останавливаются возле фермерского дома. Их встречает глава общины – высокая женщина лет тридцати. Черные волосы свисают ниже пояса. Ноги длинные, обнажаются в вырезе халата до бедер, когда она идет.

– Так что все-таки случилось? – спрашивает Тони Лартер.

Она оборачивается, смотрит на него, но не отвечает. Чувствуется запах свечей. Электричества нет. Цивилизация, кажется, осталась где-то далеко.

– Странное место, странные люди, – говорит Лартер своему другу.

Глен молчит. Они входят в просторную комнату. За открытыми окнами видны терраса и озеро. На водной глади отражаются звезды.

– Это что? – спрашивает Лартер, щурится, пытаясь привыкнуть к полумраку, видит человека в дальнем от окна углу, подходит ближе. Человек лежит на полу раскинув руки, не двигается. – Твою мать! – Лартер резко оборачивается к женщине, которая привела их.

– Это Фрида, – говорит женщина.

– Фрида? – Лартер заставляет себя снова посмотреть на человека без кожи, зовет Дэвида Глена.

– Я вижу.

– Мне плевать, что ты видишь! Неси носилки! – шипит на него Лартер.

Глен уходит. Коридор кажется неестественно длинным.

– Ну, что там? – спрашивает водитель.

– Девушка без кожи, – говорит Глен.

– Совсем?

– Совсем. – Он выкатывает из машины носилки.

– Помощь нужна?

– Кому?

– Откуда я знаю... – водитель нервно смеется.

Глен возвращается. Девушка без кожи лежит у стены напротив окна. Лартера нет. Главы общины нет. Тишина. Слабое дыхание, хриплое, предсмертное.

– Какого черта? – Глен недоверчиво идет вперед.

Глаза девушки без кожи вращаются. «Это Фрида», – звучит в голове голос главы общины.

– Фрида? – осторожно зовет девушку Глен.

– Она слышит тебя, – говорит глава общины.

Она стоит за его спиной, появившись словно из пустоты.

– Где доктор? – спрашивает Глен.

– Ушел.

– Он знает, что девушка жива?

– Сомневаюсь, что она жива.

– Но ведь...

Глен делает шаг вперед. Чувствует под ногами что-то мягкое, скользкое.

– Твою мать! Это что, ее кожа?!

Он оборачивается, глава общины смотрит на него большими глазами.

– Пожалуйста... – шепчет девушка без кожи.

Глен перешагивает, подходит ближе.

– Пожалуйста, прикоснись ко мне...

– Что? – он растерянно наклоняется ближе, считая, что ослышался.

– Прикоснись к ней, – говорит глава общины. – Я вижу, ты хочешь этого.

Глен молчит. Глаза девушки без кожи горят безумием. Или же нет? Страстью? На мгновение Глену кажется именно так.

– Прикоснись к ней, – снова говорит ему глава общины. – Разве ты не видишь? Она тоже хочет этого.

– Нет... – Глен пятится. – Где, черт возьми, доктор?

– Прикоснись же ко мне! – кричит на него девушка без кожи.

Она поднимается, ползет к нему на четвереньках, оставляя кровавый шлейф.

– Пожалуйста, успокойтесь... – шепчет Глен, отступая к выходу на террасу.

Чувствуется запах свежести: ветер, озеро, ночная прохлада.

– Мы отвезем вас в больницу, – говорит Глен девушке без кожи, продолжая пятиться к выходу. – Мы спасем вас. Все будет хорошо...

2

Сознание отключается, а когда Глен открывает глаза, то видит улыбающееся лицо Лартера. Девушка без кожи лежит на носилках, укрытая простыней.

– Она была жива, – говорит Глен.

– Кто? – Лартер растерянно смотрит на пропитавшуюся кровью простыню.

– Она.

– Ну конечно! – Лартер снова начинает улыбаться.

– Но я видел!

– Ты отрубился!

– Я...

– Снова вернулся к прежнему? Что на этот раз? Кокаин? Крэк? Метс?

– Я не...

– Ну конечно, Дэвид! Ты всегда не виноват. Все это жизнь, верно?

Глен не отвечает, подается вперед, срывает простыню с лица девушки. На него смотрят черные мертвые глаза. Желудок сжимается.

– Значит, метс... – говорит Лартер и качает головой.

Они добираются до города молча.

– Знаешь что, – предлагает Лартер, впервые за вечер почему-то начиная жалеть старого друга, – иди домой, а мы тут сами справимся с телом.

Глен кивает. В голове гул, и он думает лишь о том, как добраться до кровати.

– Тяжелый день? – спрашивает сквозь сон жена.

– Скорее ночь, – шепчет Глен, закрывая глаза.

Ему ничего не снится. Ничего вымышленного. Все здесь. Все уже в нем. Девушка без кожи, ее просьбы, ее голос, взгляд...

Глен поднимается с кровати. В холодильнике стоит бутылка водки, и он старается думать лишь об этом.

– Прикоснись ко мне! – звучит в голове женский голос... Или же не в голове?

Глен вздрагивает, оборачивается. Девушка без кожи лежит на кухонном столе. Мертвые глаза устремлены в потолок. Капли крови падают на пол. Глен слышит в тишине этот звук.

– Какого...

Он недоверчиво подходит к столу. Кажется, что это снова все у него в голове, как там, на ферме... Но что если нет? Глен подается вперед, пытается услышать дыхание девушки без кожи.

– Я Фрида! – говорит она и неожиданно обвивает его шею слизкими, лишенными кожи руками, тянет к себе.

Рот без губ открывается, готовясь к поцелую. Глен кричит, вырывается. Ноги скользят в луже крови. Он падает. Гремит посуда. Где-то плачет проснувшийся ребенок, суетится жена.

– Что случилось? – спрашивает она Глена, когда удастся успокоить дочь.

Он молчит, пялясь на кухонный стол. Нет ни Фриды, ни крови.

– Дэвид?

Жена касается руки. Он вздрагивает, поднимается на ноги.

– Мне нужно на работу.

– Что?

– Мне нужно снова вернуться в больницу!

3

Лартер встречает его, не скрывая раздражения, ворчит, ведя в морг.

– Послушай, если тебе нужна помощь избавиться от наркозависимости, то я, как твой друг, всегда смогу помочь...

– Нет никакой зависимости.

Глен открывает двери, проходит в морг. Стол, на котором должна лежать девушка без кожи, пуст.

– И где она? – спрашивает Глен Лартера.

– Может быть, санитары по ошибке в холодильник убрали? – пожимает тот плечами.

Они проверяют все холодильники, но девушки нет.

– Куда, черт возьми, она делась? – злится Глен.

– Не знаю, но уверен, все прояснится...

– Плевать я хотел на твою уверенность!

Глен не хочет, но рассказывает о том, что случилось у него на кухне. Лартер улыбается, говорит, что это невозможно.

– Я сам зафиксировал ее смерть.

Глен не слушает, спрашивает про кожу.

– Что?

– Ее кожа, Тони! Где, черт возьми, ее кожа? Или ты хочешь сказать, что она тоже пропала?

– Я не знаю, – Лартер хмурится, растерянно оглядывается.

– Да что, черт возьми, происходит?! – психует Глен.

Он выходит на улицу, потому что в помещении его снова начинает тошнить.

Ночной воздух трезвит. Выкурить сигарету, собраться. Теперь за руль. Прочь из города. К загородной ферме.

– Я знала, что ты вернешься, – говорит глава общины.

– Где Фрида? – спрашивает Глен.

Женщина улыбается.

– Такие, как ты, всегда приходят.

– Я спросил...

Глен видит, как из дома выходит обнаженная девушка, поправляя кожу, словно платье. Голова начинает идти кругом.

– Я спятил, да? – спрашивает Глен Фриду.

Она улыбается.

– Я нравлюсь тебе?

– Мне? – Глен окидывает ее растерянным взглядом.

– Ты считаешь меня красивой?

– Возможно.

Фрида снова улыбается, берет его за руку и ведет в дом.

4

В общине тихо. Коридоры кажутся бесконечными. Утро не наступает. Свет дарят лишь толстые свечи. Пахнет ладаном, цветами и морским бризом. Где-то далеко поют птицы.

– Ты хочешь увидеть наш сад? – спрашивает Фрида.

Глен пожимает плечами. Они идут на террасу, к озеру. Белые лебеди качаются на черной глади. Персиковые деревья гнутся к земле ветвями с сочными плодами.

– Хочешь? – спрашивает Фрида, срывая один из них.

– Хочу знать, кто вы такие, – говорит Глен.

– Ты знаешь, – она улыбается. – Просто не помнишь. Как не помнил твой отец, твой дед... Но это всегда в вас было.

– Было что?

– Часть нас.

Фрида обнимает его за шею, целует в губы. Глену нравится жар ее дыхания, нравится ее гладкая кожа, которой так приятно касаться. Он ощущает, как обостряются все его чувства. Мысли бегут в голове сплошным потоком. Бегут назад, сквозь века, тысячелетия.

Глен видит дивные сады, обнаженных мужчин и женщин. И земли за этими садами. Видит грязных, голодных людей, увядших, безобразных женщин. Они умирают, рождаются, снова умирают. И за всем этим наблюдают бессмертные жители райских садов. Век за веком. Но рано или поздно они устают от своего бессмертия. Особенно мужчины.

Они смотрят на земли, вокруг садов, смотрят на новых женщин. И сначала уходит один из них, затем другой. И вот вскоре в садах остаются только женщины. Они следят за своими мужчинами, за своими возлюбленными, которые променяли бессмертие на минутную радость. И сбежавшие мужчины умирают, перерождаются из поколения в поколения, забывая, кто они, откуда. И женщинам в священных садах больно на это смотреть. Женщины одиноки в своей вечности. Поэтому они выходят к предкам тех, кто некогда покинул дивные сады, очаровывают их, зовут к себе.

– Но ваше предательство никогда не будет прощено, – говорит Фрида. – Мы никогда не простим вас, но и никогда не забудем. По крайней мере, так будет в священных садах.

– Почему бы вам тогда не поселиться в нашем мире?

– В вашем мире? – Фрида смеется. – В этом грязном, никчемном мире, среди животных, лишь отдаленно похожих на нас?

– Так ты считаешь меня животным?

– Не тебя, а только тех, в ком не течет кровь наших мужчин. В них нет души, нет света. Они ничтожны. И их очень много. Здесь, на этой земле, – Фрида снова целует Глена, пробует его вкус. – Скажи, разве ты никогда не считал себя особенным?

– Возможно.

– Я знаю, что считал, – она улыбается. – А женщины? Вспомни всех, с которыми ты был. Разве ты хотел остаться хоть с одной из них? Разве ты не чувствовал, что это просто бездушные животные, отличающиеся от тебя?

– Я не думал об этом.

– Думал, – говорит Фрида. – Просто боялся признаться себе в этом. Каждый раз, каждую новую ночь.

Она заставляет его опуститься на колени, отдается ему под нависшей ветвью персикового дерева.

– Скажи, что ты чувствуешь теперь? – спрашивает она.

Глен молчит. Его тело дрожит, мысли в голове летят где-то высоко.

– Ты ведь счастлив, не так ли? – спрашивает Фрида.

– Да.

– Все твои мечты. Все твои фантазии. Все здесь. Во мне. В таких, как я.

– Да.

– И так будет до тех пор, пока ты будешь служить нам, – она снова улыбается. – Ты ведь будешь служить нам?

– Да.

– Я так и знала...

Джей Арс

27 лет. Писатель хоррора, мистики, темного фэнтези и темной фантастики. Родился в Бруклине, живет в России, работает частным психологом. Первый мистический рассказ был написан в 7 лет от скуки на уроке математики. Но первые серьезные работы стали выходить после перенесенной клинической смерти во время сложнейшей врачебной операции, в годы армейской службы (2010–2011). Первый такой мистический рассказ назывался «Разговор на вокзале» и был посвящен самым близким и дорогим сердцу людям. В разное время выходили публикации в журналах «Космопорт», «Фантаскоп», «Мир фантастики», «Bigital», «SFL (Science, Fiction & Literature)». Джей особо гордится своей работой «Дары змея», которая вышла в 166 выпуске альманаха «Фантаскоп», а также на радио Pod.fm. Автором озвучены несколько аудиокниг в рамках проектов «ПоСЛесловие» и «СВиД». На данный момент увлечен созданием эзотерического хоррор-проекта «Архитекторы», а также созданием блогов, посвященных истории хоррора во всех его проявлениях.

Два в одном

У Бэйлы Гейл был довольно насыщенный день на работе: за довольно длинный период затянувшегося рабочего дня молодая 23-летняя девушка успела переделать кучу дел. Заправить картриджи, сделать и принять заказ на поступление новых канцелярских товаров в офисный центр. Заполнить документы за новый отчетный период (по идее, эту работу должна была сделать Элли Гейнер, она сбежала в декрет), и ответить на кучу входящих звонков, а также девушка не забывала снабжать свежими порциями кофе прозаседавшийся совет директоров, которые бог весть что делают столько времени в конференц-зале.

Однако когда Бэйла в очередной раз приходила со свежим кофейным подносом, все девять человек дружно что-то записывали за главным держателем акций Рональдом Бейкером. Приятный пожилой миллионер, занимающий в списке «Форбс» одно из довольно значительных мест в пределах Соединенных Штатов. А когда Бейла заканчивала расставлять чашки с горячими напитками и закрывала за собой дверь, дружные чирки ручкой тут же прекращались. Бэйла за всю работу в компании не раз замечала этот престранный факт, но придавала ему не слишком большое значение, так как работала за троих человек (в том числе Лейлу Мартин, которая, надо не забыть сказать, чем-то очень сильно заболела, и только Бэйла прекрасно знала, что ее подруга виртуозно симулирует).

Подводя итоги этого горячего рабочего дня лично для Бэйлы Гейл, – она могла вполне похвалить себя за самоотверженность и долготерпимость. Девушка собиралась домой, когда уже половина сотрудников офиса покинула свои рабочие места раньше положенного срока. Бэйла искренне жалела, что не могла позволить себе такую вольность и уйти раньше времени, не предупредив об этом свое начальство. Попробовала бы она уйти раньше, как Митч Рейганс тут же влепил бы ей какую-нибудь дисциплинарную санкцию в виде штрафа или занесение в личное дело. Митч занимал должность вице-президента компании, надо сказать, сволочной был тип, с крайне несносным характером; сотрудники, которым посчастливилось с ним пообщаться, долго потом обтекали, принимая новые порции успокоительного или сердечного. Бэйла Гейл же общалась с ним чуть ли ни каждый день.

Поначалу ей приходилось трудно. Но по мере ее с ним общения только крепчала закалка – спустя три года работы она пропускала его ругань мимо ушей. Его слова будто бы проскальзывали сквозняком мимо нее, она выделяла из его, так сказать, речи только самое необходимое, всегда вежливо улыбалась и, как бабочка, храбро отбившаяся от сетей жирного паука, упархивала прочь, выполняя очередное его поручение. Вот и сегодня она шла к нему в немой усмешке от того, что он придумает для нее в очередной раз, точнее, не придумает, а наверняка скажет (чаще это была какая-нибудь гадость).

Впрочем, для храброй и закаленной Гейлы это было вполне нормально и даже привычно. Девушка собрала необходимые документы в свою дежурную папку, стукнув ей о стол так, чтобы бумага вошла в папку ровно, без огрех. Мысленно заткнула уши невидимой ватой и спокойной, довольно мерной цокающей походкой направилась к бежевой двери с надписью «Митч Рейнгас. Вице-президент компании Yello Publishing». Бейла поправила аккуратно уложенную прическу, осторожно постучала.

– Войдите! – раздался строгий делано-занятой голос начальника.

Бейла вошла, вежливо ему улыбнулась – тот даже не поднял головы, уткнулся носом в свой планшет, увлеченно водил по нему пальцем. Надо сказать, внешность Митча Рейнгаса была довольно неординарной – Бейла Гейл поначалу долго мучилась над тем, чтобы угадать его возможный возраст: она всегда колебалась между цифрами в 25 и 35. В один день он мог выглядеть на 25, в другой на 30 или 35 лет. Странный парень, с не менее странным характером. Однако некоторым сотрудницам (которые с ним не работали и лишь мельком видели,

как он уходит или приходит на работу) он искренне нравился, девушки частенько подзывали Бейлу под предлогом вместе пообедать и мучили ее расспросами о том, женат ли Митч. Бейла не переставала им отвечать, что не знает, ибо ей все равно. Хотя у нее возникало смутное подозрение, что Митч пытается с ней заигрывать, особенно когда он смотрит не в глаза, а на выпяченную ее грудь. Да-да, Бейла была именно такой! Девушка любила подчеркивать свои достоинства, особенно те, которые так нравятся мужчинам. Но поскольку Митч Рейнгадс был человек крайне странного характера, она так и не могла толком понять его намерений, но все равно не переставала думать о том, что настанет миг или час, когда Митч Рейнгадс созреет для первого предложения об интимном свидании с ней. Бейла давно уже придумала, что сказать ему при таком вот раскладе.

– Мистер Рейнгадс, – обратилась к нему Бейла, сделав несколько решительных шагов вперед в направлении большого квадратного стола, за которым Митч тыркался в планшете.

– Я принесла вам документы на подпись.

– Ага! А раньше не могла их мне сюда принести?! – раздраженно выпалил он, все еще не поднимая головы. – Почему я вечно должен тебя ждать?! Всегда так! Абсолютно всегда! Ты приносишь документы в одно и то же время, неужели это так трудно? Принести эти гребанные документы тогда, когда я этого хочу... – Митч поднял голову – в этот день он выглядел на все 35 лет. По крайней мере, Бейле так казалось, она спокойно стояла, сомкнув губы, ее глаза уже давно плавали в образах одной из его развешенных здесь дорогих картин (в основном Ван Гог). Бейла любовалась подсолнухами, когда Митч на нее кричал.

– И в этот раз вы уж, пожалуйста, постарайтесь, мисс Гейл, принести мне эти документы тогда, когда рабочий ваш день не подходит к концу!

«Не подходит к концу? Это что же, можно уйти с работы раньше? Может, спросить у него? Ан нет, не буду... Лучше попробую».

– Хорошо, мистер Рейнгадс, как скажете. Разрешите мне положить эти документы вам на край стола... – Бейла сделала еще несколько осмелевших шагов вперед.

– Кладите и уходите! – прогремел начальник, и тут Бейла мысленно подловила его сальный взгляд на своей груди, как всегда, промолчала, сделав собственные выводы, может быть, даже ошибочные.

Бейла ответила ему своей дежурной сияющей улыбкой и, сделав свое маленькое дело, покинула его кабинет; прикрывая за собой дверь, она заглянула к нему – тот сидел, уткнувшись лицом в планшет, не открывая принесенной ему папки.

Бейла собиралась уходить, спустилась на лифте вниз с твердым намерением попробовать завтра уйти с работы раньше времени (ибо «пунктик» с документами на подпись под конец рабочего дня у нее держался все время, пока она работала здесь). Подойдя к раздвижным дверям на выход, Бейла накинула на себя свой темно-красный осенний плащик до колен. Сегодня поутру обещали сильный дождь и ледяной ветер – так и получилось. На улице воцарилась промозглая серость, люди торопливо шагали с открытыми зонтами, ветер шел встречный, так что, чтобы купол зонта не сорвало очередным несносным дождевым порывом, иногда приходилось его опускать ниже. Перед выходом на улицу Бейла открыла свой зонт и, выйдя в дождливую непогоду, повернула правее вдоль офисного центра, в сторону паркинга. Идя вдоль оживленной улицы, она привычно замечала на лицах прохожих серое безразличие и горячее стремление поскорее покинуть улицу и забиться в свои клетки, туда, где дождь их наверняка не доставит. Как назло, паркинг такси был запросто расхвачан такими же страждущими попасть домой или в какое-нибудь питейное заведение (последнее, конечно, чаще, погода, как говорится, шепчет). Не найдя ни одной свободной машины, Бейла разозлилась своей мысли о том, что домой придется ехать на общественном транспорте, толкаться в очередях за проездными билетами и в переполненном душном автобусе – самое начало часа пик. О! Она ненавидела это время! Она возненавидела общественную транспортную сеть и занятых таксистов, которые ради одной

Бейлы Гейл вряд ли высалят кого-то из пассажиров и довезут ее одну до дома – так не бывает! Прикинув в голове все возможные варианты, она выбрала альтернативу – переждать «бурю» в каком-нибудь близлежащем кафе. Она знала несколько таких заведений. Прошла мимо паркинга, оставив в стороне толпу нетерпящих добраться домой. Дальше паркинга тянулась Клайдекар-стрит, доходя до перекрестка параллельно Клайдекар, шла улица Роенгард. Каролина выбрала ее в качестве ведомого ориентира. Ушла правее. Толпа прохожих сильно мешала разглядеть окрестности, городской шум сбивал с толку. Конечно, Бейла помнила, где находилось кафе, но последние события буквально сбивали ее с толку, она была больше сосредоточена на своей обиде на таксистов, своей недавней беседе с боссом и ярой ненависти к тем, кто успел поймать такси पहले, чем она. Идя вдоль оживленного шоссе, толкаясь в толпе торопливых безразличных прохожих, девушка вышла к указателю на Пирроуз-драйв – заведомо неверное направление. Она знала, что кафе находится на Роенгард и нигде больше (по крайней мере, до первого кафе идти было ближе). Со скандалом пробравшись на край обочины дороги, она вскоре увидела вывеску кафе, находившегося на той стороне дороги, – необходимо только перейти улицу, а дальше все будет схвачено. Дождавшись зеленого сигнала светофора, Бейла перешла по зебре на другую сторону. Нырнув в бегущую вперед толпу, Бейла все-таки добралась до дверей кафе. Однако хозяева его, скорее всего, уже съехали, ибо ранее (примерно две недели назад) кафе называлось «Чумовой Чарльстон», а теперь «Джон Мо».

«Что за дурацкое название – «Джон Мо», назвали бы еще «Писклявый Мо» или «Щедрый Мо», а тут какой-то дебильный Джон», – негодовала Бейла, но тем не менее делать было нечего, возвращаться на дождливую улицу ей не хотелось. Еще больше она не хотела толкаться среди прохожих. Не то чтобы она не любила людей – она ненавидела стадо, что вечно собиралось в финале рабочего дня и загромождало и без того тесные улицы даунтауна. Однако при всем ее внутреннем несогласии со сменой названия внутри старого-нового кафе было довольно уютно и – что, несомненно, радовало – здесь было мало посетителей, хотя и у прежних хозяев не все было гладко с внутренним клиентооборотом. Впрочем, мало кому понравится, что вдоль стен развешаны фотообои с пляшущими и пышущими радостью дамами, поднимающими подолы юбок и скачущими в ритме танца чарльстон.

«Хм, Джон Мо наверняка это снимет, заменит какой-нибудь мужланско-ковбойской тематикой, я почему-то в этом не сомневаюсь, а когда заменят – не удивлюсь, что была права», – усмехнулась Бейла, изучая новое-старое меню. Бейла никогда не расплачивалась наличными, у нее было правило держать наличные в банке, а банковскую карту (на которой они лежали) тратить как угодно. Подозвав официанта и расспросив его о возможностях безналичной оплаты, Бейла обрадовалась, узнав, что новые хозяева не брезгают кредитками. Отпустив официанта, девушка уткнулась в меню. Разновидностям кофе здесь была посвящена целая страница, многие названия девушка даже не знала: все они были записаны мелким наклонным почерком так, чтобы все 120 разновидностей могли уместиться на одной заламинированной странице меню. Бейла хотела попробовать все сорта, но рассудок остановил ее спонтанный порыв желания. Ее выбор остановился на ванильно-банановом мокко, девушка рассчитывала получить от этого напитка хоть какую-нибудь, пусть даже малую, толику радости, которая могла бы урезонить ее столь сильное негодование от этой мерзопакостной погоды дождливого Манхэттена. Подозвав к себе официанта, Бейла попросила к своему первому заказу добавить еще и овощной салат, заправленный винным уксусом. Подошедший к ней симпатичный мужчина лет тридцати с небольшим был крайне любезен и вежлив. В отличие от другого официанта, на входе, который просто подал ей меню и торопливо растворился в залах кафе, так же равнодушно обслуживая и других немногочисленных посетителей этого заведения. Обслуживающий ее официант ей сразу понравился. Как-то сразу в голову пришел вопрос: «Неужели этот приятный парень не нашел себе работы получше? Ведь с такой внешностью он мог бы

стать лицом какой-нибудь рекламной компании, производящей элитный мужской парфюм». Официант будто бы услышал ее мысли, в очень деликатной форме он сказал ей:

– Работа в этом кафе здорово изменила мою жизнь! Своим служением людям я, можно сказать, возвращаю свой долг! – сказав это, он записал заказ Бейлы Гейл себе в блокнот и, откланявшись (что для девушки было так дико и непривычно, что от удивления ее глаза расширились, а рот самопроизвольно открылся), торопливо ушел.

Пока на кухне готовили ее заказ, Бейла думала о том, что могло бы быть, если бы Митч Рейнгадс не имел вредную привычку скрывать свое к ней вожадеющее чувство.

«Ведь имей он хоть малую толику смелости, он бы пригласил меня к себе домой... а вдруг любовница? Она может все испортить: если он ее еще любит, то о быстром взлете по карьерной лестнице можно и не мечтать... Или все-таки нет? А вдруг он сейчас в активном поиске? Хотя... нет... Взять на себя смелость воспитывать взрослого, да еще и капризного ребенка типа Митча Рейнгадса – выше моих сил. К тому же у меня нет особого на то желания заводить семью... Обуза – да и только», – пока девушка об этом думала, ее взгляд плавал по фотообоям, оставленным здесь еще от прежних хозяев. Яркие танцовщицы чарльстона привлекали ее своей веселой подчеркнуто-женственной игривостью; разливающиеся вдоль стен цвета их пышных платьев будто возвращали девушку в то далекое, безвозвратно утраченное прошлое, оставившее свой яркий след разве лишь только на старых фотографиях и не менее старинных киноплёнках...

– Ваш заказ, мисс, – внезапный голос официанта отвлек ее от мыслей, девушка немного вздрогнула от столь неожиданного появления услужливого мужчины: в правой руке он держал серебряный поднос, на котором стояли горячая кружка с ванильно-банановым мокко и тарелка овощного салата. Все это официант с неподдельно-искренней улыбкой (словно страстно желал понравиться новой посетительнице) расставил перед Бейлой.

«Неужели он таким образом со мной флиртует?» – усмешливо подумала Бейла, однако эта мысль была ей очень приятна, девушка была бы не против ночного randevu с этим молодым человеком.

Оттягивая наслаждение вкусом принесенного ей мокко и не слишком торопливо подъедая салат, Бейла и не заметила, как наступил вечер. Посмотрела в окно: дождя не было, улица почти свободна от прохожих, а шоссе не так загружено машинами. Расплатившись карточкой, Бейла собиралась уходить, как перед входом ее остановил тот самый официант, который обслуживал ее. Этот его порыв был скорее очередным актом вежливости, очевидно нарисованным на его приятном лице.

– Мисс, я прошу прощения, возьмите с собой наш рекламный буклет: взяв его и предъявив нам в следующий раз, вы получите от администрации нашего заведения хорошую скидку на все последующие посещения нашего кафе.

– Хм... – Бейла всегда относилась с сомнением ко всякого рода подобным акциям и раздаче рекламных листовок. Однако, услышав волшебное слово «скидка», девушка взяла буклет из рук симпатичного официанта, не став на нее смотреть, убрала к себе в сумочку. Остановивший ее официант удовлетворенно улыбнулся, открыл перед ней дверь и проводил ее взглядом на улицу.

Теперь Бейла засомневалась, что обслуживающий ее официант всего лишь навсего лицемер, которому платят проценты, помимо обслуживания, еще и за раздачу листовок на входе. Впрочем, этот маленький инцидент был сразу же забыт. Бейла вышла на паркинг, где стояли такси, села в первую же свободную машину и велела водителю трогаться на улицу Роунвелл, в спальняный район даунтауна...

По дороге домой девушка заказала по телефону доставку суши на дом; оператор обещал, что заказ с курьером будет доставлен не ранее чем через полчаса. Бейлу этот ответ вполне устраивал. Добравшись домой, девушка сразу же переоделась во все домашнее, под звуки

телевизора села за ноутбук. Спустя каких-то двадцать минут девушка открыла дверь суши-курьеру, расплатилась с ним картой... Сделав несколько мелких дел по дому, Бейла удовлетворенно уселась перед телевизором, рядом с ней лежала сумочка, в одном из открытых отделений которой торчал корешок от рекламного буклета «Джонни Мо». Бейла не ожидала увидеть там что-то сверхординарное, кроме обещаний о скидках, богатого и разнообразного меню и слов о качественном обслуживании и прочего рекламного бла-бла-бла. Однако девушка несколько удивилась тому, что прочитала в этом рекламном проспекте (как раз под строчками о высоком уровне сервиса). Небольшое, всего на пару строк, объявление было обведено яркой, режущей зрение рамочкой: «Доставка диванов, грузоперевозки и качественная курьерская служба доставки грузов любой сложности». Бейла убрала листовку обратно в сумочку, решив, что заглянет туда еще один раз завтра после работы...

Полуночью Бейла проснулась от какого-то совершенно дикого сна – девушка не помнила, чтобы когда-либо ей снились подобные кошмары. Этот был каким-то совсем уж настоящим, почти как в реальности, с теми же ощущениями, чувствами, правда, все же с одним нюансом – всегда можно проснуться и вернуться обратно в кровать, туда, где все эти ужасы уже не происходят. Бейле снилась страшная машина, которая ездит по ночным улицам города; ее огромные фары горят ярким желтым светом, а мотор жутко ревет от напряженной работы под закрытым ржавым капотом; лицо водителя сокрыто черным стеклом, видны только его одетые в перчатки руки. Бейле снилось, что она выходит на улицу не обутой, в домашнем перевязанном поясом халатике. Ужасная машина подъезжает к порогу ее подъезда, дверь открывается, и девушка покорно залезает в запачканный черной золой салон. Водитель не оборачивается к ней лицом, сидит прямо, управляет баранкой руля. Подвозит ее к офисному центру (там, где она работает); машина паркуется на пустой автостоянке. Молча сидят, Бейла зачем-то смотрит в окно, наблюдает за размеренной жизнью ночного Манхэттена. Последним из офисного центра выходит Митч Рейнгадс, крайне хмурый и чем-то недовольный (впрочем, оно и не удивительно). Бейла указывает на него пальцем; водитель поворачивается к ней безликим, абсолютно черным лицом: глаза его горят ровным желтым светом, он кивает, как будто соглашаясь с ее выбором. Выскакивает из машины, не бежит, но как будто парит по ровному асфальту, как какая-нибудь ужасная тень. Бейла наблюдает за всем со стороны, а спящей Бейле становится плохо, она слышит свое неровное, прерывистое дыхание, хочет проснуться, но не может – слишком это все затянулось. Бейла из сна видит, как водитель-тень залезает ничего не подозревающему Митчу Рейнгадсу за спину и уносит его высоко во тьму. Потом отпускает. Его громкий предсмертный крик обрывается на ровной поверхности асфальта. Бейла из сна удовлетворенно улыбается, даже смеется, черная тень тащит за руку мертвое тело Митча к машине, бесшумно кладет его в багажник, закрывает на ключ. Далее следуют какие-то формальности, тень просит Бейлу подписать какую-то бумагу, дает ей шариковую ручку, девушка подписывает не читая, отдает документ в руки водителя. Выходит из машины, провожает взглядом удаляющиеся в ночь желтые огни.

«Что за чушь мне приснилась?» – изумленно подумала Бейла, стряхнув с себя остатки сна. Девушка накинула на себя халат и отправилась в ванную, привести себя и свои мысли в порядок под струями ободряющего чуть теплого душа. После ванной девушка наспех позавтракала, собралась на работу.

Этот день и правда был каким-то сумасшедшим и очень напряженным. Бейла Гейл не могла припомнить хотя бы одного случая за всю работу здесь, когда работала так интенсивно и тяжело, как это делала сейчас. Только за первые три часа за десять подходов на лифте она успела привезти и отвезти стопки папок с документами на 5 этаж, когда сама работала на 25-м. Потом срочный месячный отчет, который вдруг очень срочно понадобился ее несносному боссу, затем подготовка бизнес-презентации к предстоящей встрече с инвесторами из Франции, после презентации звонки, на которые требовалось отвечать оперативно и крайне веж-

ливо (последнее у Бейлы получалось очень плохо под середину рабочего дня). Но «разбор полетов» в кабинете у Митча Рейнгадса доконал девушку совсем, и это при многолетней ее выдержке и терпимости. Она была готова хоть сейчас вызвать с преисподней приснившуюся ей черную тень, чтобы убийство босса повторилось на ее глазах: девушка была уверена в том, что после смерти Рейнгадса она так же зловеще рассмеется и заулыбается. Но ничего такого не произошло (к сожалению), Митч Рейнгадс кипел от ярости, когда отчитывал ее за очередной (как ему показалось) промах в наспех принесенных ему документах, он отчего-то решил, что эти сильно не понравившиеся ему документы сделала именно мисс Гейл и никто иной из работающих вместе с ним сотрудников. Создавалось впечатление, что, опираясь сомкнутыми кулаками о тщательно отполированный стол, он сдернет с себя ремень и отхлестает им ее по заднице. Девушка сдержанно негодовала от его неконтролируемого ора, пыталась плавать взглядом в развешанных в кабинете картинах, но это, увы, не спасало.

«Он меня точно уволит, в этом нет сомнений... Он ненавидит меня так же, как я ненавижу его... Одним словом, истеричный ублюдок!» – зло подумала Бейла, злорадно представляя своего босса лежащим перед ней в луже собственной крови. Его голова, отделенная от тела, с кривой предсмертной гримасой царствовала на отполированном столе, рядом со включенным его любимым планшетом.

Однако девушку спасло неожиданное появление одной взволнованной сотрудницы, имя которой девушка в порыве с трудом сдерживаемого негодования забыла.

– Мистер Рейнгадс, простите, что без стука, – лепетала молоденькая сотрудница, – я всего лишь хотела уточнить у вас, не нужны ли вам эти стопки с документами?

– С какими еще документами? ЭТИМИ?! – босс грозно ткнул пальцем в лежащую перед ним стопку, которую буквально недавно принесла ему на стол Бейла.

– Да, мистер Рейнгадс, – сбивчивым, взволнованным голосом отвечала ему сотрудница; ее взгляд испуганно метался сначала на Бейлу Гейл, затем на взбешенного Митча. Лицо его побагровело настолько, чтобы признать его существом из неподконтрольной небесам преисподней. – Видите ли, произошла грубая ошибка, эти документы не должны были попасть к вам на стол именно сегодня.

– А я вам что говорила?! – взбешенно возмутилась Бейла. – Вы там все с ума посходили!

– Это не моя вина, мисс Гейл, – виновато оправдывалась девушка.

– Значит, это вина всего отдела! – воскликнул Митч Рейнгадс. – Вы меня все решили в могилу свести?! Вы хотите, чтобы я умер?!

«Лично я была бы не против такого поворота», – злорадно подумала Бейла; не исключено, что об этом же думала и внезапно появившаяся здесь девушка из финансового отдела «В».

– Нет, мистер Рейнгадс, конечно, нет... Я только... – сбивчиво произнесла девушка, сделав несколько неуверенных шагов к его столу, чтобы забрать документы.

– Забирайте свою писанину и убирайтесь обе! Вы, мисс Гейл, помните про вчерашний наш разговор? – Митч вышел из-за стола и подошел к окну.

Девушка виновато посмотрела на Бейлу, не увидев в ее глазах и малейшего сочувствия и тем более прощения (в общем-то из-за упертой невнимательности этой девчонки и начался весь этот скандал), забрала документы и поспешила удалиться из кабинета Рейнгадса.

– Вы еще здесь, мисс Гейл? Я что вам сказал? – сдержанным тоном произнес Митч.

– В общем-то виновата была не я, как вы уже догадались, – обидчиво начала Бейла.

– И что вы от меня хотите? Чтобы я ее уволил? Кто мне принес этот хлам?! Не вы ли, мисс Гейл? А?

Это последнее его «а» окончательно разозлило девушку, она была готова прямо сейчас вытолкнуть этого мерзавца из окна, так, чтобы он долго летел и разможился на асфальте, перед глазами сотен белых воротничков, торопливо снующих по тротуарам вдоль офисного центра.

Она промолчала на этот его грубый выпад.

– Не ждите от меня извинений – вы знали, на что шли, когда приносили мне этот бумажный мусор!

«Да, ты прав, от таких ублюдков, как ты, ничего хорошего ждать и не приходится», – она хотела это сказать, но сжеженно промолчала. Если бы Рейнгадс повернулся к ней сейчас лицом, он бы точно уволил ее – достаточно было увидеть ее ничем не прикрытую ярость в глазах и в выражении лица, чтобы понять, как она его сейчас ненавидит. С чувством ненависти она пришла в его кабинет, с чувством неконтролируемой ярости она из него ушла. Мысленно обещая себе, что обязательно ему отомстит, сразу за все! Прикрыв за собой дверь, Бейла сразу же подумала о своем недавнем сне (она больше не называла его кошмаром). О! Как же она мечтала, чтобы этот сон претворился в жизнь, и причем так, чтобы полиция не смогла ее ни в чем обвинить. Бесспорно, место Митча Рейнгадса займет кто-то другой, лучше – другая, а еще лучше, чтобы это была она, во всяком случае, после его кончины дальше уже будет видно. Вернувшись на свое рабочее место, девушка вдруг вспомнила, что хотела сделать вчера, но в суматохе этого дня забыла о своем намерении – уйти с работы пораньше. Обдумав свое решение еще раз, Бейла поняла, что это не самая ее удачная мысль, по крайней мере, сегодня. И, подготовив «вечернюю» документацию, она вернулась с кипой бумаг на подпись в кабинет Рейнгадса. Постучав в дверь, она не услышала привычного ей раздраженного возгласа, никто ей не ответил. Девушка восторженно обрадовалась, ибо не хотела встречаться с Рейнгадсом еще один раз (хватило за сегодня!). Вошла самостоятельно, дверь, к счастью, была не заперта (если Рейнгадс и уходил из кабинета, то это надолго, он не имел привычки запираť дверь). Бейла быстро сложила кипы бумаг ему на стол, но прежде, чем уходить, полюбопытствовала оставленным у него в кабинете планшетом. Девушка изумилась, увидев у него на экране какую-то извращенную садомазохистскую игру, позволяющую мучить компьютерную девушку множеством самых изощренных и самых что ни на есть жестоких атрибутов БДСМ. Разумеется, звук на планшете был выключен, чтобы стоны замученного компьютерного персонажа не покидали пределов его кабинета и извращенной фантазии Митча Рейнгадса. Бейла села за его стол и, взяв в руки чужой планшет, попыталась представить, что вместо закованной в цепи девушки закованным и голым стоит Митч Рейнгадс, а Бейла Гейл играет в этой игре роль изощренно жестокой госпожи.

«Жаль, что пол у персонажа нельзя поменять», – с сожалением подумала Бейла, апробируя в игре все возможные атрибуты пыток на воображаемом боссе. Она уже слышала его вопли и крики – и как же извращенно-сладко они ложились в ее разуме ровной и приятной для нее музыкой! Мысленно она уже подумывала прийти после работы домой и скачать в Интернете игру, похожую на это, но с каким-нибудь мужчиной в главной роли. А пока она зашла в Интернет на его планшете и, набрав в Google слово «Fuck», выбрала знаковую фотографию со средним пальцем.

Сделав ее фоном для рабочего стола Рейнгадса, злорадно рассмеявшись, девушка положила планшет на свое прежнее место и поспешила удалиться отсюда, мысленно представив себе выражение его лица, когда он зайдет к себе на рабочий стол и увидит там приготовленный ей ему подарок.

Часы в общем зале показывали 17.30. Бейла все-таки решилась. Не стала искать никого, кто мог бы прикрыть ее перед Рейнгадсом, и никому ничего не сказала, просто ушла. На улице стояла такая же слякоть, как и вчера. Рабочий день подходил к концу, но час пик еще не начался. Тротуар был почти свободен от торопящихся с работы домой людей. Паркинг такси был заполнен желтыми машинами, можно было выбрать любую и добраться до дома, пока шоссе не заполнилось автомобильными пробками. Вместо такси Бейла ушла дальше, через улицу Клайдекар, а потом на Роенгард к кафе «Джонни Мо», где сидела вчера вечером. Пока шла к кафе, Бейла вдруг подумала о том, почему бы не взять в привычку посещать это кафе каж-

дый рабочий день. Ее подкупала расслабленная и дружелюбная атмосфера этого заведения. К тому же у нее давно не было полноценного секса. Девушка мысленно прикидывала в голове возможные варианты знакомства с тем симпатичным официантом, который ей улыбался вчера, и вовсе не исключено, что он улыбнется ей и сегодня той же фирменной и сексуальной улыбкой, растапливающей накопившийся в сердце лед.

Вывеска «Джонни Мо» приветствовала девушку еще на входе, к тому же новые хозяева (или хозяин, хозяйка) внесли в витрины некоторые новшества, а именно большущие фотообои времен Дикого Запада, и причем все это было сделано так натуралистично, что девушка невольно поверила в этот крайне заманчивый старинный антураж ковбойского салуна. Создалось такое впечатление, что кафе поменяло свой облик всего за одну короткую ночь, и причем без всякой на то халтуры. Теперь у Бейлы не поворачивался язык сказать, что новое название кафе чистой воды фуфло и безвкусица новых хозяев, – новый антураж «Джонни Мо» полностью затмил своим обликом старый «Чумовой Чарльстон». Девушка вошла внутрь. Удивилась еще больше. Потому что то, что ей казалось фотообоями, виделось ей на самом деле: в каждом новом поставленном здесь стуле и столе, старинной стойке бара, за которым стоял тучный бармен, протирающий салфеткой начисто отполированный стол, в старинных люстрах и деревянной в дырочку изгороди – все это только дополняли новое убранство кафе-салуна. Фотообои с улыбающимися девицами, весело задирающими ноги, конечно же, убрали. Стены приобрели истинно старинный западно-ковбойский манер. С развешанными здесь чучелами скалящихся животных (в основном койотов, бизонов и лисиц), колоритным оружием, длинными трубками индейцев, причудливыми коронами из перьев (опять же заимствованных у индейских племен). Людей здесь заметно прибавилось – конечно, не все столики были заняты, но от вчерашнего спокойного вечера не осталось и следа, здесь было достаточно шумно. Но это отнюдь не отменяло желания Бейлы посидеть здесь за чашечкой горячего мокко и закусить каким-нибудь легким низкокалорийным салатом. Ее место у окна, к счастью, никто не занял – девушка тут же заняла его, положив свою сумочку через стол на сиденье напротив, чтобы к ней никто не смел подсаживаться. Любуясь новым убранством, девушка даже не заметила присутствия здесь официанта, который молчал и терпеливо ждал, когда она вдоволь насмотрится на непривычно новую обстановку.

– Ой, – извинительным голосом произнесла Бейла, – вы меня ждете, да?

Вчерашний официант вежливо ей улыбнулся и мягко произнес:

– Все поначалу теряются в нашей новой атмосфере, привыкают не сразу, так что ничего страшного, я могу и подождать...

– Вы, пожалуйста, еще раз меня извините, просто... новый облик так для меня непривычен, что... Ну, в общем, ладно... – замялась Бейла, чувствуя какую-то неловкость перед этим незнакомым ей молодым человеком.

– Что будете заказывать? – любезно спросил у нее официант, как бы сделав вид, что ничего не заметил в ее взволнованном лице.

– Мокко. В этот раз клубнично-апельсиновый. И овощной салат с курицей, заправленный не майонезом.

– Хорошо, – сказал официант, записав ее заказ в специальный блокнот. Перед тем как уйти, он как-то странно посмотрел на нее, (хотя это могло и померещиться). Бейла не придала бы этому никакого значения, если бы он к ней не подсел и, сложив руки пирамидкой, каким-то заговорщически загадочным голосом не задал ей вопрос:

– Вы ведь читали буклет, который вы вчера у меня взяли?

– Кхм... – девушка нервно кашлянула, зажав рот рукой, посмотрела на молодого человека с нескрываемо настороженным подозрением. – Ну да. Я его вчера полистала немного, а что?

– Ничего, – коротко ответил ей молодой человек. – Извините, – дружелюбно откланялся и торопливо ушел в зал.

«Хм... Что это сейчас было?» – настороженно подумала Бейла, наблюдая за удаляющейся спиной того странного официанта. Надо признаться, она думала над его поведением почти все время, пока здесь находилась, ее глодали сомнения, хотя она могла бы их отпустить и не придавать им никакого значения – мало ли психов принимают сейчас на работу? Хотя этот парень на психа вовсе не был похож, он улыбался, был вежлив, дружелюбен, выдержан и спокоен, но вот этот его поступок полностью разрушал сложившееся о нем впечатление, добавлял в ее голову множество вопросов и немало загадок. В конце концов девушка не выдержала, во что бы то ни стало она решила лично у него узнать, в чем тут подвох, что он имел в виду, когда спрашивал, читала ли она выданный ей рекламный буклет или не читала. Хотя все эти мысли порождали в ней сомнения в собственной адекватности и нормальности.

«Обычный человек так думать не может – может, я схожу с ума?» – нечаянно подумала Бейла, но, благо, вовремя себя остановила.

За окном близились сумерки, тротуары были почти свободны от торопливо снующих прохожих, оставляя на улицах лишь тех, кто любил пешие прогулки по вечерам. Бейла рассчиталась со выставленным ей счетом и терпеливо ждала, когда залы кафе окончательно опустеют, и тогда она сможет поговорить с тем показавшимся ей странным официантом. Примерно в 11 часов в кафе почти никого не осталось, разве что только паренек, который слишком заигрался с ноутбуком. До 11 Бейла заказала себе еще несколько закусок, заодно и поужинала. Того официанта она подловила у барной стойки: он остановился, чтобы обменяться с барменом парой слов.

– Извините, я могу у вас кое о чем спросить? – сказала она полупшепотом, обратив на себя внимание бармена. – Наедине, – уточнила Бейла. Официант кивнул, уже вместе они сели за дальний столик, чтобы никто их не смог подслушать.

– О чем вы хотели меня спросить? – спросил официант, не проявляя к девушке никакого интереса.

– Весь этот вечер меня мучил один вопрос, о том, что вы конкретно имели в виду, когда сказали, читала ли я рекламный буклет или не читала.

– Кажется, вы поняли мой вопрос уж слишком двусмысленно, – усмехнулся официант.

– Тогда проясните! Чтобы у меня подобных сомнений больше не возникало, – предложила ему Бейла.

– Прояснить? А вы разве не поняли? – улыбнулся официант.

«Он точно со мной флиртует! Может, я не заметила, что он написал мне свой номер телефона? Черт! А я дура не догадалась!» – подумала Бейла.

– Кажется, теперь начинаю понимать, – с кокетливым смущением произнесла она.

– Боюсь, что опять неправильно, – отрезвляюще громко отвечал ей официант. – Помимо кафе мы занимаемся еще доставкой грузов, подчеркиваю – любой сложности, то есть мы решаем проблемы, помимо утоления голода и жажды, удовлетворяем еще и другие потребности.

– В плане? – изумилась Бейла. – Вы меня спрашивали о том, не нуждаюсь ли я в грузоперевозках? Вы это имели в виду?! – девушка чувствовала себя оскорбленной.

– Ну наконец-то! – делано обрадовался официант. – А я о чем вам говорил? Так что? Вам требуется перевезти что-то, что для вас может быть сложно или не по силам?

– Не нуждаюсь, – сухо ответила девушка, встала из-за стола. Ушла из кафе, хлопнув дверью.

– Как знаете, мисс! – крикнул ей вдогонку официант.

«Перевозки... Ха!.. Перевозить?! Вот же козел! Таких козлов надо поискать! А я-то дура, купилась! Нет, хватит тебе уже быть такой доверчивой идиоткой, надо их раскусывать сразу,

а потом выплевывать... Так и буду делать! Хороший урок!» – злясь на себя, но больше на того официанта, девушка под села в такси.

Этой ночью она не садилась за компьютер, ее спонтанное намерение найти игру, в которую намеренно играл ее босс, улетучилась так же быстро, как и пришла. В этот раз она оставила телевизор в покое, была слишком взвинчена, а последние новости из CNN могли ее накрыть еще больше, чем сейчас, – она бы не заснула. Бейла решила сразу переодеться в домашнюю пижаму и без перекуса уйти спать. Так и сделала.

Проснувшись раньше, чем прозвенел будильник, выключила его, потому что спать дальше уже не хотела. В половине седьмого разогрела замороженную пиццу; пока та грелась в духовке, Бейла сделала свои дела в ванной и туалете. Впервые за несколько лет она чувствовала себя предельно выпавшейся и отдохнувшей, радостно подумала о том, что этот день, может быть, будет самым что ни на есть удачным. Или, по крайней мере, принесет ее долгожданные позитивные эмоции, которых в последнее время ей не хватало. Принимаясь за пиццу, она вспомнила, что сделала вчера, громко рассмеялась. Представив себе, как смачно раскраснелся от злости Митч Рейнгадс, вот-вот лопнет, как помидор, в мякоть которого заложили горящую петарду. Смеялась еще громче, когда представила Митча Рейнгадса, который бешено метался по кабинету в поисках возможных виновников, которые, вероятно, спрятались где-то поблизости и тихо сейчас над ним ржут... и был бы прав только в том, что над ним действительно сейчас смеются. Но не в кабинете и даже не за спиной, а в домашних условиях. За утренней теплой пиццей и первыми утренними лучами солнца.

В общем, Бейла Гейл впервые за три года собралась на работу в ожидании приятного предвкушения от того, что ее босс будет вести себя иначе, чем всегда. Бейла сожалела лишь об одном, что не сфоткала эту картинку как доказательство и не распространила ее среди коллег, потеха была бы сильнее, а глаза Митча Рейнгадса не поднимались бы выше собственных ботинок.

Собираясь уходить, Бейла открыла входную дверь. Каково же было ее удивление, когда на коврике для ног она увидела глянцевый клочок бумаги, по форме похожий на старинный билет в кинотеатр. Все же она его подняла, держать его в руках было приятно, но вот послевкусие от прочитанного оставляло у нее внутри не то чтобы настороженность – скорее какое-то спонтанное беспокойство.

– Добрый день, уважаемая мисс Гейл! Пусть вас не беспокоит наше нечаянное вторжение в ваше личное пространство. Мы были бы искренне рады, мисс Гейл, если бы вы считали нас своими друзьями, которые рады помочь вам в тех делах, которые вам, к сожалению, неподконтрольны. Мы с радостью готовы услышать волнующую вас проблему и, оперативно решив ее, раскрасить вашу жизнь новыми позитивными красками. В связи с этим имеем честь пригласить вас на еженедельную закрытую конференцию, посвященную решению трудноразрешимых проблем, которая пройдет (по счастливой случайности) именно в вашем городе, Хорризард-стрит 24. Явка строго обязательна (вы ведь хотите, чтобы ваши проблемы разрешились сами собой?).

«Какие еще проблемы?» – подумала Бейла, водя глазами по красиво написанным строкам этого странного послания, и, к своему искреннему изумлению, нашла написанный здесь же ответ:

– Какие проблемы? А вас разве не волнует вопросы вашей карьеры в компании «Ньюти-норм-холдингс»? Или ваш босс Митч Рейнгадс вам больше не докучает? Не собирается вас уволить? Если вы ответили на эти вопросы в следующей последовательности: нет, нет и нет, тогда простите нас, что мы суем свой нос в чужие дела, совершенно не догадываясь о том, что вас все устраивает. Но если на все вопросы вы ответили в трех случаях тремя «да», тогда вы наш клиент! Мы вас будем ждать в эту пятницу в 19.00, убедительная просьба не опазды-

вать, конференция у нас закрытая и блюдем правила строгой пунктуальности. С уважением к вам, ваши друзья.

Бейла убрала письмо к себе в сумочку, странно, но это было на самом деле именно так. На розыгрыш это было не похоже (по крайней мере, так думала Бейла). Хотя поначалу и пыталась припомнить тех знакомых, кто вполне мог бы так с ней пошутить. Однако девушка точно знала, что никому из коллег по работе не давала своего домашнего адреса и никто из ее немногочисленных знакомых не имел подобных привычек прикалываться таким негуманным способом.

«Из отдела кадров? Да нет... они бы не стали со мной возиться, ограничились бы какой-нибудь дешевой сплетней... Митч Рейнгадс? Ну нет! Это совсем нет! Если бы ему на меня кто-то наступал (и если исходить из того, что я знаю его три года), он бы ограничился просто моим позорным увольнением... Но тогда кто же мне это подкинул? За мной следят?! Кто?! Кому я нужна?! Ха... да кому я вообще понадобилась, чтобы подсовывать мне подобные вещи? А они обо мне, кажется, все знают... Надо будет спросить у Норм Вейнека, может, он знает, кто со мной так шутит...»

Норм Вейнек работал на ее этаже посыльным и, конечно же, был в курсе первых офисных сплетен – все последние новости Бейла узнавала от него. Девушки, что с ним работали, называли его своим ручным любимчиком: Норм любил угождать, по поводу и без повода. Так что Бейла на его счет была вполне спокойна – он ей все выложит как есть, с подробностями и прочими нюансами.

Добравшись до работы на такси, Бейла окончательно забила себе голову этим недавним подложенным ей под дверь посланием. Поднявшись лифтом на свой 25-й этаж, Бейла не могла не заметить выражение лиц работающих с ней коллег, смотрящих на нее с нескрываемым осуждением и неприкрытым негодованием. Озвучить общее мнение решилась Марта Геранж, что работала в финансовом отделе «А». Ее взгляд и выражение лица не сулили ничего приятного, кроме скандала. Бейла сдержанно села на свое рабочее место, морально приготовившись выслушивать, однако решила сама озвучить свой вполне справедливый вопрос:

– Марта, что случилось?

– Что случилось?! – с деланным громким удивлением на лице спросила ее Марта. – Спрашиваешь, что случилось? Ты вчера отпрашивалась с работы? Скажи мне это честно в глаза!

– Я не совсем понимаю тебя, Марта, с чего я должна перед тобой отчитываться? – сдержанно, спокойно парировала Бейла, сложив перед собой руки в замок.

– А не должна! – воскликнула Марта. – Ты никому из нас ничего не должна! Но обязана досидеть свой рабочий день на заднице ровно! Мне-то, в общем, плевать, решишь ты уходить на час позже или на три часа раньше!

– Остановись, Марта, – строгим и резким голосом ответила ей Бейла.

– Это разницы не имеет, но то, что устроил нам, между прочим, твой начальник Митч Рейнгадс, не входит ни в какие рамки! Ты это вообще понимаешь?! Ты, стерва, нас всех подставила! Жди разноса, когда Рейнгадс придет, он тебя съест и не подавится, и поделом!

– Ты закончила? – ровным, безразличным голосом спросила у нее Бейла, вызвав в глазах Марты Геранж новые потоки искр ярости и негодования. – А теперь будь так любезна свалить к себе в отдел, я гляжу, у тебя нет работы?

– А ты та еще штучка, Гейл! – сжежено отвечала ей Марта. – Будь уверена – когда тебя отсюда выпрут, мы будем ликовать всем отделом.

Бейла презрительно осмотрелась вокруг себя, не находя поддержки нигде, кроме разве что развешанных здесь картин-пейзажей (они действительно были спокойны и действовали умиротворяюще).

– Не сомневаюсь, что будешь, но ты пока попридержи лошадей, Геранж, праздник может и не начаться или начаться, но на другой стороне улицы.

– Чьей же? – усмехнулась Марта, повернувшись лицом к подслушивающим разговор коллегам – они были солидарны с ее усмешкой. – Твоей?

– А ты умна, Геранж, очень умна, – делано циничным голосом отвечала ей Бейла, на том и расстались.

В половине десятого появился сам Рейнгадс, он остановился возле стола Бейлы Гейл и достаточно резкой и короткой фразой просил ее зайти к нему в кабинет.

Бейла этого не видела, но точно знала, что Марта Геранж была права, когда говорила о том, что весь отдел после ее увольнения будет радоваться ее уходу. Одним словом, она работала с офисными лицемерами, не упускающими удобного момента тихо, про себя, позлорадствовать, поплевать за спиной ядом. Конечно, она не была готова к такому неожиданному раскладу отнюдь не в ее пользу. Она бы не успела подготовить оправдательную речь, хотя бы в устной форме – в голове творился сумбур из самых неприятных мыслей и самых скандальных сюжетов в будущем диалоге с боссом. Она бы не могла спокойно парировать ни одну из его резких и крайне оскорбительных реплик или дать обратный пас, как в футболе или бейсболе. Она шла на его территорию, туда, где богом был он, а она – всего лишь очередной мелкой офисной рыбешкой, которую всегда можно проглотить, потом выплюнуть, а потом найти новую и уже измываться над ней (бедная девочка, если ей будет трудно выдерживать это три года кряду). В общем, Бейла стояла перед его дверью, с минуту не решалась постучаться, но потом собралась (мысленно она уже плюнула на все: и на свою карьеру, и на все эти три года, которые прошли для нее не слишком легко, чтобы говорить о них спокойным и ровным голосом в кресле за потрескивающим огнем камина). Постучалась.

– Это вы, мисс Гейл? Заходите! – можно было только догадываться, какую обвинительную речь он для нее подготовил. Бейла Гейл готовилась войти в огонь.

– Вы просили меня зайти, мистер Рейнгадс, – робким, почти извинительным тоном произнесла Бейла, сделав несколько неуверенных шагов вперед, руки завела назад, как делала всегда, когда ее ожидал разнос. Рейнгадс пил горячий кофе; через струящийся из чашки дым он смотрел на девушку как затаившийся в засаде шакал: такие же злые хищнические глаза, пристальный всматривающийся взгляд и застывшее выражение лица, холодное, но втайне источающее ярость. Рейнгадс разогревался. Встав с высокого кресла, он изящно поднял блюдце с горячим кофе, не глядя на девушку, подошел к окну. Эта томительная пауза между ними тянулась невыносимо долго, он знал, что сказать, но по-своему, с издевкой, тянул время, пока Бейла Гейл переминалась с ноги на ногу в ожидании какого-то чуда, которое могло бы ее сейчас спасти от морального разгрома.

– Вы ведь не маленькая девочка, мисс Гейл, чтобы я вот уже в который раз напоминал вам о внутреннем распорядке и поддерживаемой в нашей компании дисциплине? Вам ведь не надо все это слушать, верно?

– Мистер Рейнгадс...

– Ни слова больше! – воскликнул он, резко обернувшись к ней. Его лицо вспыхнуло, а глаза блестели как у сумасшедшего, однако он сделал небольшой чопорный глоток из своей удерживаемой на блюдце чашке. – Вы подвели меня, мисс Гейл, страшно подвели.

– Я не подводила вас, мистер Рейнгадс, – робко возразила ему Бейла, до конца не уверенная в том, что правильно (к месту ли) она сейчас это сказала.

– Да что вы говорите? – злобно ухмыльнулся Рейнгадс. Отойдя от окна, держа в руках блюдце с кофе, он шел к ней. – Значит, вчера мне показалось, что я не увидел свою помощницу на рабочем месте? Вы, оказывается, сидели за столом ровно до шести часов, а когда я вас звал, вы просто не отреагировали. Я ничего не упустил?

– Мистер Рейнгадс, я всего лишь ушла на полчаса раньше. Вы же всегда злитесь когда я приношу документы на подпись под конец рабочего дня – я принесла их вам раньше...

– Но кто, черт побери, давал вам право уходить раньше времени?! – громким, надтреснутым от ора голосом прокричал Митч Рейнгадс. Последние два слова он сказал полупрошептом, так что несчастная девушка испытала, наверное, самый вопиющий страх – не от крика, но от осознания того, что этот человек вполне может ее сейчас убить или что-нибудь с ней сделать – таким бешеным его еще не приходилось видеть. Девушка думала, как спрятать от него свои глаза – картины уже не помогали, теперь и подсолнухи смотрели на нее с укоризной и такой же потаенной злобой, словно живые и солидарные с истеричным Рейнгадсом. Именно сейчас в ее голове созрел тот самый момент, когда Бейла мысленно разгадала сокрытую загадку ваноговских картин – скрытое в них зло пробуждается, когда Митч Рейнгадс, вице-президент компании «Ньютинорм холдингс», кричит на своих подчиненных. Он сейчас был как никогда к ней близок, стоял в полуметре от нее, а она не могла сделать и шагу назад. Боялась.

– Вот что, мисс Гейл, мы подошли с вами к финишной прямой, и на этой черте мы с вами и распрощаемся, точнее, я с вами распрощаюсь, без выходного пособия, по собственному желанию... – сказав это, он приблизился к ней настолько, что в голове девушки развеялись иллюзии насчет Рейнгадского к ней влечения: декольте не помогло, так же как и внешность, они сейчас проигрывали эту слишком неравную битву. Рейнгадс – псих.

– Тогда... разрешите мне идти... – тщательно скрывая свое негодование, Бейла пыталась быть сдержанной и такой же стойкой, как и всегда, но нервная дрожь в глазах и руках выдавала ее.

– Только с вещами, – злобно прошептал Рейнгадс, – на выход...

Бейла вспыхнула и, сделав над своей слабостью почти нечеловеческое усилие, харкнула ему в лицо – надо было видеть его побелевшее изумленное лицо: нет, в нем был не страх, но закипающий гнев, который пока не проклюнулся наружу. В этот самый момент она бежала. Гнев Рейнгадса вышел уже за дверь, когда девушка бежала по коридору, собирая со своего рабочего стола то небольшое, что принесла с собой, остальное оставила, в основном канцелярию.

– Лети, Гейл!!! Лети, тварь!!! Безвозвратно лети!!! А я прослежу, чтобы тебя не взяли даже уборщицей, по крайней мере, в этом городе уж ТОЧНО!!!

– Хрен тебе, Рейнгадс!!! – Гейл остановилась перед лифтами (не забыв нажав кнопку вызова, лифт начал движение с 20 этажа) и, злобно кривясь, выкинула ему средний палец.

Рейнгадсу только того и надо, ему был нужен повод, чтобы напасть, и пускай это все происходит на глазах у его подчиненных – он уже не остановится. Лифт был на 24 этаже, когда Бейла нервно дергалась от перевозбуждения и страха от того, что бешеный ублюдок Рейнгадс настигнет ее, вцепится ей в горло и непременно задушит, а эти, что смотрят, так и будут стоять, потому что он им платит зарплату, он властен уволить их всех, не сразу, но по одному. Он бежал к ней, спотыкаясь о ковролин, был уже ближе, когда створки лифта открылись, а Бейла исчезла внутри кабины, но это его не остановило, а только раззадорило, разозлило еще больше, так что он был похож не на человека, но на что-то другое, очень темное и злое, будто все, что он вобрал в себе за эти три года, вышло из него за этот злополучный день. Бейла нажала на кнопку первого этажа, когда створки лифта уже закрывались, предательски медленно, словно все в этом здании в этот вопиющий черный для нее день подчинялось его воле, и только она была против, за что сейчас и расплачивалась. С секунду она слышала его громкое натужное дыхание, его быстрый бег по коридору, и ровно столько же времени прошло, когда он предстал перед ней. В его глазах горели угли гнева, рот кривился в злобной и крайне жестокой гримасе, настолько беспощадной, что именно сейчас ему не хватало только ножа, с которым он мог бы быстро с ней расправиться. Однако его единственным оружием были сильные руки, которые пытались удержать створки лифта, как металлические крюки жидкого робота в той жуткой сцене из второй части «Терминатора».

– Я тебя не просто уволю, я уничтожу тебя, дрянь!!! – истерично вопил Рейнгадс, силой пытаясь остановить закрывающиеся двери лифта.

«Давай, Гейл, больше такой шанс тебе уже никогда не представится!» – дальше все произошло, как в каком-то невероятно напряженном сне. Бейла, сама того от себя не ожидая, врезала ему острым кончиком правой туфли промеж его ног, так что Рейнгадс загнулся от боли, выставив голову под закрывающиеся створки лифта (потом он понял, что это плохая идея, и решил оставить попытку догнать беглую секретаршу).

– СУУУУУКАААА!!!! – сейчас он буквально выжимал из себя неестественно громкий крик. Она продолжала слышать его, пока лифт наконец не опустился на 5-й и не стал совсем тихим. Тогда она вышла из лифтовой кабины и в большой спешке покинула холл офиса, который уже наполнялся приходящими на работу сотрудниками.

Даже пройдя мимо паркинга вдоль Роенгад-стрит, девушка не остановилась; на перекрестке она повернула на Клайдекар и, спешно дойдя до середины, только тогда решила вызвать такси. До последнего часа, пока ехала в машине, она напряженно думала о погоне, которую, вероятно, послал за ней злопамятный Рейнгадс (по ее мнению, он вполне был властен так сделать). И только закрыв за собой общую дверь жилого многоквартирного дома, вздохнула спокойно, отдышалась и немного успокоилась, но даже успокоившись, девушка настороженным напряжением смотрела через приоткрытую щель на улицу, чтобы найти подтверждение ее домыслам. Не нашла. Добравшись до своей квартиры, Бейла закрылась на все замки, вечер и всю последующую ночь, не смыкая глаз и мучая себя новыми порциями растворимого кофе, смотрела в окно, выходящее на оживленную дорогу; с особым трепетом относилась к тем машинам, которые подъезжали к ее подъезду, следила за людьми, которые из них выходили и, держа под рукой трубку мобильного телефона и остро заточенный нож, нервничала, ожидая звонка в дверь. До самого утра никто не позвонил. В половине десятого Бейла окончательно вымоталась и уснула на полу под окном.

Проснувшись только ближе к пяти, совершенно не отдохнув; поднявшись, она еще раз посмотрела в окно. Возле ее подъезда терлись пятеро каких-то подростков, о чем-то весело разговаривали, один из них все время смотрел вверх, что-то или кого-то искал. Бейла подумала, что он ищет ее, и задернула шторы. Сегодня пятница, к семи ей надо было быть уже на Хориззард-стрит. Она точно собиралась туда поехать, даже вопреки тому, что Митч Рейнгадс будет ждать ее где-то поблизости от ее дома (он знал где она живет). Бейла попыталась привести себя в порядок с помощью косметики, мешки под глазами и уставшие заспанные глаза она подправила ярким макияжем, тусклое и бледное лицо подправила искусственными румянами, а спутавшуюся после короткого сна на жестком полу прическу заправила в пучок, как делала всегда, когда времени сделать с собой что-то лучшее не было. Перед уходом выпила еще одну кружку кофе, на этот раз без сахара. Ушла, прихватив с собой нож для разделки мяса, что дежурил вместе с ней еще со вчерашнего дня...

Бейла с подозрением отнеслась к стоящей возле ее подъезда группе подростков, однако ни один из ребят не обратил на нее и толики того внимания, которым так науськивала себя Бейла Гейл. С успехом она преодолела несколько ступеней вниз и, пройдя мимо освободившей ей проход группы молодняка, вышла к оживленному шоссе, где надеялась поймать такси, боясь других, не желтых, машин. В каждом водителе она видела злое лицо Митча Рейнгадса, наверное, самого опасного и крайне мстительного человека в мире. Поймав наконец такси, Бейла велела водителю трогаться на Хорризон-стрит 24, туда, где, по ее сложившемуся мнению, ее с нетерпением ждали какие-то люди, представляющиеся ей «друзьями», решающими все проблемы на свете.

По прибытии на Хорризон-стрит девушка ожидала увидеть больше людей, но, наверное, здесь сыграл тот факт, что улица Хорризон находилась по большей части в спальном районе даунтауна, от этого жизнь на ней не кипела, но шла своим чередом, размеренно и неторопливо, в отличие от той же Роенгад, что пересекала обе стороны оживленного шоссе, вдоль которого тянулись бесконечные здания офисов, юридических, рекламных и прочих контор. Здесь же,

на Хорризон, сплошь жилые кварталы. Бейла довольно быстро нашла нужный 24-й дом. Надо сказать, что это здание нуждалось в капитальном ремонте; конечно, передний его фасад был умело скрыт под горой свежей коричневой краски, однако частые трещины в облицовке все же проглядывались и давали понять, что если не сейчас, то уже довольно скоро это здание может рухнуть. Не полностью, конечно, но что-то, да обязательно упадет. Впрочем, здесь, на улице Хорризон, таких домов было очень много. Стало совсем уж не похоже и как-то сомнительно, что по этому адресу решают проблемы, по крайней мере, Бейла уже начала жалеть о принятом решении приехать сюда. Однако достала из сумочки свое приглашение, еще раз сверилась с адресом, посмотрела на чуть покосившееся крыльцо подъезда, затем на часы – дорога в такси заняла примерно полчаса. До церемонии, установленной в билете, оставалось еще 15 минут. Бейла решительно поднялась по ступеням, какое-то время еще постояла перед дверью, думая о том, как было бы хорошо, чтобы все это действительно оказалось правдой, а не дурацким розыгрышем (хотя кому понадобилось ее разыгрывать).

«Если только это не затея Рейнгадса», – только подумав об этом, Бейла приоткрыла сумочку с твердым намерением спрятать нож для разделки мяса где-нибудь в своем рукаве (ее одетый поверх офисной строгой одежды серый плащик вполне мог себе это позволить). Не успела. Дверь перед ней с заботливой и крайне вежливой, располагающей к себе улыбкой открыл молодой мужчина, именно тот, который работал официантом в кафе «Джонни Мо». Девушка крайне удивилась такому сюрпризу, забыла о ноже и о Рейнгадсе.

– Проходите, мисс Гейл, мы крайне рады вас видеть! Приятно, что вы не опоздали, церемония вот-вот начнется!

– Вы же... тот самый...

– Официант, – спокойным и мягким тоном мужчина закончил за нее фразу. – Знаю...

– Значит... это вы меня пригласили сюда?

– Нет, – резко возразил официант, изменившись в лице, так что глаза его больше не улыбались, а рот был сжат в напряжении. – Не я... но те, кто хочет вам помочь.

– Я их не знаю, да? – поинтересовалась Бейла и тоже напряглась, потому что лицо знакомого ей официанта стало каким-то уж очень отталкивающе холодным.

– Нет, мисс Гейл, никого из тех, кто пригласил вас сюда, вы не знаете. А теперь прошу, вас мисс Гейл, – официант приглашающе вытянул правую руку в сторону длинного коридора, вдоль которого тянулся сине-зеленый ковролин.

Бейла переступила порог, коротким кивком поблагодарила официанта за приглашение. Собираясь идти по коридору, она резко остановилась, посмотрела назад.

– Вам прямо, в одну-единственную открытую дверь, – подсказал ей официант, запирая дверь на засов. Это ее довольно сильно встревожило, вмиг появилось желание уйти отсюда, страх читался в ее глазах. Но молодой мужчина, что стоял в дверях, медленно подошел к ней и успокаивающе мягко объяснил, что эта необходимость обоснована правилами этикета и распоряжений организаторов мероприятия, объяснил, что бояться здесь нечего, никто здесь против воли держать Бейлу не станет; также сказал, что в любой момент, если что-то не понравится в словах спикеров, что будут выступать на сцене, Бейла может подойти к выходу и свободно уйти.

Его слова и правда звучали несколько успокаивающе, в отличие от той недавней паники, что мучила ее буквально несколько секунд назад.

Все еще пребывая в сомнениях, Бейла прошла до конца коридора к открытой двери – свет оттуда выходил очень яркий. Заглянув туда, Бейла невольно удивилась, сколько же здесь все-таки собралось людей, заполонивших раскладные кресла, расставленные таким образом, чтобы каждому из слушателей было удобно смотреть на сцену, а не на головы впереди сидящих. В углах стояли большие аудиоколонки, как в больших залах кинотеатра, такие же огромные колонки были развешаны вдоль стен, таким образом, что от главной сцены висел белый экран,

и уходили на возвышение вплоть до конца последних рядов кресел. Она не любила толпу, но по крайней мере такое количество людей (желающих уладить свои проблемы) подкупало ее в плане того, что если что-то случится, она будет не одна все это расхлебывать. Середина последнего ряда была свободна, так что особых проблем добраться туда у нее не возникло, разве что другим людям приходилось вставать, чтобы немного припозднившаяся незнакомка могла пройти. Плюхнувшись в кресло, Бейла изучающе рассматривала собравшихся здесь людей: в основном это были люди среднего достатка, одетые в вещи, купленные на дешевых распродажах; попадались и такие, кто был одет по последней моде, во все новое; видела несколько белых воротничков (которые пришли, наверное, после напряженной работы в офисе). Большинство собравшихся здесь сидели сосредоточенно-тихо, в напряженном ожидании.

Бейла вдруг подумала о том, что, возможно, здесь сидят и ее знакомые. Ан нет, взгляды-ваясь в многочисленные ряды кресел, она не нашла ни одного знакомого лица. Видимо, так уж было заведено изначально – организаторы этого мероприятия, может быть, нарочно (а может, просто совпадение) пригласили сюда людей, друг друга не знающих. Об этом можно было легко догадаться по осторожным перешептываниям людей, которым нетерпелось узнать, что в конце концов ожидать от этого вечера, однако их надоедливый гомон тут же пресекался осуждающим цыканьем и они замолкали, зал погружался в почти гробовую тишину. Ровно в 7 часов, как и было заявлено в приглашении, погас яркий свет софитов, освещающих потолок. Зал погрузился не только в тишину, еще более напряженную, чем раньше, но и во тьму. Белел только подвешенный на крючьях экран, на котором вскоре загорелась надпись «Спасибо, что пришли. Мы начинаем!»

В зале раздались громкие аплодисменты, но никто не рискнул свистеть в такт хлопанью: то ли боялись, то ли на это были свои причины. Бейла тоже хлопала, с искренним любопытством наблюдая за тем, что будет происходить дальше.

Громкая, но не раздражающая музыка выходила из аудиоколонок (Бейла вспомнила, где могла слышать подобную мелодию: полтора года назад Элли Гейнер приглашала ее на семинар, который проводила компания «Алтикор». Вечер был просто сумасшедший, как и сами люди, которые ходили и скакали по сцене, скандируя в зал речевки, какая это хорошая компания, какой хороший продукт она предлагает и какие здесь большие финансовые возможности. В общем, Бейла в тот день зареклась ходить на подобные съезды и сомнительные сетевые MLM-семинары, но как бы, наверное, сейчас смеялась над ней Элли Гейнер, когда бы узнала, что Бейла Гейл все-таки решила опустить свои принципы).

Вступительное слово взял четко поставленный голос диктора с приятным на слух бархатным тембром:

– Приветствую вас, уважаемые дамы и господа, мы начинаем наше скромное мероприятие. Пожалуйста, выключите ваши мобильные телефоны или поставьте на бесшумный режим. Благодарю за понимание.

После объявления зал зашевелился, вскоре на экране в том же музыкальном сопровождении загорелись слова: «Ни для кого не секрет, что у каждого из нас есть определенный груз проблем, который давит на вас и причиняет боль и дискомфорт». Далее появилась картинка карикатурно сгорбленного человека, на спине которого лежит здоровенный валун с надписью «Проблема»; картинка исчезла, появилось новое предложение: «У каждого человека есть также определенный опыт решения тех или иных проблем, вопрос лишь в том, удачно или неудачно он умеет их решать». Появилась новая картинка – фото мужчины и женщины в солнечных очках, загорающих где-то на песочном пляже на фоне ласкового синего моря, а рядом с ней другая, на которой были изображены те же люди, но с уставшим видом, сидящие в грязной комнате и держащие в руках лист о досрочном выселении.

Бейла смотрела на все это с нескрываемым нетерпением – ей очень хотелось, чтобы вся эта информационная вода исчезла и организаторы этого мероприятия наконец уже озвучили

суть их предложения. С ее нетерпением было солидарно большинство собравшихся людей: одни громко скандировали о том, чтобы кончали побыстрее и переходили к сути, другие негодовали от того, что те громко кричат, а третьи злились на тех и на других.

Но музыка тем временем не стихала, а экран продолжал показывать презентацию, выполненную не без помощи PowerPoint.

Вскоре на экране появились такие слова: «Решение проблем зависит только от вас самих, у каждого собственный старт и свой отдельный финиш, кто-то бежит быстрее, кто-то медленнее, но каждый достигает по своей вере. Проблема – лишь небольшая преграда на пути к вашему финишу, одно дело, как быстро Вы к нему придете. Спасибо за внимание! Всего хорошего!» После этого мелькнула следующая картинка: спортсмен бежит по беговой дорожке в толпе других бегунов, кто-то запыхался, кто-то злится, а кто-то сохраняет кристальную невозмутимость. Другая картинка показывает радостного спортсмена, разрывающего торсом финишную ленту, его руки вздернуты вверх, а в глазах восторженное благоговение от достигнутого результата.

– Это что, все?! – воскликнули в зале, да так громко, что, наверное, было слышно на улице.

Прекратившаяся музыка и погасший экран красноречиво сказали собравшимся в зале о том, что продолжения им ждать не следует. После волны оскорбленных проклятий в адрес организаторов этого вечера люди стали расходиться, негодую и злясь на то, что потратили свое драгоценное время на такую очевидную глупость, не сулившую им ничего, кроме горькой обиды и искренней неприязни, в первую очередь к людям, которые устроили сей розыгрыш, и уже в последнюю очередь на себя и на то, что так глупо повелись на все это. Трудно объяснить внутреннее состояние Бейлы Гейл, оставшейся в зале и наблюдавшей за тем, как некогда переполненные людьми ряды кресел пустели, а она оставалась одна и все еще на что-то надеялась – ее не отпускала вера в то, что было написано в подложенном ей приглашении.

«Они же следили за мной, и, вероятно, неспроста, они не могут так со мной поступить! Не могут! Мне же, как никому другому, нужна помощь! Я не верю, что все это подлог!» – она произносила это как молитву в течение двух часов, пока сидела в кресле и смотрела на потухший экран, наблюдая, как гробовая тишина и темнота неосвещенного зала нависают над ней.

– Есть здесь еще кто-нибудь? Эгей... – послышался неуверенный женский голос, очень тихий и очень робкий, словно женщина извинялась за что-то.

– Я здесь, – отвечала Бейла немного взволнованно.

– Кажется, все ушли, да? – спросила женщина, уже более уверенно.

– Да уж... Скоро, наверное, и я пойду... – отметила Бейла.

– Почему, как думаете, они это сделали? Я имею в виду такую злую шутку. Это как-то связано с теми пранкерами, которые снимают приколы на «Ютуб»?

– Я думаю уже все что угодно, по крайней мере, пусть даже и снимают, мне от этого что? Вечер все равно потерян.

– Да уж да! – раздался недовольный мужской бас. Сидевший на первом ряду мужчина поднялся: был он довольно тучен, носил расстегнутый коричневый линялый пиджак и брюки, в лямках которых вместо ремня болталась веревка. Лицо покрывала многодневная щетина, а глаза отражали искреннее недовольство. Женщина же носила тусклое фиолетового цвета платье, поверх которого была красная двубортная куртка; на вид ей было лет сорок, не меньше.

– Думаю, надо уходить, все равно уже ничего не будет, – подытожил мужчина. – Меня, кстати, Унгер зовут, Унгер Прайтман, – мужчина протянул руку.

– Бейла Гейл, – представилась Бейла и кивнула, руку не подала. Однако руку Унгеру подала Сара Уитл.

Бейле пришло вдруг в голову, что эти двое могут быть вполне хорошей сформировавшейся парой, может быть, самой счастливой в мире.

Стали двигаться к выходу, Бейла шла первой. Переступила порог.

– ПОЗДРАВЛЯЕМ!!! – хором воскликнули собравшиеся в коридоре мужчины, одетые в парадные черные смокинги с белой бабочкой поверх белой сорочки. Их лица буквально светились от счастья и искренней радости. А уж как удивились и обрадовались те трое, кто остался в зале, две женщины и один тучный мужчина с многодневной щетиной! Собравшиеся не только громко аплодировали вышедшей из зала троице, но еще и пускали конфетти, бросали вверх серебряный дождик, как если бы внезапно начался канун Нового года.

– Не понял, – изумился Унгер Прайтман, не сдерживая на лице искренней улыбки. – Что это все...

– Вы остались, – сказал знакомый Бейле официант из кафе «Джонни Мо», – а это значит, вам нужна наша помощь! И мы вам ПОМОЖЕМ!

– Эээ... – Бейла не знала, что ответить, она видела эти улыбающе-сияющие лица, искренне не понимая, как на это ей реагировать – радоваться или продолжать «втыкать»...

В таком же неопределенном состоянии пребывала Сара Уитл.

– Очередной розыгрыш? – Бейла все же отнеслась к этой внезапной вечеринке с крайним подозрением, злость ее все-таки пересилила.

– Кроме шуток, мисс Гейл, – ответил за всех знакомый ей официант. Создавалось впечатление, что он лидирует в этой толпе собравшихся по такому случаю незнакомцев и, может быть, являлся если не единственным, то уж точно одним из организаторов Фонда по решению проблем – по крайней мере, такими были мысли у Бейлы Гейл. – Вам и мисс Уитл с мистером Прайтманом выпала уникальная возможность оценить наши возможности, и все это благодаря вашему настойчивому терпению и вере! – последнюю фразу он произнес как-то уж очень торжественно, как если бы вручал орден славы герою перед лицом президента.

– Я вот не понимаю, а зачем вот это все? – спросила его Сара Уитл, демонстративно разведя руками. – Зачем было собирать столько людей в одном зале?

– Чтобы прогнать не слишком нуждающихся – как вы видели, уважаемая мисс Уитл, их ушло достаточно много, – объяснил официант. – Как было указано в нашей предусмотрительно короткой презентации, у каждого свой личный финиш и свои способы решения проблем. Мы просто отсекали лишнее и, как видите, остались только вы... трое...

Бейла отнеслась к его словам уже более одобрительно, чем раньше, в ней вспыхнула гордость за себя и свою терпимость, она уже ни о чем не жалела, как, наверное, и те двое, что остались в зале.

– Как вы собираетесь нам помогать? – поинтересовался у него Унгер.

– О, поверьте! У нас есть свои методы, которые мы никому не вправе разглашать. Но будьте спокойны, мы решим любую вашу проблему! Любую! – на последнем слове он сделал наибольший акцент.

– Я все хотела спросить у вас...

– Теренс Лоранж, – представился Теренс, заранее предугадав ее вопрос.

– Отлично, Теренс, свои пожелания нам озвучить сейчас? Или позже? – спросила Сара Уитл.

– О своих пожеланиях вы, пожалуйста, не разглашайтесь, информация и проблема каждого из вас троих уникальна и интимна, не так ли? Так что мы это с вами обсудим, но уже с каждым наедине, согласно, так сказать, индивидуальному подходу, – сказал Теренс. Его глаза как-то неестественно ярко сверкнули, но угрозы и лукавства в них не было – скорее, обман зрения или оптическая иллюзия, по крайней мере, так думала Бейла Гейл, когда ей показалось такое во взгляде Теренса Лоранжа...

* * *

Прошел день с момента озвучивания Бейлой Гейл своих пожеланий...

Звонок в дверь раздался рано утром. Бейла в очередной раз не спала, дежурила у окна, в ожидании появления Митча Рейнгадса, она была уверена в том, что тот появится на пороге ее квартиры. Ждала его с ножом. Тот, кто стоял за дверью, взбудоражил ее воображение и затаившиеся внутри страхи. Девушка сняла домашние тапочки, босиком пробралась в прихожую, спрятав нож для разделки мяса себе за спину. Посмотрела в дверной глазок, очень осторожно, так как думала что пуля разъяренного Рейнгадса (да, вот такая у нее была паранойя!), выстрелит в него и тогда для бедной мисс Гейл, бывшей секретарши Yello Publishing, все будет кончено. Однако как ни странно, за дверью стояли несколько здоровых мужчин, одетых в синие рабочие комбинезоны, на лестничной площадке стояло что-то большое, судя по всему, мебель, девушка не могла до конца разглядеть, что эти незнакомцы приволокли на ее этаж и, самое главное, зачем.

– Кто? – спросила Бейла напряженным от волнения голосом.

– Мисс Гейл? – отозвался мужчина в комбинезоне, тот, что стоял перед дверным глазком: он выглядел каким-то уж очень озадаченным и немного взволнованным. Другие парни, что стояли за ним, выглядели уставшими и измотанными – все-таки пятый этаж, в местный лифт та бандура, что они принесли, точно не влезет.

– Да... это я... здравствуйте, – девушка продолжала говорить с ними через закрытую дверь, боялась открывать – это могли быть люди Рейнгадса (он мог заставить их переодеться в эту униформу), ей были нужны доказательства или какие либо подтверждения того, что эти люди за дверью не причинят ей вреда.

– Здравствуйте, – безрадостно отвечал ей мужчина, – вам велено передать мебель.

– Какую еще такую мебель? – взбрыкнула Бейла, сжимая удобную рукоять ножа. – Я не заказывала никакой мебели, может, вы ошиблись?

– Ошибки быть не может, мисс Гейл, – отвечал ей мужчина, в то время как возле ее двери собралась целая команда парней, одетых в комбинезоны, и все с нетерпением ждали, когда же она соизволит открыть дверь и впустить их на свой порог...

– Я не буду ничего вам платить, так как ничего у вас не заказывала! – воскликнула Бейла. – Мне мебель дома не нужна, и тем более я не помню, чтобы заказывала что-то из Интернета или ходила в мебельный магазин и выбирала себе там что-то...

– Мисс Гейл, вам ничего оплачивать и не требуется, все уже оплачено, от вас требуется только подпись... И пожалуйста, мисс Гейл, не отнимайте у нас время, нам требуется объехать еще несколько точек по городу.

– Я не верю в благотворительность! – громко отвечала им Бейла. – Уходите!

– Меня, честно говоря, не волнует, верите вы или нет, подпишите бланк доставки, и мы уедем от вас, а с мебелью делайте что вам вздумается, наше дело – доставка! – напористым голосом произнес мужчина, по интонации его голоса нетрудно было понять, что он действительно торопится.

– Последний вопрос – и я открываю дверь, подпишу, что скажете.

– Задавайте, но только быстрее, у нас напряженный график!

– Кто вас подослал, что за фирма?

– Мы не разглашаем корпоративную тайну, однако могу вам сказать, что мы все представляем грузоперевозки от кафе «Джонни Мо», – объяснил бригадир.

– «Джонни Мо»? Хм... – Бейла открыла замки на двери и саму дверь. Нож все так же держала за спиной. Однако применять его ей не понадобилось, бригадир грузчиков натужно вздохнул, достал из нагрудного кармана комбинезона какую-то бумагу и шариковую ручку.

– Вот здесь подпишите, – попросил он.

Бейла заглянула ему за спину, на лестничной площадке, завернутый в полиэтиленовую пленку, лежал новенький диван, грузчики уже заранее приготовились его взять под днище и отнести в квартиру будущей хозяйки.

– Диван? – усмехнулась девушка, однако не скрывала своей искренней радости, она уже придумала, куда его ставить – в гостиной ему самое место, взамен того старого дивана, который приобрела в магазине уцененных товаров. Бейла подписалась в двух местах, одну копию бригадир оставил себе, другую оставил ей.

– Заносите, парни! – приказал он, грузчики в комбинезонах повиновались, подхватили диван под днище, кряхтя понесли в квартиру. Бейла отошла подальше, чтобы не мешать, распорядилась, чтобы поставили его в гостиной. Грузчики так и сделали, с чувством выполненного долга они ушли к выходу, бригадир поторапливал их, будучи уже по ту сторону порога квартиры.

– Ну... спасибо... – произнесла Бейла.

– Не за что, – бесцветным голосом ответил ей бригадир. Ушли.

– Корпоративная тайна... ха... Зачем кафе «Джонни Мо» понадобилось доставлять мебель... Что за бред, может, ошибка? – подумала Бейла и, взглянув на бумагу, которую недавно подписала, вдруг поняла, что ошибки здесь быть не может. Девушка подошла к новенькому дивану, сняла с него полиэтиленовую пленку-мешок. Присела на него. Однако никакой мягкости ее попа не ощущала, так что с заменой старого дивана она решила повременить. Мобильный телефон зазвенел во внутреннем кармане ее осеннего плаща, который висел в прихожей. Звонили с неизвестного номера, однако Бейла все-таки ответила на звонок.

– Алло... – вкрадчиво произнесла она.

– Здравствуйте, мисс Гейл. Сразу хочу представиться: меня зовут Марк Шапиро, полагаю, вам не нужно объяснять, кто я такой.

«Марк Шапиро? Тот самый пре-зи-де-нт и глава совета директоров... Вот же понесло...» – ее мысли нельзя было назвать восторженными и позитивными, если ей звонил сам президент компании Yello Publishing после происшествия с его любимчиком Рейнгадсом – не жди ничего хорошего. Бейла и не ждала, слушала осторожно, сбросить разговор тоже не могла, потому что боялась.

– Я...э...м-мистер Ш-шапиро, я... – Бейла впервые в своей жизни заикалась по телефону, теперь она почувствовала на себе как это, когда не можешь говорить, а выдаешь изо рта нечленораздельные звуки.

– С вами все в порядке, мисс Гейл? Вы говорить можете? – искренне поинтересовался Шапиро – в нотках его голоса слышалось волнение, а это значит, что телефонный скандал, скорее всего, отменяется.

– Д-да, м-могу... – «Возьми себя в руки, Гейл! он не будет на тебя кричать! Может быть, не будет, но ты должна выдержать это достойно, как с той мразотой Геранж! Соberись, тряпка!» Она собралась. – Да, могу! – твердо сказала она.

– Это хорошо, потому что я звоню вам предложить должность вице-президента компании. Я не буду вдаваться в подробности деталей, но мне рекомендовали вас как стоящего специалиста, тем более что вы, мисс Гейл, как никто другой прекрасно знакомы с работой всех отделов.

– Я даже не знаю... что вам сказать, мистер Шапиро, я...

– Удивлены, – закончил за нее Шапиро. – Знаю, но обстоятельства внезапного исчезновения Рейнгадса меня удивили не меньше, чем собственно ваше назначение на такой высокий пост, честно говоря, я даже не знаю, справитесь ли вы с такой ответственной работой...

«Он еще сомневается! Вот же...»

– Справлюсь! – выпалила в трубку Бейла. – Можете быть в этом абсолютно уверены, я вас, мистер Шапиро, не подведу.

– Это приятно слышать, – холодно ответил Шапиро, повесил трубку, как раз перед тем, когда Бейла хотела у него спросить о том, когда же ей выходить на работу...

Прошла неделя...

Непонятно, откуда взялся этот запах! Придя с работы, Бейла проверила свой холодильник, открыла его: овощи и фрукты, которые она приобретала в супермаркете, сохраняли свежесть, недавний овощной салат, сделанный собственными руками, хранился в специальном контейнере «Тапервер», как и все скоропортящееся. Заглянула под раковину – ничего. В принципе, этот странный духман был слышен еще на второй день после звонка Шапиро, ранее ничего такого не прослеживалось и не чувствовалось. Бейла была намерена заново обследовать свою квартиру в поисках источника смрада. После долгих и нудных поисков Бейла осталась возле новенького дивана (она сидела на нем только два первых дня, остальные дни предпочитала отдыхать на старом). Принюхалась.

«Оттуда сильнее, что они туда понапихали? Тухлятины?» – подумав об этом, Бейла попыталась выдвинуть диван на себя – что-то сильно мешало.

Мобильный телефон, лежавший на журнальном столике, зазвонил снова. Звонила Сара Уитл – перед тем как разойтись навсегда, Сара зачем-то попросила телефон Бейлы, но так ни разу ей за всю неделю и не позвонила. Бейла ответила на входящий.

– Сара?

– Привет Б-Бейла... – ее голос был каким-то взволнованным, обеспокоенным, читались нотки страха. – Я н-не з-з-зн-наю к-как с-сказать т-т-тебе...

– Что сказать? – теперь и Бейла «заразилась» – страх как вирус, легко передается по телефонной линии.

– У меня тут... т-те-тело...

– ТЕЛО? Что за тело?

– Ч-че-ч-человеческое... т-те-тело...

– У тебя дома труп? – изумилась Бейла. – Звони в полицию!

– Уже... п-п-позвонила... – сказала Сара и сразу после этого звонок был ею сброшен.

– САРА!!! САРА???!!! – тщетно, в трубке звучали короткие гудки.

«У нее труп... черт побери...» – трудно объяснить, откуда у нее взялись силы выдвинуть диван: навалившись и с силой дернув, она услышала громкий треск и хруст. Очень громко. Ей показалось, что что-то в диване она сломала. Но не внутренний выдвижной механизм, она узнала об этом позже. Когда раздвинула руками нарезанные цветные ломтики бумаги, запах стал сильнее, и вскоре девушка поразилась, увидев источник зловония. Митч Рейнгадс изменился за долгое лежание на днище контейнера для постельного белья (такой в диване имелся, именно он был наполнен порезанной бумагой), его лицо сильно раздулось, белые стеклянные глаза все так же осуждающе смотрели на насмерть перепуганную девушку, рот кривился в застывшей гримасе, даже после смерти желая вдохнуть в себя живительный кислород (скорее всего, он умер либо от его нехватки, либо его кто-то задушил). Митч Рейнгадс был одет в тот же смокинг, в котором пытался бежать за Бейлой Гейл, когда та смачно харкнула ему в лицо.

– Бо-же! Т-труп у м-меня в к-квар-т-тире! – девушка вспыхнула, мысленно представив себе возможные варианты того, что с ней будет, когда полиция обо всем этом прознает. Она даже не представляла, как будет избавляться от трупа своего босса и что делать с насквозь провонявшим трупом диваном. У нее не было никак мыслей по этому поводу, она зависла в оцепенелом неведении.

«Здравствуйте, мисс Гейл, и вот он я! Вы же меня ждали к себе? Я пришел!»

– Плохая шутка, Рейнгадс, очень плохая... По крайней мере, с твоей стороны, – спешенно ответила Бейла, услышав в своей голове его внезапно злорадный голос. Его глаза стеклянные источали застывшее неконтролируемое безумие, не выплеснутое на нее до конца. Он не добрался до нее в лифте, но зато пробрался в диване, будучи холодным, источающим такую же вонь, как и при жизни, но этот духман был скорее скользкой аллегорией его жуткого характера.

Немного отойдя от эмоционального потрясения, Бейла все-таки попыталась вытащить его тело из контейнера для белья и спрятать в кладовке хотя бы до завтра – нужно было привести голову в порядок, прежде чем решать, что делать с мертвецом. Но сейчас она точно знала, что сделает!

В кафе-салуне «Джонни Мо» сидело достаточно много посетителей,

«Ох, если бы эти люди знали, чем занимаются эти ублюдки», – зло подумала Бейла, когда пришла сюда с твердым намерением разобраться во всем. Вошла внутрь, возле барной стойки увидела не только Сару Уитл, но еще и Унгера Прайтмана – они напряженно кого-то ждали, Прайтман так вообще кипел от ярости, но как-то все-таки умудрялся держать свой гнев в узде. Вскоре она к ним присоединилась. За разговором Бейла узнала много подробностей, например, Унгер Прайтман решил свою проблему с выселением из квартиры – кто-то из управляющей конторы позвонил ему и пригласил заселяться обратно, мол, документ, подтверждающий недееспособность жильца, каким-то образом был утерян, то ли ошибка канцелярии, то ли еще что-то, но в общем ситуация была такова, что Унгер Прайтман, будучи бывшим ветераном, получил в одной из военных кампаний, устраиваемых где-то в Сирии, тяжело ранен, в принципе, все обошлось, врачи его спасли, но выписали с диагнозом «контузия». Правительство дало ему квартиру, но работать Унгер Прайтман уже не мог, росли долги. И вскоре появились коршуны, подсланные тем же правительством, «объяснили», что в случае добровольного подписания бумаги о недееспособности долги с него спишут, но квартиру отымут, правда, с твердой гарантией заселения в одну из ночлежек, что находились не в самых благополучных районах большого города. Далее все шло очень плохо, скитания и бродяжничество, ни о какой ночлежке и речи быть не могло, правда, питание выдавали исправно: три раза в день. Прайтман был счастлив только первые несколько минут, когда переступил порог своей старенькой, но несомненно уютной квартиры на Пирруак-драйв. Пока не учуял трупный запах, доносящийся из кухни. Там за столом «спали» трое: двое мужчин и одна сорокалетняя женщина, которая перед подписанием бумаги о признании Прайтмана недееспособным представлялась как мисс Хловерс.

Сара Уитл рассказала историю много короче, чем Прайтман. Пару раз она обмолвилась о предательстве мужа, о том, что застучала его с любовницей, когда те протирали голыми телами паркет на кухне. Затем развод. Бывший муж поступил не по-джентельменски, отсудил себе все нажитое имущество, пустив свою бывшую «гастролировать» по миру. Сара осталась у подруги, какое-то время жила у нее, не найдя себе подходящей работы, уехала к родителям в Омаху, затем снова вернулась, в надежде, что все образуется. Однако ничего не образовалось, она все так же жила у своей приятельницы на Глен-авеню. Но когда ей неожиданно позвонил нотариус с просьбой явиться на подпись каких-то архиважных бумаг, Сара не пожалела. Ее радости не было предела, когда она узнала, что дом после внезапной смерти мужа перешел к ней обратно, вместе с другими ее вещами. Она была готова целоваться взапас со стариком Уинфредом Помфри только за то, что он позвонил ей и сообщил такую радостную новость. Однако приехав обратно домой (имеется в виду обратно домой, где текло ее мнимое семейное счастье) под действием сладкой эйфории, Сара Уитл учуяла сладкий трупный духман в (теперь уже) своей гостиной. Чед Уитл разлагался в не до конца разобранный диван в контейнере для белья. После этого случая она и позвонила Бейле Гейл (трудно объяснить, почему именно ей, а не той подруге, с которой жила все это время – Бейла даже не дога-

далась у нее об этом спросить, потому что сама была так же взволнована, у нее самой лежал такой же труп, а у Прайтмана их было целых три).

– Пройдемте в зал, пожалуйста, – Теренс Лоранж все-таки появился, и не в форме официанта, каким его помнила Бейла, а в самой что ни на есть обычной одежде, линялых светлосиних джинсах и красной кофте с желтой надписью «Как вам детки из клетки?»

Они прошли за ним через длинный служебный коридор. Затем ушли правее, в одну из больших комнат, – там стоял большой круглый стол, заранее были расставлены стаканчики с газированным напитком, в центре стояло хрустальное блюдо с конфетами, а дополняли этот натюрморт две большие бутылки с содовой.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Теренс, сам сел во главе стола, когда приглашенная сюда троица занимала места кто как хотел.

– К чему этот балаган, Лоранж? – с вызовом бросила Бейла, так как была из этой троицы, наверное, самой смелой. – Я не вызвала полицию только затем, чтобы самой убедиться в том, что вы всего лишь шайка преступных мерзавцев, промысляющими убийством.

– И развозом мебели! – дополнила за нее Сара.

– Я действительно думал, что вы решаете проблемы! А вы делаете только еще хуже! – сказал свое слово Унгер Прайтман.

– Выпейте воды, успокойтесь, – размеренным тоном предложил им Теренс Лоранж. – Ваше негодование мне ясно.

– ЯСНО?! Да что тебе ясно?! – возмутился Унгер, стукнув кулаком по столу так, что стаканы даже подпрыгнули, однако такой порыв на Теренса Лоранжа не подействовал, он сохранил на лице беззаботную невозмутимость, и это не могло быть нормально.

– Ясно, что вы злитесь, и кстати, абсолютно напрасно, – мягко улыбнулся Теренс. – Потому что озвучив свое желание, вы стали частью нашей большой и, так уж сложилось, очень дружной семьи.

– Какой-какой семьи? – делано переспросила его Бейла.

– Дружной, – сдержанно произнес Теренс. – Видите ли, господа и дамы, вы ведь не можете отрицать того факта, что все вы решили свои проблемы. Вот вы, мисс Гейл, вернули себе работу и, как было заявлено и озвучено вами же, стали вице-президентом компании. – Теренс вынул из кармана три маленьких клочка бумаги, демонстративно перед собой разложил их веером и отдал один из листков в руки крайне изумленной Бейлы. Та ничего не могла сказать против этой правды.

– Вы, мисс Уитл, – продолжал Теренс, – отбили собственный дом, теперь вам есть где жить! – отдал клочок бумаги в ее руки, так что и Саре пришлось на время замолчать.

– Ну а вы, мистер Прайтман, чем недовольны? Вы избавились от безутешных скитаний, вернулись с грязной улицы в свою родную квартиру! – отдал последний клочок бумаги и ему.

Сам же сложил ладони в виде пирамидки, двусмысленно улыбнулся, изучающе всматриваясь в лица собравшихся здесь людей, все еще хранивших напряженно-взволнованное молчание.

– Помощь нужна не только вам, – мягко произнес Лоранж, – она нужна всем, кто в ней нуждается: скажите мне, разве мы отвернулись от вас, когда вы выходили из демонстрационного зала и мы устроили вам такой пышный прием?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.